

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XVIII—XIX

SZEGED
1987

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XVIII—XIX

SZEGED

1987

**Publicationes Instituti Philologiae Rossicae
in Universitate de Attila József Nominata**

**Redigit:
Imre H. Tóth**

**HU ISSN 0324—6523 Acta Univ. Szeged
A. József Nom.**

ISSN 0237—9554

**Seriem publicationum edendam curat:
Károly Fábricz**

A SIGN-THEORETICAL MODEL OF SEMANTIC STRUCTURE IN LANGUAGE

C. H. van Schoonefeld
(Indiana University, Bloomington)

1. Introduction. My methodological premisses are: 1. The one form--one meaning principle, a corollary to the sign nature of language; 2. The principle of hyponymy: each semantic opposition goes ultimately back to oppositions of the marked--unmarked type, i.e. to inclusion relationships; 3. In language, there is very likely a limited number of semantic features, probably six¹, which operate on probably four levels of deixis; 4. The features constitute in turn a hierarchy of implication relationships; 5. All semantic categories of language, grammatical as well as lexical, are formed by either single occurrences or cumulations of these features possibly taken from more than one deictic level²; 6. Lexical meaning is unmarked versus grammatical meaning in that the latter operates with cues for identification which can be handled by any observer of the narrated situation; lexical meaning gives identificational cues which are objective in that they can be utilized by any observer, and not necessarily the observers of the speech situation, i.e. speaker and receiver; 7. Identificational cues, that is, semantic features and consequently meanings, are conceived in terms of the identification act itself.

What is crucial for the discussion of semantic structure is that in all semantic categories of a language, we seem to find, *mutatis mutandis*, the recurrence³ of the same six semantic features: plurality, dimensionality, identity, extension, cancellation, and objectiveness. It seems that we have to do with six cardinal invariant components which have two characteristics. One is that they are arranged in an implication relationship. Each succeeding feature, besides adding its own information, implies the information conveyed by the preceding feature. Thus, each succeeding feature contains the information of the preceding feature and the information of each preceding feature is contained in the next feature. As far as the objects to which the features refer are concerned, the situation

tends to be the reverse. The objects referred to by each succeeding feature are specified by more properties than the object indicated by the preceding feature and constitute therefore subsets of the set of objects designated by the preceding feature⁴.

It is, secondly, of the utmost importance to note that the information carried by each feature is conceived in terms of the act of identifying the objects it refers to. It has always been a cause of great wonderment to me that a set of sound waves produced by the vocal organs are capable of giving instructions to the receiver how to zero in with his sensory organs on one or more elements of a subset of objects in external reality, such as fields, lakes, chairs, tables, trees, rivers, not to mention more abstract notions such as skill, thirst, dream, thought, pride and the like. The central thesis of this paper is that these instructions are conceptualized by languages, to be sure, in various ways, but always in terms of the zeroing-in act itself. In fact, the sentence at the beginning of this paragraph almost contains a contradiction if one thinks of "objects" as "objects in external reality", because it follows from that sentence that the features can indicate only identification acts. It is only indirectly, because one identification technique is better adapted to identify one type of (external) object, and another identification procedure better serves to identify another sort of (external) object, that the conceptual features are able to distinguish between and refer to - that is, to identify - objects in external reality. Thus, the only contact that language has with external reality is the fact that there is an identification act.

2. Deixis. The lexicon is the semantic structure concerned with the narrated situation. Whether we have to do with a verb, a substantive, an adjective or an adverb, they all evoke a scene in the narrated situation. Components of such a scene (referents) may be identified by any observer whatsoever (whether encoder /speaker/ or decoder /receiver/ of the speech transmission /utterance/ or not) or by a more restricted type of observer,

that is to say an identifier who is at the same time encoder (speaker) or decoder (receiver) of the transmitted utterance. In the first type, we have from distinctness on to do with identificational deixis, whereas in the second type we have to do with transmissional deixis. The latter type of deixis is the type that is called "deixis" in traditional grammar. In the first type, which I call the "identificational" type of deixis, one can talk about an initiator of the identification procedure (the first identifier) and respondents (subsequent identifiers who are witnesses of the first identification); in the latter, the speaker and receiver are among the initiator and respondents, respectively.

The second, transmissional (traditional) variety of deixis is based on Saussure's absolutely fundamental distinction between the linguistic code (langue) and the activation of this code in the enunciation (parole).

It seems to me almost trivial to state that the meaning of words provides the listener with the identification cues needed to identify object in extralinguistic reality. When using the word 'dog', the speaker elicits the activation of the concept 'dog' in the central nervous system of the receiver, and the receiver will order his sensory organs to scan extralinguistic reality for one or more members of the set of dogs. When I try to present a simple scheme of the way language works, a situation like the beginning of a naval action comes to mind. A squadron (comparable to the listener) receives a message (parole) (that is, the activation of the code in an actual application) from its Admiralty instructing to scan the ocean for an enemy battleship and engage it in combat. Note that in the message (in Jakobson's sense of parole) one can distinguish the activation of two elements: the radio waves (comparable to the sound waves, or form, to use the term of the Saussurian-Jakobsonian linguistic tradition) and the information (comparable to the meaning of an enunciation in language). Parole has an acoustic and a semantic aspect. The squadron decodes the message, identifying its components to represent units of the given code. Note also that I use here message, as does Jakobson, in yet a second sense. I use message here to mean not the activation

of the code, but the results of the activation of the code: a string of forms (radio waves, or sound waves in a speech situation) and a string of units of information, that is, the meanings which this string of forms conveys.

One identification act has not taken place: the identification of the object(s) indicated by the information conveyed by the sound waves. What does the squadron proceed to do? It starts scanning the ocean for the enemy battleship, just as after hearing 'Look, there is the/an airplane' the listener will start scanning the area of reality that is accessible to his senses for an airplane. We have now switched from a speech situation to a narrated situation: the battleship is the object talked about; it constitutes a mini-narrated situation. If all goes according to the Admiralty's planning the scanning will be followed by an identification; the battleship will be identified (see Figure 1). From the point of view of the code, the transmission of a sign is supposed to result in an identification. A frustration of this expectation creates special types of communication: lies, fairy tales, literary fiction.

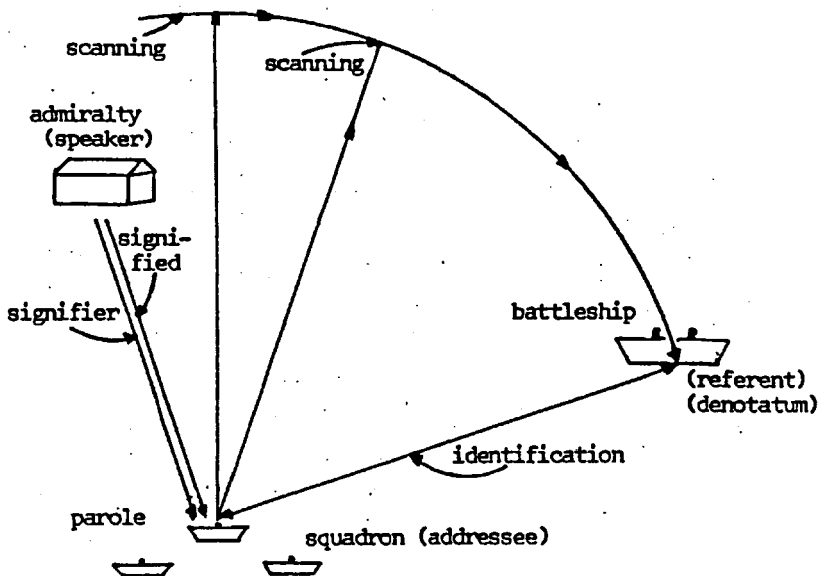

Figure 1

As a rule, then, a speech event involves two identification acts: 1. the identification of the sound waves, and 2. the identification of the elements of the narrated situation as they exist in the external world and as they are indicated by the meaning (information) conveyed by the sound waves. One can say, then, following the insights suggested by Roman Jakobson, that a parole involves 1. an identification directly based upon the perception of a speech act (speech situation), that is, on the perception of the parole (complex of sound waves) itself, and 2. an identification based upon the perception of external reality (the narrated situation) and based indirectly upon the perception of the speech act, since the speech act conveys the information which provides cues for the identification of elements of the narrated situation (external reality).

Linguistics, or at least certain currents of it, up to the present time has paid serious attention only to the speech act, that is, the transmission of the message. This can lead only to a theory of the identification act mentioned under point 1. The identification act of point 2 has never been seen on a par with the identification of the transmission act. Not only do linguists usually not make, in their thinking, as sharp a distinction between norm (code) and act as I have made here, following the Saussurian tradition, but the fact that the linguistic code implies, besides the identification of a referent has never been utilized. In lexical meaning, as in grammatical meaning, however, both identification acts are fundamental facts that serve as the building material from which the code of linguistic semantic features is constructed.

3. Autopoiesis. As I stated, each succeeding feature is more specific than each preceding feature since the succeeding feature incorporates the information given in the preceding feature. This operates apparently in the following manner. As soon as a feature is actually applied in a given identification procedure, additional information is gathered during this identification procedure. The application of a given feature in an identification situation creates a new type of identification situation. It is the invariant

information about this new type of identification situation which is recodified. This (re)codification creates the next feature. Thus, the inclusion hierarchy of conceptual features builds itself by codifying the application of the preceding feature. One might say that each succeeding feature equals the preceding feature plus its codified application. Since this succeeding feature again can be applied in turn, thus leading, via (re)codification of the application, to again a new feature succeeding the preceding succeeding feature in turn, one can say that the feature hierarchy creates itself, is autopoietic, by an intermittence between the application of the code and the code itself. An identification act leads to the codification of a new feature, a new identification act applying this feature leads to the codification of a new feature, this new feature is applied in turn, and so on. According to the recent biological theory of autopoiesis proposed by the two Chilean physiologists, H.R. Maturana and F.J. Varela, the perceptual mechanism of the central nervous system is built up in the same manner⁵. The central nervous system monitors its own perception acts and incorporates in a preconceived manner the results of these observations into the perceptual mechanism, thus creating more sophisticated perception techniques. Autopoiesis is based on the fact that the system can observe and register its own operations. Meaning is evidently conceived in terms of the various perception techniques leading to an identification act. In other words, it seems that meanings, being essentially instructions how to identify, are conceived precisely in terms of the working of the mechanism of the nervous system that actually does the perceiving and identifying. In language the hierarchy of six features apparently exhausts itself with the objectiveness feature; to judge by the statements of Maturana and Varela, in the physiology of the central nervous system this autopoiesis can go on endlessly.

4. The six conceptual (semantic) features.

a. Plurality. The plurality feature indicates a multiple of perceptions. Whether these multiple perceptions apply to more than one object or just one is a secondary matter. Plurality creates an intuitive set; the concept of singleton set is obviously a refinement invented by mathematicians. The plurality feature simply says

that a given perception act has to be repeated. Whether the result is a reference to a plurality of segments in external reality or a multiple of perception operations on the same segment is not specified. Any plurality of identifications will do.

The identificational plurality feature (plur') corresponds to the traditional notion of transitivity in verbs. Plurality says that at the termination of the verbal process there will be more than one actant. Since one actant is automatically given at the beginning of the process as the initial point of identification about which information is given, it usually makes the impression of being the point from which the process emanates. One of the multiple of actants indicated to exist at the end of the process will be identified with the initial actant, and suggest that this actant has existed all along. This, in turn, will implicitly suggest the agent. The other actants will appear to have originated during the process or to have been influenced, that is to say, been the objectives of the process, and hence of the agent. Thus the entire semantic mechanism will suggest that they are patients. All the other features will refer to the patient since they, like the plurality feature focus the information they give upon the terminal situation. Plurality distinguishes in Russian -бавить (+plur') 'to make be' from быть (Ø) 'to be', иметь (+plur' +ext') 'to have' from есть (+ext') "emphatic 'am', 'are', 'is'", and German haben (+plur' +ext') 'to have' from wesen (+ext') 'to be' /sein 'to be', like Russian быть, is the lexically unmarked verb/.

In the adjective, tr' is the marking of the maximalizing member of the adjectival lexical oppositions maximalizing (approbative) vs. minimalizing (unmarked) good (+tr') vs. bad (Ø), long (+tr') vs. short (Ø), big (+tr') vs. little (Ø), old (+tr') vs. new (Ø), and others. It has been claimed that the maximalizing (approbative) member is unmarked, since in the interrogative phrase how + maximalizing adjective the maximalizing member comprises the minimalizing concept: How good is he?, How long is it?, How big is it?, How old is it?, all include the possibility that the substantival referent is minimally good, long, big or old; in other words, that the referent is bad, short, little or new⁶. However, the usage of the maxim-

alizing adjective after how is induced by the fact that expressions like how big, how long, how old, how good, etc. imply an intent to measure. Hence the adjective is used which implies a measuring of more than one minimal unit. The existence of more than one (minimal) unit is precisely the information conveyed by plurality. In this connection it is interesting to note that languages tend to ask the quantitative question by means of a qualitative interrogative adverb, how (and its homologues in other languages). How is used because the maximalizing (approbative) adjective itself implies a calibration implying a substantive (plurality) operation. The only task which remains for the qualitative interrogative adverb how is to ask after the method by which this calibration (plurality operation) is done since the speaker is interested in the resulting quantitative measurement. The minimalizing adjectival type is unmarked for plurality. Like the substantival singular, it does not state whether we have to do with a multiple or with a singleton. Within the opposition: marked for plurality vs. not marked for plurality, what will the general meaning of such an unmarked adjective be? Obviously, it will convey a doubt whether we have to do with a plurality or not, that is to say, it will minimize. It cannot state outright that we have to do with a singleton, just as the substantival (grammatical) singular by itself does not indicate that we are concerned with one single item; this has to be done contextually; the cow is a useful animal obviously refers to cows in general, whereas the cow of my uncle ran away yesterday refers to one single cow. The difference in the working of plurality in adjectival lexical meaning and substantival lexical meaning is due to the difference in categorial meaning between adjective and substantive. The adjective signifies an enduring property of the substantivity it modifies, comparing at the same time the property with the way this property would be manifested in other substantivities. The adjective cannot make a choice between a single measurement of property and a multiple of these measurements. It can only imply that the measure of property conveyed by the adjective which is unmarked for lexical plurality is less than the measure of property indicated by the adjective marked for lexical plurality. Hence the former will minim-

alize, whereas the latter maximalizes.

Thus the adjectival lexical plurality feature creates an extended continuum rather than a multiple of discrete elements, as is the case in the grammatical substantival plural. In substantival lexical plurality, too, we find an extended continuum: it creates collective nouns like iron or sugar (+plur') vs. house or dog (Ø). The grammatical adjectival plural gives an extended continuum of an enduring property (enduring property being the categorial meaning of the part of speech adjective), that is to say, it creates the comparative.

b. Dimensionality. The dimensionality feature assumes a set as background, but considers only a section of this set relevant as its perceptive objective. Thus the dimensionality feature instructs the sensory apparatus to scan for (an) element(s) that is (are) set off from its background altogether, or (an) element(s) that has (have) outlines. There is a limited number of relevant elements viewed with reference to a universal set of similar elements. The common semantic denominator of all these examples is the selection of one area, coupled by one or more elements, within a larger area; in other words, the creation of a subset. The selection of a subset from a given background is guided by contextual criteria; the subset itself, just as in mathematics, can have any properties that are capable of setting off its elements from their peers. If one considers the extensional subset of mathematics as randomly selected and the intensional subset as selected according to a priori given criteria, then one can say that the dimensionality subset is of the intensional type; with the understanding that the selection is according to criteria chosen ad hoc. The selection performed in the dimensionality operation will involve a set which stands out conspicuously from its background.

Dimensionality (dim') in the verbal lexicon lends outlines to the agent or the patient, respectively; it opposes to stand and to sit to to lie. In the adjectival category, big is marked for dimensionality and plurality.

It is evident that the concept of dimensionality implies the concept of plurality; a subset is created within a (containing) set. This is to say that the two features, plurality and dimension-

ality, are ordered: plurality precedes dimensionality.

c. Identity. Dimensionality identifies any subset within a containing set. There are no flexible criteria: any set that stands out within a larger set will do. There is no generally identifiable immutable criterion which distinguishes the subset from its background. Dimensionality is a quantitative, not a qualitative operation; the quality which makes the subset stand out is ad hoc. The application of dimensionality results in one (sub)set being identified ad hoc. In identity, the ad-hocness of the choice of the set selected is codified. Ad-hocness itself becomes the new invariant. The identity of the identification act itself becomes relevant. Having to do with a given identification act with the exclusion of all others is at the basis of the instructions for identification conveyed by the identity feature. The identity feature announces that one specific referent (the question whether the referent consists of a multiple set or a singleton set is irrelevant /unmarked/) has been identified before encoding; this identification belongs to the code; it is codal. The identification act has become codal. The identity feature has deixis of the identification act. It has identificational deixis. The identity feature introduces deixis into the hierarchy of conceptual features. Within this hierarchy, it is the first feature to carry identificational deixis.

We can therefore see deixis as the restriction of the prerogative of identifying to the initiator alone. To be sure, this does not mean that the respondent has no cues in the situational context leading him or her to the identification of the referent which is, consequently, an extensionally defined set. He or she must now look for the intention of the initiator as his only cue.

Identity (id') in the verbal lexicon indicates that there is a third distinct element present on a par with the agent and/or the patient; it opposes to sit (+id') to to stand, to ride to to go and to cut to to break. In the marked types, an instrument is involved.

d. Extension. The simplest way to distinguish one perception procedure from another is by repetition. This is why plurality is the first conceptual distinctive feature; it represents the simplest

way of distinguishing one type of identification technique from another. In extension we find the same thing, except that extension is derived from the identity feature and gives the instruction to identify more than once a referent that has already been identified before the encoding. In other words, extension amplifies the deixis initiated by the identity feature. It instructs to reidentify the same referent. Extension introduces the notion of time into the semantic system.

In extension, the notions of (identificational) deixis and of repetition are crucial. What does deixis mean? That we are concerned with a referent (set) that has already been identified by the initiator. What does repetition mean? That we reidentify this referent a non-limited number of times. In other words, extension signalizes a plurality of reidentifications of a referent that has already been identified. Extension demonstrates to us how the identification mechanism observes itself observe (perceive, i.e. identify the referent).

Extension (ext') signalizes that the agent or patient, after having been involved in a process (a fully characterizing property evolving in time) remains minimally affected by this process. It opposes to step to to go, to stay to to be, to throw to to cast, and German wesen to sein.

e. Cancellation. Cancellation elaborates on extension. Extension de facto divides the narrated situation up into an initial period and a (non-finite) second period. For instance, the preposition out is marked for cancellation since it indicates an in situation that is cancelled (in is unmarked for cancellation). Cancellation states that only the second period is relevant with the exclusion of the first period. The new subset consists of the unbounded second period. It is evident that the concept of space is based on the concept of time, since in order to establish space one needs at least two points. Two or more points imply in turn counting, and counting implies a succession in time. Thus cancellation develops the notion of space out of the notion of time, which is created by extension. It also should be noted that cancellation brings up the quest for the identity of the space in which the referent is located,

or rather the two spaces which are relevant for the location of the referent, three times. First in the initial period of the narrated situation the identity of the first space is asserted. Second, the identity of the first space in the ensuing non-finite period of the narrated situation, with emphasis on the continuity of the identity of this first space throughout the two periods, is established. Third, the separate identity of the second period is established and the relevance of the first period and consequently of the first space is denied. Thus cancellation incorporates in its conceptualization not only identity but also the ensuing extension feature.

Cancellation (canc') assumes an initial situation and informs us that it is cancelled. Thus, to give assumes an initial 'have' situation which is cancelled. Likewise, to end signifies the cancellation of a 'make' situation. In the prepositions, it opposes out to in. In verbal grammar it opposes the past tense to the present.

f. Objectiveness. In objectiveness, both the initial and non-finite second spaces are considered to be of equal relevance; the referent is potentially maximally distant from either. Spatially continuous relations tend to change into a relation of mere synchronization. In objectiveness, the feature hierarchy seems to reach its limit. The referent has become maximally independent in the narrated situation, the initial referent all the same remaining the orientation point for the identifiability of the referent.

Objectiveness (obj') states that the terminal situation is potentially maximally distant from the initial situation. The feature marks to hold vs. to have, to let vs. to give, to run vs. to go, to grasp vs. to take, to shout vs. to speak and to create vs. to make. (The second members of these oppositions are unmarked). In verbal grammar it opposes the perfect to the present.

The hierarchy of the six semantic features is represented in diagram form in Figure 2 (see next page).

5. Transmissional deixis. As I have mentioned, the linguistic code distinguishes between two types of identifiers. One type of identifier is general; the identifier can be anybody, whether he/she is at the same time the encoder or decoder of a speech transmission or not. The second type of identifier constitutes a subset

Plurality

ref :: signatum

Dimensionality

ref :: signatum

Identity

ref :: signatum

Extension

ref
ref :: signatum

Cancellation

ref
ref
ref :: signatum

Objectiveness

ref
ref
ref
ref :: signatum

:: means : corresponds to

the horizontal lines indicate the narrated situation

the broken lines in Plurality and Dimensionality indicate a non-finite set

the broken lines in Cancellation and Objectiveness indicate cancellation

Figure 2

of the first type. It is restricted to the identifiers who are at the same time the encoders (speakers) or decoders (receivers) of a transmitted utterance. The six features are differentiated into two varieties depending on whether we have to do with an identifier who perceives in general or with the "transmissional" identifier, so that there exist two varieties of six features, a mere "identificational" type and a "transmissional" type. In this connection, the notions of "identificational" deixis and of "transmissional" deixis are relevant.

Lexical transmissionally deictic plurality (plur') indicates that the terminal situation is a reality to speaker and addressee and is characteristic of verbs like make, create, build, speak, paint, write and others and in German of the intransitive verb werden. The emphasis on the fact that the terminal plurality is a reality to speaker and addressee, and not just from the point of view of any observer of the narrated situation (as is the case with plur'), tends to create in (identificationally) transitive verbs (plur') the implication that there was non-existence of the plurality at the initial point of the process; hence, only the agent existed. Consequently, plur' implies a transition from non-existence to existence of the patient. In intransitive verbs (verbs unmarked for plur'), i.e. verbs of the type of German werden the situation is somewhat harder to pinpoint, but essentially analogous to what happens in transitive (plur') verbs. We must realize that the actant at the initial point (usually the agent) is always given, but it is a given posited by the speaker as a point in space that he takes as the point of departure (theme) for his predication. This usually implies that the theme (agent) existed before the moment of speaking or before the verbal process began, but this is not necessarily so, since the existence may start at the moment of the pointing out or even later. This is precisely what German er wird may mean; in fact, it explains why one of the meanings of German werden consists of its being an auxiliary of the periphrastic future. As far as the principal meaning 'become' is concerned, the Slavic languages as well as English and French have no separate lexical morpheme for it; in Russian the determinate of стоять 'to stand' (i.e. стать) is

used and English and French use compounds of the verb to come: de-venir. What we have in werden is a verbal process that has no point of departure actually existing before the beginning of the process, something which is not the case in transitive (plur') verbs, where the agent is usually posited to exist. Apparently, this situation is not tolerated in languages like Russian, English or French. This must be due to the rules, different for each individual language, that govern the relation between point of departure in space (the modified, the topic, the theme) arbitrarily set by the speaker, which may be abstract, and other points in extralinguistic reality (modifiers, the comment, the rheme) which give information about it. I call the relationship the "semantic coefficient" or the "semantic dominant" of the given language. An attempt to get closer to the semantic dominant is made in two of my recent papers⁷. Maturana and Varela evidently posit the existence of such semantic dominants in stating that for each species the nervous system is organized differently⁸.

Transmissionally deictic dimensionality (dim") creates location and provides the marking for verbs like sit, lie, stand, walk, run, step, hand, fall, dig, drag, hang, see, hear, seek and others.

Transmissionally deictic identity (id") indicates an extra link between the comment and an element in the narrated situation (usually, the topic) and creates fields implying physical or perceptual contact or linking. It marks verbs like touch, beat, push, pull, drag, and on a more abstract level, verbs of perception like hear, feel, see, smell, show, speak, paint, write and others.

Transmissionally deictic extension (ext") indicates that the terminal situation remains a reference point to speaker and addressee. In Russian, it occurs in the well-known opposition between so-called determinate verbs of motion, which carry an inherent goal, and the unmarked indeterminate verbs, but actually, the feature also occurs widely outside verbs of motion. In English, which never has been the subject of a systematic investigation on my part, it occurs quite likely in to come and it seems that in Germanic languages in general it occurs in a number of strong verbs; cf., e.g. to go vs. to walk (unmarked for determinacy), and it recurs

also in a considerable number of Russian adjectives; in English, a parallel example is fast vs. quick (unmarked). In fast, the question may be asked outright when the actant will get to the terminal point, e.g. in a fast horse vs. a quick horse. The terminal point figures in the eyes of speaker and receiver as a point of reference. Also in to make fast or fast living, a resulting enduring reference point is implied. The lexical morphemes carrying the extension feature tend to refer to the same segments of extralinguistic reality as their unmarked counterparts since extension in general qualifies its referents as having undergone a minimal change in comparison to what is indicated by the unmarked members of the opposition; hence the opposition presents particular difficulties for the analysis, and requires special techniques. In Russian grammatical tradition for instance, determinacy is often a grammatical category within the verbal system and to be characteristic primarily of verbs of linear motion, whereas actually, although not easy to identify, it is much more widespread and belongs to the lexicon. It occurs, for instance, in the oppositions видать 'to see' (indet.) vs. видеть 'idem' (determinate) and слыхать 'to hear' (indet.) vs. слышать 'idem' (determinate) while in бросать 'to throw' (indeterm., imperfective) vs. бросить 'idem' (determinate, perfective) there is syncretism between the lexical opposition indeterminate and determinate (ext") and the aspect opposition. This is typical of Russian verbs of non-linear separation; cf. also падать 'to fall' vs. пасть 'idem' (determinate).

Transmissionally deictic cancellation (canc") is the marking of verbs like take, grasp, haul, hunt, steal, pull, drag, dig, want, will, seek, guess and others; it means, generally speaking, the (forced) abandonment by the patient or agent of an independently given initial point.

Finally, transmissionally deictic objectiveness (obj") means that the terminal situation is potentially maximally remote from speaker and addressee and, by implication, from the initial situation of the agent. The verb merely marked by obj" and no other feature is shall, but in general obj" creates what in English are called 'modals'; thus, can, which is marked by plur" besides obj", signifies a reality (plur") which is potentially maximally distant

(obj") and indicates that the condition for the terminal situation to materialize is the disruption of an original situation (restr") which is outside the control of the agent as well as speaker and addressee (obj"). Seek in addition to restr" and obj" is marked by location (dim"). The obj" feature combined with dist" creates verbs like to know; combined in addition with plur" it creates to think, whereas obj" cumulated with id" and dim" creates verbs of perception like hear, see; adding to this cumulation plur" generates such verbs as to show, to speak, to point, and to write.

The same features can be found in the lexica of adjective and substantive, with the understanding that the categorial meanings of adjective and substantive as parts of speech are different from the categorial meaning of verb as a part of speech. The adjective means enduring perceptibility since as a word category (part of speech) it is marked by objectiveness, whereas the verb is marked by dimensionality; thus, canc' + plur' within the adjectival category gives deep (Russian глубокий) whereas dim' + plur' in the adjectival lexicon gives big (Russian большой). Ext" added to the latter adjectival lexical unit gives great (Russian великий). The latter adjective, in contradiction to big, implies a point of reference with regard to the point where the speaker is. It creates perspective.

The number of features that can, speaking theoretically, cumulate, exclusive of word-formative complexes, within one lexical morpheme within one part of speech is probably eighteen (six on three levels of deixis: identificational, transmissional and singulative identificational). The complexity of the resulting cumulations is comparable to that of molecules in organic chemistry.

6. Two varieties of identificational and transmissional deixis: four deictic strata. There is a second stratum of identificational deixis (my notation for it is by three primes), which is characteristic of several categories, among which pronouns present the most conspicuous type. In the singulatively identificational deictic type, all identifications, the initiator's as well as the respondent's have to be performed at the same moment.

In the demonstrative pronouns the procedure is obvious. To be sure, in pronouns in general the moment of identification does not

does not have to be the moment of encodement; in a sentence like he who kills his neighbor should be punished the referent of the pronoun he is identifiable beyond the moment of encodement. Another way of formulating singulativity is to say that while (non-singulative) identificational and (non-singulative) transmissional deixis generalize individual identification acts through recodification, the ultimate recodification represented by singulativity generalizes the non-generalizability, that is, the absolute individuality of the identification act⁹. This is why pronouns have no generic meaning but are purely deictic in the sense of ostension, or, in other words, pointing (cf. Gr. deiknumi).

The second zone of deixis, singulativity, exists also in transmissional deixis. My notation for it is by four primes. By singulative transmissional deixis a form refers to the fact of its own pronunciation as a unique event. It is characteristic in relatively antique (inflectional) Indo-european languages of the categorial meaning of word formation (an operation on a preceding morpheme), of the categorial meaning of grammatical morphemes, which relate the referent of the morphemes which precede in the same word to the speech situation, and of agreement.

Thus, four types of deixis multiply the six semantic features by four. In a relatively antique type of Indo-european language like Latin, the semantic features are implemented to constitute the signifieds of morphemes forming a word as indicated in Table 1. I am listing the optimal number of features; to be sure, only a few of them occur in a word at the same time. Lex indicates "lexical meaning", wf "word formation", and p.o.s. "part of speech" ("word category").

We can represent the four types of deixis by the following diagram:

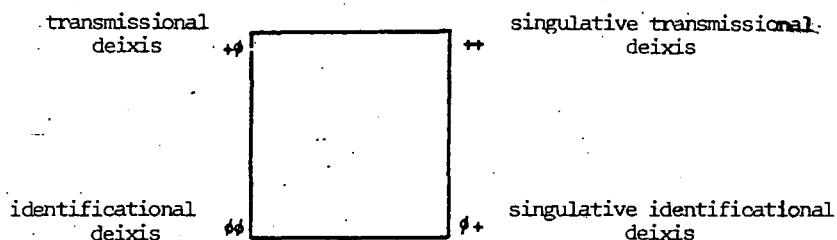

Figure 3: deixis square

Ø''' (lex)	plur''' (wf)	plur''' (wf)	dim''' (p.o.s.)	id''' (grammatical)	ext''' (agreement)	canc''' (agreement)	obj''' (agreement)
hab	- ili	-	tat	- em	[case] [number]	[p.o.s.] [gender]	[pers. pron.]
<u>plur'</u> <u>dim'</u> <u>id'</u> <u>ext'</u> <u>canc'</u> <u>obj'</u>	<u>plur'</u> <u>dim'</u> <u>id'</u> <u>ext'</u> <u>canc'</u> <u>obj'</u>	<u>plur'</u> <u>dim'</u> <u>id'</u> <u>ext'</u> <u>canc'</u> <u>obj'</u>	<u>plur'</u> <u>dim'</u> <u>id'</u> <u>ext'</u> <u>canc'</u> <u>obj'</u>	<u>plur'</u> <u>dim'</u> <u>id'</u> <u>ext'</u> <u>canc'</u> <u>obj'</u>	<u>plur'</u> <u>dim'</u> <u>id'</u> <u>ext'</u> <u>canc'</u> <u>obj'</u>	<u>plur'</u> <u>dim'</u> <u>id'</u> <u>ext'</u> <u>canc'</u> <u>obj'</u>	<u>plur'</u> <u>dim'</u> <u>id'</u> <u>ext'</u> <u>canc'</u> <u>obj'</u>
plur'' dim'' id'' ext'' canc'' obj''	plur'' dim'' id'' ext'' canc'' obj''	plur'' dim'' id'' ext'' canc'' obj''	plur'' dim'' id'' ext'' canc'' obj''	plur'' dim'' id'' ext'' canc'' obj''	plur'' dim'' id'' ext'' canc'' obj''	plur'' dim'' id'' ext'' canc'' obj''	plur'' dim'' id'' ext'' canc'' obj''
plur''' dim''' id''' ext''' canc''' obj'''	plur''' dim''' id''' ext''' canc''' obj'''	plur''' dim''' id''' ext''' canc''' obj'''	plur''' dim''' id''' ext''' canc''' obj'''	plur''' dim''' id''' ext''' canc''' obj'''	plur''' dim''' id''' ext''' canc''' obj'''	plur''' dim''' id''' ext''' canc''' obj'''	plur''' dim''' id''' ext''' canc''' obj'''

Table 1. The morphemic composition of the Latin accusative singular habilitatem 'aptitude'. The features for which the word is actually marked are underlined.

From id' on, single primes are identificationally deictic.

Double primes: transmissional deixis.

Triple primes: singulative identificational deixis.

Quadruple primes: singulative transmissional deixis.

What singulativeness does is synchronize identifications into one single pulse in time.

If such identification is done in the narrated situation, then we have to do with singulative identificational deixis. Singulative identificational deixis occurs in pronouns, proper nouns, gender, numerals and moods. I shall briefly discuss, as an especially easily understood example, pronominality. Pronominality in its simplest form is found in the demonstrative pronouns. What the demonstrative pronoun, that is, singulative identificational deixis, tells the respondent to do, is to identify at the same moment the initiator identifies. Demonstrative pronouns like this and that are usually described by linguists as indicating closeness or remoteness from the speaker. This is only indirectly correct. What pronominality does is invite all potential observers of the referent to a reunion devoted to one spell of identification of the referent for all of them at the same time. When singulative identification is applied in an actual parole, it creates a separate plane supporting identification relations which is visible, among others, from the plane of the speech situation. Thus the speaker and addressee can project themselves upon the singulative identification plane as the once-occurring observers of the singulative (once-occurring) identification (narrated) situation. However, these once-occurring observers may have a more general nature than speaker and addressee. Singulative identificational reference also creates anaphora. The projection onto the singulative identification plane from the parole plane is very much comparable to the omniscient author projecting himself (and his readers) onto the plane of the narration contained in a novel.

The relation between the plane of the speech situation and the plane of singulative identification can be represented as follows:

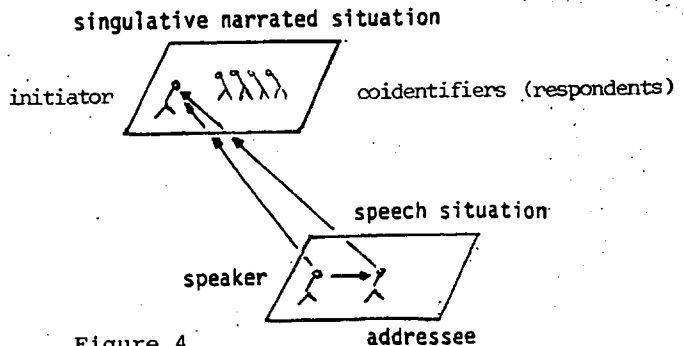

Figure 4

When transmissionality is cumulated with singulativity, initiator (encoder, speaker) and respondent/s/ (decoder/s/, receiver/s/) must all identify in the same time pulse. This means that they all must hear the transmission of the utterance, that is, the parole while it is being performed. The set of identifiers is restricted to those who hear the utterance while it is being pronounced. Singulative transmissional deixis causes the sign to signify its own once-occurring pronunciation. Thus, singulative transmissional plurality means that a morpheme is a component of a multiple of at least two "morphemic" pronunciations (i.e. of morpheme/s/): it signifies word formation. Singulative transmissional distinctness asks the question what the speaker intends (means) by pronouncing this form. It tells the addressee that the speaker invites the addressee to deduce by circumstantial evidence what significance the referent has for the speaker and addressee at the moment of speaking. It signifies grammatical meaning.

Thus, the fact of a sign's being pronounced is a sign in its own right and gives rise to a new range of signifieds. To give one striking example: extension means that a referent as it is seen at the moment that information about it is relevant has minimally changed since it was affected by the influences of the original narrated situation. In other words, after the original situation to which the sign makes a reference in retrospect has taken place, the referent remains maximally the same. What will *ext*" mean? The referent is the signifying power of the given pronunciation of the given sign (morpheme). The moment about which the information is given is the moment at which the signifying power of the given pronunciation takes its effect; that is, the moment of pronunciation of the given morpheme. The original narrated situation is a situation to which the morpheme refers back, in casu, an earlier actualization of the same signifying power. It is not hard to see that *ext*" means agreement¹⁰. The agreement ending -am of novam in the Latin phrase mensam novam 'the new table (fem.acc.sing.)' concerns the signifying power of the pronunciation of the agreeing and not of a direct grammatical morpheme. This signifying power has remained maximally the same since an earlier situation of the signifying power of a morphemic pronunciation, to wit, the pronunciation of the direct

grammatical morpheme (-am in Latin mensam). By means of restr"" and obj"", agreement seems even to be able to distinguish between various morphological categories, such as gender, lexicon and grammar, to which the agreeing morpheme may refer back¹¹. (see Table 1.)

Singulative transmissional deixis (Ø"", plur"" etc.) creates signata of an entirely novel nature and leads in the antique type of Indo-european language, like Greek, Latin, Sanskrit or Russian, to the concatenation: lexical morpheme - word formative morpheme - part of speech morpheme - grammatical morpheme - agreement morphemes¹².

Syntax contains the rules of coordination of deictic levels between morphemes belonging to different words¹³. Agreement is just one instance. Another example is the deictic coordination of the grammatical extension feature in an object case like the accusative with the lexical plurality feature in the verb (that is, with verbal transitivity)¹⁴. Yet another example is the syntax of the tenses and of the subjunctive and optative moods in Ancient Greek¹⁵. All syntactic rules are based on the identity of referents.

FOOTNOTES

1. In attempts to characterize the semantic contents of the six features, I have changed the names of several of them in the course of the years. I give here the list, with the earlier names in parentheses: 1. plurality (transitivity), 2. dimensionality, 3. identity (distinctness, duplication), 4. extension, 5. cancellation (restrictedness), and 6. objectiveness.
2. C.H. van Schooneveld. Contribution to the Systematic Comparison of Morphological and Lexical Semantic Structures in the Slavic Languages. In: American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983. Vol. 1, Columbus, Ohio, pp. 321-347; idem, Praguean Structure and Autopoiesis: Deixis as Individuation. To appear in: The First International Roman Jakobson Conference: New Vistas in Grammar: Invariance and Variation. October 10-13. 1985, Benjamins, Amsterdam. As far as identificational deixis is concerned, I used to call it perceptiveal deixis.

3. Regarding the recurrence of the semantic features in various categories of Russian, see, besides the literature quoted in the other footnotes, C.H. van Schooneveld. *Semantic Transmutations: prolegomena to a calculus of meaning*. Vol. 1 (I, Physsardt Series in Prague Linguistics), Bloomington, Indiana, 1978; idem: *By Way of Introduction: Roman Jakobson's tenets and their potential*. In: Roman Jakobson. *Echoes of his Scholarship*. Lisse, 1977, pp. 1-11; idem, *The Place of Gender in the Semantic Structure of the Russian Language*. In: *Scandoslavica*, 23, 1977, pp. 129-138; idem. *Contribution a l'étude comparative des systemes des cas, des prepositions et des catégories grammaticales du verbe en russe moderne*. In: *Studia Slavica hierosolymitana*. II, Jerusalem, 1978, pp. 41-50; idem. *A Semantic Approach to Word Formation in Contemporary Standard Russian*. In: *American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists*. Columbus, Ohio, 1978, pp. 579-615; idem. *A Semantic Proteus: the transitivity feature in Russian*. In: *Studia Linguistica in Honorem Vladimiri I. Georgiev*. Sofia, 1980, pp. 377-385; idem. *The Extension Feature in Russian*. In: *Slavic Linguistics and Poetics. Studies for Edward Stankiewicz on his 60th Birthday*. 17 November 1980. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol. XXV/XXVI, Columbus, Ohio, 1982, pp. 445-457. Concerning their possible applicability to other languages, see also: C.H. van Schooneveld. *The Place of the Ergative Within the Category of Case*. In: *Signs of Friendship: to Honour A.G.F. van Holk, Slavist, Linguist, Semiotician*. Amsterdam, 1984, pp. 225--256; idem. *Is the Vocative a Case? To appear in: International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Volume XXXI-XXXII. Columbus, Ohio, 1986, pp. 495--514. J. Levenberg. *A semantic analysis of aspect in Russian and Serbo-croatian*. Ann Arbor, Michigan (University Microfilms); idem. *K дистрибуции двух славянских грамматических категорий*. In: *Revue des études slaves*, 57, 1985, pp. 461--468; H.K. Temiseva. *The Semantic Conceptual Features in the Finnish Case System: the inner and the outer local cases*. Brigham Young University, 1979; D. Soudakoff. *A Semantic Comparison between Polish and Russian Prepositions*. Ann Arbor, Michigan (University Microfilms), 1985; L.R. Waugh. *A Semantic Analysis of the French tense system*. In: *Orbis*, 24/2, pp. 436--485.
4. C.H. van Schooneveld. *Contribution...*, *American Contributions..* Kiev, pp. 328--330; H.R. Maturana and F.J. Varela. *Autopoiesis and Cognition* (Boston Studies in the Philosophy of Science, 42), Dordrecht, 1980.
5. Maturana and Varela. *Autopoiesis and Cognition*, pp. 98, 29, 41.
6. In C.H. van Schooneveld. *Programmatic Sketch of a Theory of Lexical Meaning*. In: *Quaderni di Semantica*, Vol. IV, 1, June 1983, Bologna, pp. 163--164, I argue incorrectly that the minimalizing type is marked for plurality. I repeat the same erroneous opinion in *Quaderni di Semantica*, IV, 2, 1983, p. 119.
7. C.H. van Schooneveld. *Contribution...*, *American Contributions..* Kiev; idem. *Ancient Greek and Modern Russian Prepositions*. *IJSLP XXXI--XXXII*. See also the works of D. Soudakoff and J. Levenberg.

8. C.H. van Schooneveld. Contribution..., American Contributions. Kiev, pp. 330--331; Maturana and Varela. Autopoiesis... pp. 133, 43--44 and 46.
9. C.H. van Schooneveld. Praguean Structure...
10. C.H. van Schooneveld. The Extension Feature in Russian. IJSLP XXV--XXVI. pp. 456--457.
11. C.H. van Schooneveld. Agreement in Russian. Language and Literary Theory: In Honor of Ladislav Matejka. Ann Arbor, 1984, pp. 189--214.
12. C.H. van Schooneveld. The Morphemic Structure of the Slavic Word and Greenberg's Twenty-eighth Universal. In: Slavic Word (ed. D.S. Worth), The Hague, 1973, pp. 443--448.
13. C.H. van Schooneveld. By Way of Introduction... pp. 7--10; R.B. Sangster. Roman Jakobson and Beyond: The Quest for the Ultimate Invariants in Language. Berlin, 1982, Ch. V 4: The Place of Syntax in the Sign Theory of Language.
14. C.H. van Schooneveld. Jakobson's Case System and Syntax. In: Case in Slavic. (eds. R.D. Brecht and J.S. Levine), Columbus, Ohio, 1986, pp. 373--385; idem. The Place of the Opposition Active-Passive in Linguistic Structure. To appear in: Zbornik matice srpske in honor of Milka and Pavle Ivic; idem. Paradigmatic Structure and Syntactic Relations. In: Proceedings of the Prague School and Its Legacy Colloquium. Be'er Sheva, May 1984. To be published by Benjamins, Amsterdam.
15. C.H. van Schooneveld. Syntactic Relations and Paradigms: Tenses and Moods in Ancient Greek Verbal Structure. In: Proceedings of the "From Sign to Text" Colloquium. Be'er Sheva, May 1985. To be published by Benjamins, Amsterdam.

ДРЕВНЕИНДООЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕРФЕКТ И СЛАВЯНСКИЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АРХЕТИПЫ

С. Ковачев

Эволюция древнего перфекта, бытовавшего в доисторический и письменный периоды развития индоевропейских языков, вызывает особый интерес, так как многие ученые придерживались и придерживаются того мнения, что эволюция его протекала в одинаковом направлении, т.е. перфект превращался в нарративное прошедшее, или же отдельные перфектные формы в очень редких случаях приобретали значение настоящего времени. Так, например, А. Мейе утверждает, что "за время развития индоевропейских языков от перфекта образовались формы как настоящего, так и прошедшего времени: лат. *tutudi* /я ударил/ служит для выражения прошедшего времени, а *memini* /помню/ -- настоящего,..."¹

Исследование перфекта как грамматической категории позволяет соприкоснуться с глубоким прошлым индоевропейских языков, выявить некоторые существенные особенности праиндоевропейского языкового строя и исследовать процессы становления, развития и отмирания тех или иных грамматических форм.

Изучению этих процессов, являющихся универсальными для группы родственных языков, мы придаем первостепенное теоретическое и практическое значение, так как почти во всех индоевропейских языках указанные процессы становления и развития перфекта завершились к началу их письменной истории, за исключением санскрита и древнегреческого, ибо эволюцию перфекта в древнегреческом и санскрите мы можем проследить по письменным памятникам, в материалах которых обнаруживаются интересные данные о природе этих процессов.

Говоря о видо-временных отношениях, выражавшихся общеиндоевропейским глаголом на том этапе развития сознания, когда понятия пространства и времени еще не разграничивались, когда эти понятия были еще в своем зародыше, когда они только еще оформля-

лись, мы можем категорически утверждать, что ни грамматической категории времени, ни грамматической категории вида не существовало - была только единственная категория Aktionsart,² выражавшаяся в оппозиции определенности-неопределенности.

Еще А. Мейе отмечает, что "индоевропейские так называемые "временные основы" не обозначают собственно времени... Значение индоевропейских "временных основ" сходно, следовательно, со значением славянских видов, а не германских или латинских времен"³.

Отдавая должное А. Мейе как крупному лингвисту, прокладывавшему новые пути в лингвистике, не следует, однако, забывать, что он не в силах был преодолеть ограниченность школы социологической лингвистики, вытекавшей из буржуазной социологии Шлейхера и Дюргейма⁴.

Вслед за Курциусом и Мейе, открывшими в основах индоевропейского глагола "видовые отношения", многие лингвисты /Ф.Ф. Fortunатов, Л.П. Якубинский и др./ пытались доказать, что славянская грамматическая категория вида является прямым наследием индоевропейского глагола.

И действительно, интерпретируя вопрос о том, что в древнейшую эпоху оппозиция видо-временной системы выражалась в реляциях презенс-аорист и имперфект-перфект, не только вышеупомянутые, но и другие ученые пришли к выводу, что индоевропейские так называемые "временные основы" не обозначают собственного времени и их значение не покрывается значением германских или латинских времен, что эти основы выступают в реляциях, сходных

с реляциями видового противопоставления славянского глагола. Не трудно понять, что эти ученые смешивают древнюю лексическую категорию Aktionsart со славянским видом.

Принимая во внимание то, что древние индоевропейские языки не знали ни грамматической категории вида, ни грамматической категории времени, и что лексическая категория на той стадии развития языков служила для выражения "видо-временных" отношений, мы не можем не подчеркнуть, что понятие настоящего времени в индоевропейском языке — основе являлось на самом деле не понятием абстрактного настоящего, каким оно выступает в сознании человека на современной стадии развития общества, но понятием о действии, развивавшемся и длившемся вне какой бы то ни было системы отсчета, т.е. о действии, совершавшемся безотносительно к моменту речи.

Лексическая категория Aktionsart, выражаясь в оппозиции детерминированности-недетерминированности, представляла действие как длительное или мгновенное в зависимости от семантического содержания глагола. И общеславянский язык унаследовал из индоевропейского глагольные основы с различными формальными показателями и различной семантикой, о чем писал и А.А. Потебня, считавший, что первоначально славянский глагол различал четыре степени длительности. Проводя четкое разграничение этих степеней длительности, Потебня вместе с тем не ставил вопроса об их историчности, о последовательности развития этих степеней, и, вероятнее всего, по той причине, что они представлялись ему как возникшие одновременно. Однако Потебня проник глубоко в самую суть вопроса, сделав вывод, что вида "вовсе не было в языке славянском, как, например, его нет в настоящее время в немецком"⁵.

Независимо от того, что выводы А.А. Потебни исключительно существенны, он в свое время не пытался объяснить, почему в общеславянском не было грамматической категории вида и что является источником этих степеней длительности. Кроме того,

нам кажется, что предложенный А.А. Потебней термин "степени длительности", нельзя считать вполне удачным, так как общиндоевропейские Aktionsart'ные различия выражались не только этими степенями длительности. По нашему мнению, Aktionsart' — это лексическая категория, при которой различные чередования в корне использовались для передачи самых тонких и самых разнообразных оттенков значений. Кстати, нужно отметить, что Aktionsart'ные отношения выражались, главным образом, внутренней флексией, т.е. чередованием корневых гласных, а также и другими способами — например, суффиксами — показателями глагольных классов.

Такие чередования, указывающие на архаичность своего происхождения, обнаруживаются не только в древних, но и в современных индоевропейских языках и проявляются в некоторых глагольных и именных основах, сохранивших старые внутрифлексивные показатели, присущие индоевропейскому праязыку-основе. В этом отношении общеславянский и его ветви — древние славянские языки — обнаруживают прочно устоявшуюся архаичность:

+tek-, +tēk-, +tak-, +tik-, +těk-: текоу, оутѣнати, токъ,
точити, иставати, истоуѣникъ, тѣци;
+чек-, +чѣк-, +чок-, +чик-, +чѣк-: речеши, рѣвъ, пророкъ,
отърицати, рѣци;
+bьd-, +būd-: вѣдѣти, воудати;
+sьh-, +sūh-: сѣхнѣти, соушнѣти;
+vel-, +vol-: велѣти, волити;
+poi-, +pi-: понти, пити;
+pol-, +pal-: полѣти, палити.

Еще более показательными в этом отношении являются глаголы движения. Эти обломки древнейшей старины сохранили внутрифлексивные словообразовательные морфемы, так как они возникли

на самых ранних этапах развития человеческого общества в силу того, что первым осознанным атрибутом материи было движение⁶.

Глаголы движения входят в основной словарный состав данного языка, но общепризнано, что этот состав меньше всего подвергается изменению. Следовательно, глаголы движения, отражающие один из неотъемлемых атрибутов материи, являются реликтами древнейшего лексикона общеиндоевропейского языка-основы, и не удивительно, что в настоящее время древняя лексическая категория Aktionsart "проглядывает" именно в этих глаголах, где сохранилась и Aktionsart'ная оппозиция тех времен:

+hod-, +hed-: ходити - шьаѣ;
+vod-, +ved-: водити - вестн < +vedti;
+voz-, +vez-: возити - вѣзти.

Кроме глаголов движения, сохранивших эту древнейшую реляцию, можно привести немало примеров на акционзартную оппозицию, выступавшую в противопоставлении различных смысловых оттенков значений, которые выражались, как было упомянуто выше, или внутренней флексией, или же другими словообразовательными способами:

/оу/тѣнати - тоунти	actitiv - causativ
рѣун - нарицати	actitiv - causativ
вѣдѣти - воудати	factitiv - causativ
ложати - ложити	stativ - causativ
сѣдѣти - соудити	factitiv - causativ
велѣти - волити	actitiv - deponitiv
вѣдѣти - внаѣти	factitiv - causativ
внаѣти - внаѣти/са/	causativ - stativ
стати - стогати	actitiv - factitiv
/оу/зѣрѣти - /про/зирати	causativ - factitiv
снѣти - саанити	stativ - causativ
шьрѣти - шорити	factitiv - causativ
полѣти - палити	actitiv - causativ

ПАЛИТИ - ПЛАПОЛАТИ	causativ - factitiv
ПИТИ - ПОИТИ	actitiv - causativ
ГОНИТЬ - ЖЕНЕТЬ	repetitiv - longitiv
ВЪРѢТИ - ВАРИТИ	factitiv - causativ
ВЛАСТИ - ВЛАДЯТИ	factitiv - causativ
КРИКНАТИ - КРИУАТИ	momentativ - longitiv
гот. sita /сизу/ - satja /сажаю/	
liga /лежу/ - lagja /кладу/	
лат. meminī /помню/ moneo /напоминаю/	
греч. φοβέω /пугаю/ φοβέομαι /боюсь/	
скр. vartáyati /вращает/ - vartate /вращается/	
svapiti /спит/ - saráyati /усыпляет/	
bódhati /бодрствует/ bodháti /будит/	
rapibati /пить/ - pāyáti /поить/.	

На основании вышеизложенного материала мы считаем возможным в лексическую категорию Aktionsart включить не только четыре степени длительности, о которых говорил А.А. Потебня, но и приведенные нами варианты семантических оттенков, обнаруживающихся в реляциях, которые мы обозначаем латинской терминологией.

Очень характерным в этом отношении является и древнеиндоевропейский перфект, который стоит особняком среди других претеритов индоевропейской "видо-временной" системы. Об особенностях этой глагольной категории мы можем судить по данным древнегреческого и санскрита, сохранивших эту категорию и в письменный период своего развития. Древнеиндоевропейская Aktionsart'ная форма перфекта, как об этом свидетельствуют памятники письменности вышеупомянутых языков, стояла особняком не только в силу того, что ее семантика отличалась от семантики презенса и аориста, т.е. от семантики настоящего и прошедшего времени /к тому же перфект употреблялся без аугмента, хотя последний, по-видимому, являлся более поздним показателем

претеритов/, но и потому, что форма эта образовывалась посредством редупликации корня, а это как раз свидетельствует о том, что она не могла образовываться фонетически ни от основы презенса, ни от основы аориста. Этот факт наиболее убедительно аргументирует наше утверждение о том, что "видо-временной" системы в древнеиндоевропейском языке не существовало, так как упомянутые выше словообразовательные процессы являются присущими лексическим категориям, в частности и Aktionsart'у. И не кажется уже удивительным, что ученые-лингвисты до настоящего времени стремились подчеркнуть только особенности этой категории, описать односторонне ее семантику и привести "подходящие" примеры, подкрепляющие их тезис.

В противовес этому мы должны отметить, что семантическая зона перфекта очень разнообразна, обширна и более глубока, чем представлялась до сих пор лингвистам.

В рамках одной статьи мы ограничимся вопросом об остатках древнего перфекта в славянских языках, попутно затрагивая и семантическую зону этой категории, не претендуя на полное ее раскрытие, которое, возможно, будет предметом другого нашего исследования.

Итак, в перфекте как древней акционзартной категории мы должны искать внутрифлективные показатели, характерные для самого раннего этапа развития праиндоевропейского языка-основы. Впоследствии эти внутрифлективные словообразовательные морфемы стали непродуктивными и на протяжении целого ряда тысячелетий постепенно вытеснялись внешнефлективными показателями — префиксами, суффиксами и окончаниями. Развитие внешнефлективного спряжения неизбежно привело к грамматикализации "временных" категорий и, наряду с этим, к разрушению древней лексической категории Aktionsart в общиндоевропейском языке-основе. Все эти процессы предопределялись и обуславливались развитием челове-

ческого общества и его сознания, т.е. с течением времени все больше и больше развивалось абстрактное мышление человека, все больше и больше оформлялось понятие отвлеченного времени, понятие о действии, совершающемся в пространстве и во времени, о действии, освобожденном от первообразных конкретно-акционзартных характеристик, о действии, соотношенном с моментом речи или с какой-либо другой системой отсчета.

Все эти перечисленные явления в той или иной мере нашли свое отражение уже в ранних памятниках письменности древних индоевропейских языков, и факты, зафиксированные этими памятниками, еще раз говорят в пользу того утверждения, что перфект был некогда словообразовательной категорией в системе глагола. Если к тому же еще принять во внимание формальное строение перфекта и ступень огласовки корня Q, которая очень характерна для него, то уже имеются весьма веские основания прийти к заключению, что перфект действительно представляет собой не формообразовательную, а словообразовательную категорию. Кроме того, общеизвестен и тот факт, что количественные чередования корневых гласных обнаруживаются в пределах одной парадигмы, т.е. корневой гласный может быть представлен в одной парадигме полной, нулевой, а иногда удлинненной ступенью:

рѣши - рѣхъ - рѣхъ

востъ - востъ - востъ

брати - братъ - братъ.

В славянском языковом строе, как и в иных индоевропейских языках, сохранились особенности древнего по своему происхождению качественного чередования гласных Е/О в составе морфологически родственных морфем /корней, суффиксов и окончаний/. Это чередование по тембру /Е/О/ в корневом слоге наблюдается не между формами одного слова, а между различными словами, восходящими к одному корню. Но в составе этимологически родственных морфем встречается чередование гласных, различных и по способу образования /по качеству/, и по долготе /по количеству/.

Такую смешанного характера альтернацию гласных с небольшим разнообразием можно обнаружить в корневом составе, причем в истории различных славянских, а также других индоевропейских языков отдельные морфемы допускали лишь некоторые из возможных чередующихся друг с другом гласных. Однако и в корневом составе различные ступени качественной и количественной альтернации гласных можно восстановить лишь на материале не одного, а нескольких языков. Надо отметить еще, что таких морфем, обнаруживающих в одном и том же языке наибольшее количество возможных ступеней чередования гласных, очень мало. Эти древнейшие словообразовательные процессы еще на рубеже индоевропейской общности и ее распада на отдельные диалектные группы стали непродуктивными типами и в настоящее время воспринимаются как "выброшенные за борт" живой грамматической системы, но еще "цепляющиеся" за нее остатки бывших лексико-морфологических реляций. Из этих непродуктивных грамматических групп выделились и сохранились до настоящего времени только те слова, которые были наиболее употребительными в быту, обозначавшие круг привычных и свойственных человеку действий, процессов, явлений и предметов обихода. Приведем некоторые примеры.

корень:

+ greb-: грѣѣ, грѣѣши

+ grēb-: погрѣѣти, грѣѣ /арх. аор., из + grebsъ/

+ grob-: оугроѣти, гроѣѣ

+ grab-: граѣѣти, граѣѣ.

+ корень:

+ ger- > + žer-: жарѣѣ "раскаленные угли"

+ ger- > + žer-: жарѣѣ, пожарѣѣ

+ gor- > + gor-: горѣѣти

+ gar- > + gar-: оугарѣѣ

корень:

- ⁺hod > ⁺hod-: ходити, приходз
- ⁺had > ⁺had-: приказати /⁺dj> zdʒa/
- ⁺hbd > ⁺šbd-: шьаъ, шьаъши /действ. прич. прош. вр./
- ⁺hid > ⁺šid-: оушнаъ "беглец"

Как видно из этих примеров, древние по своему происхождению качественно-количественные чередования гласных значительно осложнялись в связи с палатализацией согласного, предшествующего гласному переднего образования или Ј. Древнейшие словообразовательные процессы, проявившиеся, как было упомянуто выше, в некоторых глагольных и именных основах, остались в качестве реликтов и были зафиксированы не только славянскими, но и другими древними языками. Рассмотрим эти явления в латинском языке.

корень men-, men-/min-, mon-:

mens-, tis "ум, разум"

memini "помню", бывший перфект с удвоенным корнем;

men-/min-.

moneo, -ēre "напоминать, напоминаю"

monitor, -ōris "советник, консультант";

корень fac-, fec-, fic-:

facio "делаю"

fecī "я сделал"

beneficium "благодетельство"

корень dō-, dā-, de-/di-:

do "даю"; dōnum "дар"

dare "дать",

dedī "я дал", бывший и.-е. перфект с удвоенным корнем.

Показательны в этом отношении и греческие корни.

корень φρεν-, φρην-, φρον-:

φρενεξ /N.pl./ "сердце, ум"

φρην /N.sg./ "сердце, ум"

φρονω "мыслить, думать"

корень λελπ-, λλπ-, λλπ-/λολπ-:

λελω "оставляю"

ελπov "оставил", аорист

λελοικα "я оставил и оставленное есть", перфект с удвоенным корнем: λλπ-/λολπ-

корень φερ-, φор-:

φερω "несу"

φορω "ношу"

Санскрит обнаруживает те же самые явления.

корень ved-, vid-:

veda "знаю", бывший и.-е. перфект

vidur "знают", бывший и.-е. перфект

vid "знающий, знаток", этот корень употребляется для образования сложных слов:

vedavid "знаток Вед, знающий Веды"

корень sthā-, stho-, sth-:

sthāna "стояние, место"

sthīti "твердость, постоянство"

tistāmi "стою"

taṣṭimā "мы встали"

stita /particip. perf. pass./

Из приведенных выше и последующих примеров нетрудно убедиться, что древний перфект, формы которого обнаруживаются в греческом и санскрите, принадлежал к словообразовательным категориям. Для этой цели рассмотрим и некоторые перфектные формы, представленные латинским языком. Правда, семантика латинского перфекта в памятниках письменности ничем не отличается

от семантики нарративного прошедшего времени, в котором еще в дописьменный период совпали общиндоевропейский перфект и аорист. Независимо от того, что латинский перфект претерпел сильные сдвиги и трансформации /с течением времени он начал покрывать совсем другую семантическую зону/, некоторые его формы свидетельствуют о прочно устоявшейся архаичности, указывающей на вышеупомянутые древние словообразовательные процессы.

fallo /обманываю/ - fefellī /я обманул/
 cado /падаю/ - cecidī /я упал/
 pango /засаживаю/ - pepigī /я засадил/
 parco /сохраняю/ - pepercī /я сохранил/
 tango /касаюсь/ - tetigī /я коснулся/
 tendo /тяну/ - tetendī /я протянул/
 pungo /колю/ - pepugī /я уколол/
 tundo /бью/ - tutudī /я ударил/

В качестве иллюстрации можно привести примеры и из греческого языка, где, как и в санскрите, удвоение распространилось почти на все глаголы, в то время как в готском и латинском редупликация корня присуща лишь небольшому количеству глаголов. Анализ греческих примеров тоже показывает, что формы перфекта восходят к общиндоевропейскому архетипу словообразовательных категорий.

πεπραυα	"я сделал" - πρᾶττω "делаю" /корень πρᾶγ-/
γεγραφα	"я написал" - γράφω "пишу" /корень γράφ-/
πεφευγα	"я убежал" - φεθῶ "бегу" /корень φθγ-/
τετρωφα	"я накормил" - τρέφω "кормлю" /корень τρέφ-/
τετροφα	"я повернул" - τρεπῶ "поворачиваю" /корень τρεπ-/
εκτονα	"я убил" - κτείνω "убиваю" /корень κτεν-/
κλεκλοφα	"я украл" - κλέπτω "краду" /корень κλέπ-/
πεπεισθα	"я полагал, верил" - πείθω "уверять, убеждать"
	/корень πείθ-/
μεμνηνα	"я обезумел" - μανίωμαι "безумствую" /корень μαν-/.

Сходный архетип обнаруживает и санскрит. Кроме вышеприведенных примеров остановимся и на других.

mamarda - pf., 1 л. ед.ч.

mamrdúr - pf., 3 л. мн.ч. /глагол. корень в неслабом виде
др.-инд. mard- "растирать, раздроблять"/

rireca - pf., 1 л. ед.ч. "я оставил"

ḡagāma - pf., 1 л. ед.ч. "я пришел"

gagmúr - pf., 3 л. мн.ч. корень ḡam "идти, приходить"

vavarta - pf., 1 л. ед.ч. "я повернулся"

vavṛtma - pf., 1 л. мн.ч. "мы повернулись"

vṛtaḥ - part. perf. pass. "повернутый"

Есть все основания полагать, что качественно-количественные чередования в корневой морфеме представляют собой древнейшие из древнейших средств словообразования в индоевропейском праязыке-основе и в его диалектах. В пользу этого утверждения говорит и архетип разряда слов, обозначающих движение. Эта категория слов, как говорилось выше, возникла на самой ранней стадии развития языка в силу того, что первым оформившимся атрибутом сознания было понятие движения, отражающее объективно существующий неотъемлемый атрибут материи.

В соответствии с данными нашего анализа мы можем уверенно сказать, что приходаз, оуходаз и пришьаз, оушьаз не были первоначально формами одного глагола, якобы впоследствии разграничившимися и превратившимися в два разных типа слов, но издревле существовали как отдельные слова, восходящие к одному и тому же корню.

Следовательно, реляции везти - возити, вельти - волити, вести - водити, мьрѣти - морити, сзърѣти - прозирати, сзърѣчати - позорити, власти - владити являются обломками древнейших акционзартных оппозиций словообразовательного типа.

Таким образом, описывая на этих фактах старославянского и древнерусского языков и привлекая данные других индоевропей-

ских языков, можно прийти к выводу, что не только указанная черта формального строения перфекта, но и само сопоставление его с другими темпоральными формами служит очень веским аргументом в пользу нашего взгляда, что некогда перфект представлял собой в системе глагола словообразовательную категорию, которая не являлась производной ни от презенса, ни от аориста.

После всего сказанного едва ли могут возникнуть какие-либо сомнения в том, что реляция в древнегреческом, как, например, $\lambda\epsilon\iota\pi\omega - \epsilon\lambda\iota\pi\omega\nu - \lambda\epsilon\lambda\omicron\upsilon\pi\alpha$ или в совр. английском $ring - rang - rung$ /звенеть/, $drink - drank - drunk$ /пить/ представляют оппозиции между отдельными словами, восходящими к одному корню, а не между разными формами, образованными от какой-либо производной основы. К тому же надо указать еще на то существенное обстоятельство, что в современных индоевропейских языках не легко обнаружить бывшие исторические процессы, так как они весьма завуалированы вследствие наслоения различных эпох. Заключение, к которому мы пришли, трудно согласовать с той точкой зрения, в соответствии с которой форма перфекта представляет собой категорию, производную от аориста-презенса.⁷

Итак, исходя из материала древних и новых индоевропейских языков, в темпоральной системе глагола мы обнаруживаем такую специфическую особенность, которая могла бы служить исходным пунктом для ряда дальнейших заключений.

1. Сохранившиеся реляции в глаголах движения /напр., ${}^+\text{hed}/{}^+\text{hod}$, ${}^+\text{ved}/{}^+\text{vod}$, ${}^+\text{vez}/\text{voz}$, о которых шла речь выше, подтверждают не только архаичность подобного словообразовательного процесса, но и то, что эти глаголы являются архетипами, возникшими на самой ранней стадии развития индоевропейского языка-основы. Действительно, на первом этапе трудовой деятельности, которая

является основным источником познания внешнего мира, могло оформиться только понятие движения, всегда входящего обязательным элементом в любое трудовое действие. Вот почему старые специфические приметы лексической категории Aktionsart "проглядывают" именно в глаголах движения, до сих пор сохранивших в русском языке древнюю оппозицию определенность-неопределенность.

2. Качественно-количественные чередования являлись характерной чертой не только лексических категорий, но и категории Aktionsart, выражавшейся в оппозициях презенс-аорист-перфект. Следовательно, с точки зрения формального строения эти реляции не отличались от словообразовательных категорий. Иными словами, презенс, аорист и перфект представляли словообразовательные глагольные категории, восходящие к одному корню, а не отдельные формы, образованные от какой-либо производной основы. Наоборот, каждая из этих трех основных глагольных категорий служила исходным началом для образования соответствующего лексического гнезда. Так, например, от основы презенса образовывались формы будущего времени, имперфекта, причастия, герундий и т.д. И в письменный период своего развития древнеиндоевропейские языки обнаруживают инфинитивы, причастия и многие другие формы, образованные как от презенса и аориста, так и от перфекта. На первый взгляд получается такая картина, какую обнаруживает грамматическая категория вида в славянских языках: данная глагольная основа совершенного или несовершенного вида служит исходным началом для образования от нее производных форм — временных глагольных, причастий, деепричастий, отглагольных существительных и т.д. На основании этого многие лингвисты считали, что реляция презенс-аорист-перфект в древнеиндоевропейскую эпоху якобы такая же, что и реляция между различными видами, образованными от одного и того же глагольного корня.

3. Вследствие того, что каждая из этих глагольных катего-

рий служила исходным пунктом для образования от нее других форм, такой крупный лингвист, как А. Мейе, пришел к выводу, что значение временных основ индоевропейского глагола сходно со значением славянских видов.

Эта специфическая особенность древнеиндоевропейского глагола вводила многих ученых /см. выше/ в заблуждение. Они пытались доказать, что славянская грамматическая категория вида является прямым наследием индоевропейского глагола.

После этих выводов, базирующихся на формальном строении древних глагольных категорий, мы считаем целесообразным остановиться и на их семантике для более полного выявления сущности глагольной системы общиндоевропейского языка-основы.

Сравнительная грамматика индоевропейских языков устанавливает, что указанные выше глагольные категории — презенс, аорист и перфект — в ранний индоевропейский период не всегда выражали собственно время, а характеризовали действие с точки зрения его протекания безотносительно к моменту речи или к какой-либо другой системе отсчета. О вневременном значении этих категорий свидетельствуют памятники письменности санскрита и древнегреческого. Эти грамматические явления подтверждают мысль о том, как уже указывалось выше, что в раннюю индоевропейскую эпоху существовала только лексическая категория Aktionsart и что грамматическая категория времени не была присуща индоевропейскому языку-основе на его ранней стадии развития.

Особые трудности представляет решение проблемы, связанной с семантикой перфекта, в толковании которой до настоящего времени в лингвистике нет единого мнения. Эта проблема имеет исключительно важное значение, ибо после распада общеславянского языка на отдельные диалектные группы перфект сыграл огромную роль в дальнейшей истории формирования претеритальной системы западных и восточных славянских языков.

Кроме того, надо обратить внимание и на тот факт, что

грамматическая категория, называемая лингвистами перфектом, не оправдывает в славянских языках своего названия. Для обозначения этой категории в грамматиках используется латинское слово perfectus "завершенный, совершенный, законченный, сделанный, доведенный до конца". С точки зрения семантики латинского прошедшего времени это название является правомерным, так как латинский перфект образовался в результате объединения общиндоевропейских акционзартных категорий перфекта и аориста, превращаясь в нарративное прошедшее время.

Для того, чтобы выявить сущность эволюции древней акционзартной формы перфекта, нам кажется правомерным обратить внимание на то обстоятельство, что развитие языка, как известно, осуществляется путем отмирания старого качества и появления элементов нового. Вследствие эволюции основных глагольных категорий с течением времени в индоевропейских языках оформилась система временных различий, а в славянских — не только временных, но и видовых.

И если на самой ранней стадии развития общиндоевропейского языка акционзартное противопоставление выражалось глагольными основами, для которых были характерны внутрифлективные показатели, то временное противопоставление, обнаруживающееся уже в период раздельного существования индоевропейских языков, выражалось "первичными" и "вторичными" окончаниями, т.е. внешнефлективными показателями. Но развитие внешнефлективного спряжения, как было упомянуто выше, неизбежно привело к разрушению древней лексической категории Aktionsart в индоевропейских языках. Так, например, на основе акционзартной формы перфекта, которая выражала результативность безотносительно ко времени, складывается временная форма перфекта, обозначающая многоаспектную жизнеустойчивость последствий действия для более позднего временного плана. И на славянской почве в отличие от других древних индоевропейских языков складывается не простая, а сложная, аналитическая форма перфекта: *гесъмь далъ, гесте двални*,

сать пришьли и т.п., причем нетрудно заметить, что элементы старого в некоторой степени сохранились в семантике сложной формы перфекта, а элементы нового — в становлении и развитии этого славянского новообразования, являющегося типичной грамматической, а не лексической категорией.

Рассматривая проблему становления славянского перфекта как сложной формы прошедшего времени, мы сталкиваемся с вопросом: можно ли обнаружить в славянских языках реликты простой акционзартной формы древнего перфекта? Сравнительная грамматика индоевропейских языков отмечает, что единственный остаток этой древней категории сохранился в форме *vědъ* /знаю/, восходящей к медиальному перфекту, образовавшемуся в период обособления индоевропейских диалектов. Формы медиа перфекта были образованы с такими же окончаниями, как в презенсе медиа. Первое лицо ед.ч. медиального перфекта обозначалось флексией $-^{+}ai$, которая на славянской почве закономерно отразилась рефлексом $+e > ѣ$.

Использованные нами материалы сопоставительного изучения древних словообразовательных процессов опровергают категорическое мнение лингвистов о том, что простая форма древнего перфекта представлена в славянских языках единственным остатком *vědъ*. Существенный шаг вперед на пути к выяснению интересующего нас вопроса мы сделаем в том случае, если будем учитывать специфическую особенность этой категории, состоящую в том, что некогда перфект представлял словообразовательный архетип, не входивший ни в систему "темпоральных" категорий глагола, ни в систему наклонений. Не имел ничего общего он с категорией залога. Перфект стоял "особняком" среди других претеритов и потому, что семантическая зона, которую он покрывал, коренным образом отличалась от семантики других "временных" форм. В самом общем виде перфект выражал результативность, состояние безотносительно ко времени, а действие, вызвавшее эту результативность или состояние, совершилось в прошлом.

Приведем некоторые примеры из санскрита и древнегреческого, а также их параллели с тарославянском и древнерусском языках.

скр.: *ḡagmūr* "они сѣть пришьли", т.е. "они пришли и сейчас находятся здесь".

riřesa "аѣъ гесѣь оставилъ", т.е. "я оставил и оставленное лежит там".

piřuvuh "они сѣть очистили", т.е. "они очистили, и чистота сейчас налицо".

др.-греч.: "онъ гесѣь сѣгнулъ", т.е. "он, напр., /ствол дерева или что-то другое/ сгнил и сейчас ни к чему не пригоден".

от' "аѣъ гесѣь сталъ", т.е. "я встал и стою".

Все перечисленные выше особенности, касающиеся как формального строения, так и семантики этой древнейшей старины побуждают нас искать ее остатки не только в системе славянского глагола, но и в системе других словообразовательных категорий. Мы считаем, что выход за пределы глагольной системы в поисках ответа на вопрос о распаде и остатках общендоевропейского перфекта в славянских языках вполне правомерен, ибо данные, добытые путем сравнительно-исторического анализа, свидетельствуют в пользу изложенной здесь точки зрения. Существенное значение для обоснования высказанного мнения имеют также факты, зафиксированные славянскими языками.

Прежде чем попытаться найти ключ к решению интересующей нас проблемы, обратим внимание на протославянский альтернативный корень ⁺pal-, ⁺pol-, ⁺pel-, обнаруживающийся в древней акционзартной реляции ⁺paliti - ⁺polëti. В исторический период развития славянских языков акционзартную оппозицию палити — полëти находим уже зафиксированной в письменных памятниках не только староболгарского и древнерусского, но и других славянских языков. Нет сомнения, что альтернативный корень послужил исходным пунктом для образования ряда слов, вошедших в отдель-

ное семантическое гнездо. Приведем примеры на некоторые слова, образованные от этого корня.

палити, палѣхъ "сжигать, жечь"

огньны ти словесы и пламени же повелени творяца всѣхъ
вѣху палиши [и] ѿгониши

полѣти "пылать, гореть"

огнь поля на верхоу горы. ѿ огня поляше /6, с. 1152/

попалити, -лѣхъ "сжечь, поджечь"

много пакости сзвориша, села пожгоша, жита попалиша
/6, с. 1188/

палъ, -а "огонь, пламя"

вес пала палими штрони

палати, палахъ "пылать, сильно гореть"

единоу вжигши емоу пещь въ пещерь поуча палати оутлизнами
ономоу же нѣумъ заложити, вѣстоупи ногама на полома дон-
деже изгорѣ и излезе⁸.

Ограничиваясь вышеприведенными примерами, мы должны обратить внимание на тот факт, что к этому корню восходят и такие слова, как палити, ополѣти, пылати, полыхати, паление, полѣно, полынѣ, пламы, плама, попелъ/пепелъ, испепелити и многие другие.

Несомненный интерес для выяснения вопроса об остатках древнего перфекта в славянских языках представляет слово пепелъ и его вариант попелъ. Но прежде чем остановиться на этой проблеме, надо отметить еще то обстоятельство, что М. Фасмер, раскрывший семантику этого слова более полно по сравнению с другими этимологами, указывает на его связь со старославянскими и древнерусскими глаголами палити/полѣти и с именем существительным плама, обходя молчанием вопрос о сущности общеславянского корня, к которому восходят эти слова.⁹

По-видимому, этот факт не случаен, и М. Фасмер уклонился

от прямого ответа на этот естественно возникающий вопрос, так как если бы автор возвел вышеупомянутое семантическое гнездо к индоевропейскому корню ${}^+pol-/{}^+pel-$, то он столкнулся бы с затруднительным и, на первый взгляд, необъяснимым фактом, свидетельствующим о том, что этот корень перекрещивается с другим индоевропейским корнем ${}^+pol-/{}^+pel$ "двигаться", ничем не отличающимся в фонетическом отношении от предыдущего, но имеющим совсем другое значение¹⁰.

Вопреки М. Фасмеру, на основании фонетических законов, действовавших в древних индоевропейских языках, мы считаем целесообразным расширить свои поиски в сфере альтернативного корня ${}^+pal-/{}^+pol-/{}^+pel-$ путем включения в эту сферу вариантов других возможных внутрифлексивных чередований, в том числе и чередование с нулем звука.

В конечном итоге мы приходим к альтернативному ряду ${}^+pal-/{}^+pol-/{}^+pul-/{}^+pel-/{}^+pl-$, зафиксированному славянскими языками: палити, палз, полѣти, пылати /из ${}^+p\tilde{u}lati/$, пылз, попелз/пепелз, плаполати.

К тому же надо иметь ввиду то обстоятельство, что индоевропейские фонемы [p, b, f, v] нередко перекрещивались и перекрещиваются в своих рядах в силу того, что на самой ранней стадии развития общеиндоевропейского языка артикуляционная система человека еще не была достаточно развита, и поэтому можно предположить, что в тот отдаленный период существовал один единственный протолабиальный звук, который впоследствии дал билабиальные и лабиодентальные фонемы.

Доказательством неразграниченности этих звуков на раннем этапе развития общеиндоевропейского языка может служить не только перекрещивание их фонетических рядов в более поздний период раздельного существования индоевропейских языков, но и тот факт, что многие древние языки не знали некоторых из этих фонем. Общеизвестно, например, что звук [${}^+$] искони был чужд праславянскому, а позже, и славянским языкам в древний истори-

ческий период их развития. Многие данные говорят в пользу того взгляда, что губнозубной [⁺v] в языке славян ведет свое начало от билабиального или краткого индоевропейского [⁺u]. Иными словами, можно утверждать, что протославянский не знал губно-зубных звуков. И если вспомнить, что лабиодентальный [⁺v] был чужд греческому и что санскрит не знал фонемы [⁺f], то можно с уверенностью заключить, что в самый отдаленный период развития индоевропейского праязыка была одна единственная билабиальная протофонема, послужившая источником развития всех других губных звуков - билабиальных, лабиодентальных и лабиоспирантов.

Косвенным, но весьма веским доказательством изложенной здесь точки зрения могут служить и данные современного корейского языка, хотя последний не принадлежит к индоевропейской группе языков. Небезынтересно и то, что начинающему изучать любой индоевропейский язык корейцу очень трудно различить фонемы [⁺p, ⁺b, ⁺f, ⁺v], он и в говоре и на письме смешивает их. Все это является следствием того, что корейский язык не знал и не знает этих четырех индоевропейских фонем. Этому языку присущи три губных звука, притом только билабиальных, коренным образом отличающихся от индоевропейских [⁺p, ⁺b]. Независимо от того, что этот язык не входит в индоевропейскую семью, его данные тоже свидетельствуют о том, что протолабиальная фонема на самом раннем этапе существования корейского праязыка могла быть только билабиальной протофонемой, как в общеиндоевропейском, но шла в своем развитии совсем по другому пути.

Этот ход рассуждения приводит нас не только к новому пониманию становления и хронологического развития лабиальных звуков, но и к выводу о том, что в ту отдаленную эпоху, когда язык только зарождался, могла существовать одна единственная губная фонема только билабиального характера и что лабиодентальные звуки оформились на очень поздней стадии развития языков.

Наши заключения отнюдь не носят произвольного характера, ибо их можно подкрепить не только данными многих индоевропей-

ских языков, но и тем фактом, что потребовалось несомненно много тысячелетий для того, чтобы нижняя губа стала достаточно подвижной, т.е. активным органом речи и, следовательно, могла бы свободно соприкасаться с верхним рядом зубов; - иначе говоря, чтобы нижняя губа выполняла основную функцию для вычленения лабиодентальных звуков.

Итак, если наши выводы о том, что древнейшая лабиальная протофонема послужила источником развития остальных лабиальных звуков, являются правомерными, то мы не должны ограничиваться только анализом альтернативного ряда $^{+}pal-/^{+}pol-/^{+}pul-/^{+}pel-/^{+}pl-$, а необходимо расширить свои поиски и в сфере остальных рядов: $^{+}bal-/^{+}bol-/^{+}bul-/^{+}bel-/^{+}bl-/^{+}fal-/^{+}fol-/^{+}ful-/^{+}fel-/^{+}fl-$
 $^{+}val-/^{+}vol-/^{+}vul-/^{+}vel-/^{+}vl$
 $^{+}phal-/^{+}phol-/^{+}phul-/^{+}phel-$
 $^{+}bhal-/^{+}bhol-/^{+}bhul-/^{+}bhel-$

Мы считаем, что эти утверждения доказуемы, так как в нашем распоряжении имеется целый ряд фактов, свидетельствующих о переkreщивании не только в фонетической, но и в семантической зоне вышеупомянутых рядов. Необходимо, однако, учитывать то обстоятельство, что в истории развития данного языка отдельные морфемы допускали лишь некоторые из возможных вариантов чередующихся друг с другом корневых гласных и что ступени качественного и количественного чередования можно восстановить на материале не только одного, а нескольких языков. Кроме того, таких морфем в одном и том же языке можно обнаружить в небольшом количестве вследствие того, что мы имеем дело с древнейшим словообразовательным архетипом, ставшим непродуктивным еще на стыке индоевропейской общности и ее распада на отдельные диалектные группы. После всех изложенных рассуждений можно приступить к анали-

зу фактического материала, подтверждающего правомерность наших выводов.

Общеизвестно, что древнерусское слово полома и староболгарское плама восходят к праславянскому ⁺polmen. Тот же словообразовательный архетип обнаруживается в существительных нма и сѣма, которые вполне обоснованно возводятся учеными к общеславянским ⁺imen, ⁺sēmen и сопоставляются с латинскими nomen, semen. Однако по отношению к слову ⁺polmen этимологи, очевидно, проявили осторожность, не сопоставляя его по родству с латинским или с каким-либо другим индоевропейским словом. Вопреки этому, основываясь на вышеизложенных выводах о лабиальной протофонеме и ее развитии, а также принимая во внимание специфическую особенность ступеней чередования корневых гласных в вышеприведенных рядах, мы считаем, что общеславянское ⁺polmen родственно с латинским fulmen /от гл. fulgeo/. В итоге получают следующие соответствия:

общеслав.	лат.
⁺ imen	nomen
⁺ semen	sēmen
⁺ polmen	fulmen

Вслед за этим приступим к изложению фактов, обнаруживающихся в латинском языке, которые говорят сами за себя и не нуждаются в каких-либо дополнительных разъяснениях.

fulmen - /одного корня с fulgeo/

"молния, сокрушительный удар, разящая сила, вспышка гнева"

fulgeo - /тот же корень, что и в flagro, flaveo, fulvus, fel/
"сверкать, блестеть, сиять"

flagro - /одного корня с fulgeo/
"гореть, сверкать, пылать"

flagrans -/от гл. flagro/ "горящий, плакающий, жгучий, палящий, пылкий, горячий"

flavus - /одного корня с fulgeo, flaveo и fulvus/ "огненного цвета, золотисто-желтый, золотистый, румяный, мутно-пепельный"

flaveo - "иметь золотисто-желтый цвет, золотиться, блестеть"

fulvus - /от гл. fulgeo; одного корня с flavus и fel/ "красно-желтый, темно-желтый, рыжий"

fel-, llis - "горечь, злоба, ненависть, гнев, яд, желчность"

flammo - /тот же корень, что и в flagro, fulgeo, flaveo и fel/ "гореть, пылать, сверкать, воспламенять, зажигать, возбуждать, возмущать, сильно раздражать, разгневать".

flamma - /от глагола flammo, āre/ "огонь, пламя, жар, пыл, блеск, сияние".

Рассматривая перечисленные, а потом и последующие примеры из латинского и других индоевропейских языков, мы не намерены останавливаться на различных ступенях чередования корневых гласных, так как о них уже неоднократно шла речь. Прежде чем перейти к анализу других рядов в латинском языке, нужно обратить внимание на то обстоятельство, что латинские fulmen и plaga переkreщиваются не только в фонетических рядах, но и в семантической зоне:

plaga - /к plango/ "удар, ушиб, бедствие, ущерб, страдание"

plaga caeli - "удар молнии, разящая с неба сила, бедствие с неба"

palleo - /восходящая к общему корню с plango, pello, fel, fulgeo/ "становиться бледным, бледнеть, бледнеть от страха, бояться, страшиться, тревожиться, страшно беспокоиться"

pallo - /тот же корень, что и в palleo/ "губить, разить, уничтожать"

pello- /с другой огласовкой корневого гласного; восходит к общему корню с pallo, flagro, plango, fulgeo/ "бить, толкать, поражать, наносить поражение, уничтожать, возбуждать, потрясать, обращать в бегство, изгонять, прогонять"

vello - /другого фонетического ряда, с той же огласовкой корня, что и в pello, fel/ "мучить, терзать, сносить, разрушать, трепать, срывать"

vulnus - /с другой огласовкой корня, восходит к общему корню с fulmen, fel, pello, pallo, plango/ "рана, ранение, повреждение, поломка, урон, ущерб, потеря, поражение, разгром; оружие, наносящее рану; удар, наносящий рану"

vulnero - /тот же корень, что и в vulnus, fulmen/ "разить, поражать, наносить рану, наносить ущерб, раздражать"

bullo - /другого фонетического ряда; с той же огласовкой корня, что и в fulmen, fulvus, fulgeo/ "кипеть, бурлить, вскипать, заставлять кипеть, разжигать."

Приведенные данные из латинского языка побуждают думать, что в исторический период развития индоевропейских языков вышеупомянутый альтернативный корень с начальной билабиальной протофонемой покрывал очень обширную семантическую зону, в то время как на ранней стадии существования языка-основы он имел, по-видимому, более узкое значение, но с течением времени на протяжении тысячелетий получил такое разветвление, что иногда даже трудно усмотреть родство некоторых слов, восходящих к его фонетическим рядам. Основываясь на фактах латинского языка и привлекая данные древнегреческого, мы более уверенно можем сделать выводы не только о специфике этого альтернативного корня, но и об основном вопросе, касающемся остатков древнего перфекта в славянских языках. Древнегреческий обнаруживает такие же словообразовательные архетипы этого корня, при-

чем здесь наличествует как сходство с латинским языком, так и расхождение.

πῆρ, -ος - "огонь, пламя, жар, пыл, страсть, небесный огонь, молния"

πῆρωσ - /одного корня с πῆρ/ "жечь, истреблять огнем, выжигать, воспламенять, зажигать, опустошать огнем, очищать огнем, распалать, волновать, возбуждать"

πῆρπολεω - "жечь, зажигать огни, разжигать, сжигать, уничтожать огнем".

Нетрудно заметить, что корень πῆρ восходит к общиндоевропейскому ⁺pur-/⁺pul-, от которого ведет свое начало славянское пылъ ⁺pyль ⁺pŭль ⁺pŭlos. Что же касается сонорных ⁺r и ⁺l, то в их употреблении наблюдаются колебания, зафиксированные многими индоевропейскими языками, скр. rīesa, греч. λε-λολα, гот. lailot "я оставил и оставленное налицо" - перфектные формы, восходящие к одному корню, от которого образовано и слав. отлѣнъ "остаток"; лат. sterno "стелю" - ст. слав. стѣльж "стелю"; лит. sarna "иней" - ст.-слав. слана "иней".

Показателен в этом отношении и приведенный выше греческий глагол πῆρπολεω, в котором обнаруживается редуцированный корень ⁺pur-/⁺pol с различной огласовкой. В этой связи небезынтересно припомнить и др.-в.-н- fiur "огонь" и лат. fulmen.

Рассмотрим далее другие рефлексы корня ⁺pal-/⁺pol-/⁺pl-⁺fal-/⁺fl-, отразившиеся в греческом языке.

παλλω - "размахивать, потрясать, раскачивать, трястись, дрожать, возбуждать, волновать"

παλη - /дор. παλα / "битва, сражение"

πολεμος - "битва, сражение, война, возмездие, кара"

πολιος - "седой, блестящий, светлый, сияющий, сверкающий, пылающий"

- πληυλ - /дор. παλυα/ "удар, бедствие, несчастье, поражение, разгром, рана, ушибленное место" /ср. лат. plaga/
πληκτης - "жгучий, палящий"
φαλιος - "блестящий, светлый, белый"
φλαω - "бить, ударять, колотить, терзать, поражать"
φλεω - "жечь, сжигать, освещать, озарять, гореть, пылать, воспламенять, волновать"
φλευμα - "огонь, пожар, желчь, раздражение"
φλεγεθω - "сжигать, сгорать, гореть, сверкать, пылать"
φλοξ, φλογος - "пламя, огненное тело, метеор"
φλογμος - "пламя, огонь, жар"
φλογος - "горящий, пылающий".

Рассмотрев все эти факты, мы должны остановиться и на данных древнеиндийского, так как последний обнаруживает очень большую степень сходства с системой греческого языка. Приведем примеры из санскрита.

- phal - "лопнуться, раскрыться, трескаться, разрушаться"
phálati - /3 л. ед.ч. praesens/ "лопается, трескается, разрушается"
phala - "плод, результат, возмездие"
phula - /прич. форма к phal/ "лопнувший, сияющий"
pāl - "защищать, охранять, покровительствовать"
pāla - "хранитель, покровитель, защитник, повелитель, царь"
bāla - "сила, власть, насилие"
bala-pati - "повелитель Востока"
bāla - "только что взошедшее солнце"

bālātapa	- "сияние утреннего солнца, первые лучи восходящего солнца"
bālya	- "новолуние"
barhū	- "убивать, уничтожать"
bhā	- "звезда, созвездие, небесное светило, светило, солнце"
bhalam	- "блеск, сияние, пламя"
bhati	- /3 л. ед.ч. praesens/ "светит, сияет, пылает"
plosa	- "большой пожар, пламя"
vell	- "дрожать, трястись, качаться, колебаться, волноваться"
vellana	- "волнение, колебание"
parāji	- "наносить поражение"
parabhava	- /редупл. корень +par-/ +bha-/ "поражение, уничтожение"
paribhrāj	- /редупл. корень +par-/ +bhra- из более древн. +par/+bhar-/ "сверкать, блестеть, пылать".

По понятным причинам факты древнеиндийского и в частности санскрита имеют эпизодический характер, но приведенные примеры в сравнительном плане с латинским и древнегреческим проливают новый свет не только на сущность и специфическую особенность вышеупомянутого корня и его альтернативных фонетических рядов, но и на эволюцию его семантики.

Не претендуя на полное раскрытие семантической зоны и специфической особенности этого корня, мы считаем, что если перечень фактов и из индоевропейских языков даже и не полон, он все равно может служить исходным пунктом для ряда основных выводов.

1. Славянским словообразовательным архетипам в этимологически родственных морфемах в иных индоевропейских языках почти всегда соответствуют такие же архетипы, хотя их порой очень трудно установить вследствие фонетических и морфологических наслоений разных эпох.

2. Общеславянский корень ⁺pal-/⁺pol-/⁺pul-/⁺pel-/⁺pl-, обнаруживающийся в словах палити, полѣти, пыль, пепелъ/попелъ, плаполати и т.п., восходит к индоевропейскому архетипу с билабиальной протофонемой, послужившей источником развития всех других губных звуков — билабиальных, лабиодентальных и лабиоспирантов.

3. Реальное существование предлагаемых гипотетических рядов интересующего нас корня подтверждается данными индоевропейских языков.

4. Эпизодичность альтернативных рядов с фонемами [f] и [v] еще раз убеждают нас в том, что эти два звука не являются исконными и что они оформились на более поздней стадии развития индоевропейских языков. Исключение в этом отношении представляет латинский язык, в котором, по-видимому, [f] и [v] развились в самый ранний период самостоятельного его существования.

5. Вследствие того, что акционзартная форма древнего перфекта представляла словообразовательный архетип, ставший непродуктивным еще в доисторический период развития индоевропейских языков, остатки этой древнейшей старины можно обнаружить только в сфере славянских словообразовательных архетипов — в сфере альтернативных корней или непродуктивных классов частей речи.

Итак, после всех этих рассуждений о специфике древнего перфекта и славянских словообразовательных архетипов нам представляется возможным приступить к рассмотрению основного вопроса, касающегося остатков древнего перфекта в славянских

языках. В этой связи исключительно большой интерес представляет, как уже говорилось, слово попельз/пепельз, восходящее к вышеупомянутому альтернативному корню. С точки зрения формального строения мы можем категорически утверждать, что это слово никоим образом не могло образоваться ни от глагола ⁺poleti, ни от глагола ⁺paliti или от какой-либо их производной формы. К тому же редуцированный корень в ⁺popelz/⁺perelz обнаруживает такой же словообразовательный архетип, к какому относится индоевропейский перфект с удвоением, зафиксированный памятниками письменности древних языков, в первую очередь греческого и санскрита. Следовательно, палити, полтити, пылз, попельз/пепельз, палполати не являются производными друг от друга словами, а восходят к одному общему корню, т.е. к альтернативному ряду ⁺pal-/⁺pol-/⁺pul-/⁺pel-/⁺pl-. По существу сходную картину наблюдаем и у индоевропейской лексической категории Aktionsart — так, например, формальное строение перфекта свидетельствует о том, что он не мог образовываться фонетически ни от основы презенса, ни от основы аориста, и что эти акционзартные формы восходят к одному общему альтернативному корню. Кстати, говоря о перфекте с удвоением и о слове попельз, мы должны обратить внимание на перфектные формы, восходящие к тем же альтернативным рядам, о которых шла речь выше. Такие перфектные формы представлены санскритом, древнегреческим и латинскими языками.

скр. vivélla — перфект к гл. vell

др.-гр. πεπληλα-перфект к гл. παλλω

лат. pepuli — перфект к гл. pello

На семантике этих трех глаголов не будем останавливаться, так как мы раскрыли ее, когда рассматривали индоевропейские альтернативные ряды /см. выше/. Нетрудно убедиться, что слово пепельз обнаруживает заметное фонетическое сходство с

приведенными перфектными формами. И если вспомнить полабское *rürel* и польское *ropiół*, то легко видеть, что здесь и в вышеупомянутых перфектных формах мы имеем дело с различной огласовкой одного и того же корня, к которому восходят все эти слова. Несомненно, слово является, на наш взгляд, реликтом древней славянской акционзартной формы перфекта с удвоением. Однако перед нами встает вопрос: конкретно какую форму перфекта представляло славянское *popelъ*. Попытаемся ответить на этот вопрос.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что далеко не все аномалии в языке следует рассматривать в качестве реликтов былой системы. Аномалии часто бывают следами только наметившейся тенденции языкового развития, которая рано замерла и никакой системы не породила. Сравнительная же грамматика славянских языков не располагает такими данными, свидетельствующими о былой наметившейся и рано замершей тенденции развития какой-либо системы. Таким образом, мы не видим никаких оснований для того, чтобы рассматривать слово *popelъ* в качестве аномалии. Конечно, здесь речь идет о реликте древнего словообразовательного архетипа.

Мы полагаем, что для понимания сущности и происхождения интересующего нас слова надо исходить из протославянской его формы **ropelōs*, бытовавшей до начала действия закона открытого слога, где **-os* являлось показателем определенного типа основ, в данном случае "O" краткой основы. Общеизвестно, однако, что показатель **-os* был характерен не только для имен существительных, но и для кратких форм прилагательных и причастий.

Между тем специфика акционзартных форм презенса, аориста и перфекта, как уже об этом шла речь, состояла в том, что они служили источником для образования ряда производных форм

- временных глагольных, причастий, деепричастий, отглагольных существительных и т.д.

Но поскольку от формы перфекта индоевропейскими языками не зафиксировано имен существительных и прилагательных, то мы можем заключить, что протославянская форма ⁺ropelōs могла быть только перфектным причастием /participio perfecti/. Существенное значение для обоснования высказанного мнения имеет также факт наличия перфектных причастий в греческом языке.

λεληκως - part. perf. к λεληκα от глагола λαακω "звучать, греметь, звенеть, трещать".

γεγυωνος - part. perf. к γεγωνα "громко кричать, сообщать, извещать"; встречается и part. perf. γεγυωνος

πεπτος - от глаг. πεπτω "падать, бросаться, рушиться"; распространено и part. perf. πεπτως

Этот перечень перфектных причастий в греческом языке может быть продолжен, так как почти каждая перфектная форма образовывала participio perfecti. Такой же словообразовательный процесс обнаруживается и в санскрите, но приведенных примеров вполне достаточно, чтобы подтвердить наш тезис. Однако мы проанализировали протославянское ⁺ropelōs с точки зрения формального строения. Для того, чтобы убедиться окончательно в правомерности нашего тезиса, надо проанализировать и семантику этого слова. В древних и современных славянских языках слово пепел обозначает "пылевидную верую массу, остающуюся от чего-н., сгоревшего", т.е. то, что осталось от предмета после того, как он сгорел; состояние предмета после его сгорания, в том числе и после пожара. По существу значение слова попель/пепель указывает на состояние предмета как результат прошлого действия, на жизнеустойчивость последствий действия для более позднего временного плана. А это не что иное, как перфектное значение. По-видимому, протославянское ⁺ropelōs как перфектное причастие

имело значение "уничтоженный огнем, уничтоженный пожаром, превратившийся в пыль вследствие пожара, испепелившийся и т.п."

Таким образом, оказывается, что имя существительное *попелъ* ведет свое начало от древней акционзартной формы перфекта, бытовавшего в тот период существования протославянского языка, когда в нем еще не было оформившейся грамматической категории времени.

Вызывает интерес в этом отношении и глагол *плаполати*, семантическая первородность которого перекликается со значением перфекта, причем и по формальному строению *плаполати* сходно со строением этой акционзартной формы.

Следовательно, в противовес всем ученым, которые считают, что якобы древнерусское глаголати должно было звучать как *голололати*, нам приходится утверждать, что слово глаголати никогда не могло подвергнуться фонетическим изменениям вследствие действия закона открытого слога, ибо в этом глаголе издревле не было и не могло быть закрытых слогов. Инфинитивные формы *плаполати* и *глаголати* обнаруживают одинаковое формальное строение, что на наш взгляд, не является случайным совпадением. Если учесть, что санскритом представлена только перфектная форма *aha* "говорю" /т.е. глаголъх/, то мы вправе считать, что в глубокой древности основы $^{+}glagol-$ и $^{+}plahol$ представляли перфектные основы с редупликацией и различной огласовкой корня $/^{+}gl-/^{+}gol-/^{+}pl-/^{+}pol-/$. Это обстоятельство свидетельствует, по-видимому, о производном, вторичном происхождении этих инфинитивных форм. Такие же инновации зафиксированы и греческим языком:

$\gamma\epsilon\upsilon\omega\mu\epsilon\iota$ - praesens от perf. $\gamma\epsilon\upsilon\omega\alpha$ "кричать, быть слышным, сообщать"

$\epsilon\upsilon\rho\eta\gamma\omega\sigma\alpha\iota$ - praesens от perf. $\epsilon\upsilon\rho\eta\gamma\omega\alpha$ "бодрствовать"

$\rho\omicron\lambda\lambda\alpha\mu\epsilon\iota$ - praesens от perf. $\rho\omicron\lambda\lambda\alpha$

После всего сказанного нам остается сделать, быть может, в какой-то степени и полемический вывод о том, что от индоевропейской акционзартной формы перфекта образовались не только формы настоящего и нарративного прошедшего времени, но и номинативные формы.

Примечания

1. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938, с. 223.
2. В.В. Иванов, Ст. Ковачев. "К проблемам истории славянских категорий вида и времени". "Болгарская русистика". София, 1978, кн. 2.
3. А. Мейе. Ук. соч., с. 212--213.
4. Изложение принципов социологической школы в лингвистике было сделано учеником А. Мейе норвежским ученым Алтфом Коммерфельтом в статье "La philosophie linguistique française", вышедшей в "Bulletin de la Société de linguistique de Paris", т. XXV, 1924--1925. См. также книгу Ф. де Соссюра "Курс общей лингвистики". М., 1933.
5. А.А. Потебня. "Из записок по русской грамматике". т. IV. М.-Л., 1941, с. 47.
6. В.В. Иванов, Ст. Ковачев. "К проблемам истории..."
7. Kurylowicz J. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, p. 43, а также The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 63 sqq.
8. М.И. Срезневский. "Материалы для словаря древнерусского языка", т. II. СПб., 1895, с. 869, 1152, 1188, 870, 868, соответственно.
9. М. Фасмер. "Этимологический словарь русского языка". т. III. М., 1957--1962, с. 234.
10. М. Фасмер. Ук. соч., с. 317 /слово полох/.

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ АДЪЕКТИВАЦИИ ПРИЧАСТИЙ С
СУФФИКСАМИ -УЩ-, -ЮЩ-, -АЩ-, -ЯЩ-

Е.М. Демьянова

Категория причастия уже изучалась во многих аспектах, но до сих пор остаются нерешенные проблемы. Еще далеко не всесторонне освещено и явление адъективации.

Как известно, причастие обладает глагольными признаками и признаками имени прилагательного. В классических работах по русскому языку мы встречаем о причастии и его адъективации лишь самые общие, хотя и очень глубокие замечания.

Г. Павский /1, с. 101/ писал, что причастия сблизились с именами, но сохранили и глагольные качества. Н. Некрасов /2, с. 257/ особое внимание обращал на категорию времени. Он, как известно, считал, что категория времени не свойственна русскому языку. Это положение было отнесено и к причастиям. А. Потебня /3, с. 94/, рассуждая о возникновении имени и глагола, отметил, что "В причастии возникающий признак /черта глагола/ представляется данным /черта имени/". Д. Овсянко-Куликовский /4, с. 82/ особое внимание уделял синтаксической стороне причастий: В книге "Русский синтаксис в научном освещении" А. Пешковский /5, с. 135/ писал, "что причастия отличаются от прочих прилагательных последовательным изменением по видам, изменением по временам и, наконец, глагольным управлением. Если одно или несколько из этих отличий по тем или иным причинам атрофируется, причастие начинает переходить в глагольное прилагательное". В работах М. Шахматова /6, с. 491/ тоже находим высказывание относительно причастий и их адъективации: "причастия, утратившие свою предикативность, становятся прилагательными".

Более подробное изучение четырех морфологических групп причастий представлено В. Виноградовым в его книге "Русский

язык" /7, с. 272--284/. Во всех четырех морфологических группах этой гибридной категории, по словам В. Виноградова, происходит процесс развития окачества. В каждой морфологической группе он отметил различные причины, ведущие к адъективации последних.

Остановимся на причинах этого процесса, наблюдаемого многими лингвистами. На наш взгляд, в истории развития русского языка можно выделить два явления, имеющие непосредственное отношение к этой теме: 1/ постепенное развитие многозначности слова; 2/ активизация проявления качественного значения среди имен прилагательных. Развитие мышления, увеличение количества абстрактных понятий находит непосредственное выражение в языке. А. Смирницкий /8, с. 56/ пишет по этому поводу: "Многозначность слов возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по сравнению с бесконечным многообразием реальной действительности". Непосредственно с развитием многозначности слов развивается и категория качественности.

Теперь обратимся непосредственно к тем работам, в которых рассматриваются причастия с точки зрения перехода их в прилагательные, иными словами, накопления ими качественности. Р.К. Кавецкая /9/, занимаясь действительными причастиями, уделяла большое внимание категории времени причастий. Только действительными причастиями, имеющими тенденцию к адъективации, занималась А.С. Белова /10/. Р.А. Маркарян /11/ обратила свое внимание на страдательные формы причастия. В.А. Ицкович /12/ писал о страдательных причастиях прошедшего времени. Диссертация В.Е. Козловой /13/ посвящена возвратным причастиям в современном русском литературном языке. В.Е. Ломтева /14/, А.И. Краснов /15/, М.Ф. Лукин /16/, Л.П. Калауцкая /17/ в своих диссертациях освещали вопросы адъективации причастий всех морфологических групп в грамматическом аспекте. У названных авторов довольно отчет-

ливо прослеживается мысль о том, что адъективация -- это процесс постепенного накопления причастиями признаков имени прилагательного и соответственно постепенной утраты глагольной семантики /категория вида, времени, залога/. По наблюдениям А.И. Бахарева /18/, процесс накопления причастиями качественного содержания был характерен для русского языка во все периоды его развития. В работах, посвященных процессу адъективации причастий, с небольшими вариациями утверждается, что существуют два способа адъективации: грамматический и лексико-грамматический. Грамматический способ адъективации заключается в том, что при переходе причастий в прилагательные в самом причастии лексических изменений не наблюдается, например, шагающий экскаватор, пишущая машинка. Лексико-грамматическим способом адъективируются причастия, в которых, по мнению сторонников этого способа, одновременно с изменением глагольной семантики происходит и лексическое изменение самого причастия. Как правило, такой способ иллюстрируется примерами типа цветущий сад, цветущий вид, потерянный ключ, потерянный вид. Несмотря на некоторые различия, в этих способах адъективации причастий, отмечаемых авторами названных работ, есть общее: в том и другом случае указывается на постепенное накопление качественной семантики в причастиях. Другое объяснение адъективации представлено в работах В.В. Лопатина /19, с. 46/, И.К. Сазоновой /20, с. 103/. Общая мысль, позволяющая объединить работы этих двух авторов, сводится к следующему: они рассматривают процесс адъективации внутри самих причастий, в рамках одного слова. По мнению исследователей, в определенных контекстах причастия временно приобретают адъективные значения, не отрываясь от системы глагола; /следовательно, В.В. Лопатин и И.К. Сазонова отрицают появления слов-омонимов в данном случае/. И в конечном итоге вопрос заключается в следующем: насколько аргументированно утвержде-

ние исследователей, занимающихся проблемой перехода причастий в прилагательные, о том, что адъективированное причастие словообразовательно мотивируется собственно причастием. Схематически предлагаемый путь адъективации можно было бы представить так: мотивирующий глагол ----- мотивированное причастие ----- мотивирующее причастие ----- адъективированное причастие. Такой способ адъективации, на наш взгляд, есть основания назвать линейным.

Теперь обратимся к рассмотрению языковых фактов.

В.Е. Козлова /13а, с. 15/ утверждает: "Нередко в причастных образованиях развиваются переносные значения, способствующие утрате процессуальности; далее автор приводит следующие примеры: четыре шатающихся элемента, перекрасившийся спец, выдающиеся люди. В.Е. Козлова полагает, что в самих причастных образованиях развились переносные значения, поэтому-то эти причастия и смогли адъективироваться. Обращение к БАС /Словарь современного русского литературного языка, т. I--XVII/ и сравнение лексических значений глаголов и образованных от них слов /причастий и прилагательных/ заставляет усомниться в том, что причастие проходит именно такой путь адъективации: уже сами глаголы, от которых образованы слова шатающийся, перекрасившийся, выдающийся, имеют переносное лексическое значение.

"Шатающийся -- шататься. 3. Переносно. Быть в состоянии неуверенности, растерянности и т.п. /БАС, т. XVII/.

Перекрасившийся -- перекраситься. 2. Переносно. Разгов. Изменять свой облик внешне, не меняя сущности, выдавая себя за кого-либо /БАС, т. IX/.

Выдающийся -- выдаваться. Переносно. Выделяться чем-либо из окружающей среды, отличаться /БАС, т. II/."

Глаголы шататься, перекраситься, выдаваться -- многозначны. Одно из значений мотивирует образование причастия, а другое -- отглагольное прилагательное. В этом случае большое зна-

чение имеет носитель признака. В сочетании слов, например, "шатающийся стол" шатающийся соотносится с глаголом шататься /2/, а в сочетании слов "шатающиеся элементы" шатающиеся тоже строго соотносится с мотивирующим глаголом шататься, но с переносным его значением /шататься /3/. В рассматриваемом нами случае один глагол, но в разных его значениях, мотивирует образование разных слов с омонимичным суффиксом. Такую же точку зрения, как В.Е. Козлова, выражает А.И. Бахарев /18а, с. 61/. Он считает, что изменение лексического значения в причастии возможно независимо от мотивирующего глагола. Думается, утверждения такого характера не имеют достаточных оснований: нами проанализированы все отглагольные образования на -щий /с суффиксами -ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-/ с пометой прилагательного по БАС, и не отмечено ни одного случая, когда лексическое значение отглагольного прилагательного с указанными суффиксами не было мотивировано соответствующим глагольным значением.

Как уже говорилось, на наш взгляд, причина возможности образования от одного глагола, но в разных его значениях причастия и отглагольного прилагательного с омонимичным суффиксом, заложена в многозначности мотивирующего глагола. Подтвердим нашу мысль языковым материалом.

Примеры: "Но где-то за чертой серого горизонта сверкали страны, созданные из света, морских ветров и цветущих трав" /Паустовский/. "Она на шпильках, в дорогом пальто современного покроя, в фасонистой шляпке, румяная, цветущая, будто не из тяжелейшего цеха, а с загородного отдыха" /Борнычева/. "Цветущий, румяный шестидесятилетний отец Дюпен достал бутылку красного вина,..." /Михайлова/.

В сочетании слов цветущие травы отглагольное образование цветущий мотивировано глаголом цвести со значением 1. Раскрывшись, распутившись быть в поре цветения. /БАС, т. XVII/. В сочетании слов цветущий Дюпен, цветущая /она/ отглагольное

образование мотивировано глаголом цвести, но уже с другим значением "Быть в расцвете сил, молодости, красоты" /БАС, т. XVII/.

Как уже говорилось, большое внимание лексическому значению глагола и причастия уделено в работах Л.И. Удаловой /21, с. 108/. Она считает, что причастие, употребленное в прямом значении, адъективируется грамматическим путем /утрачивает грамматическое значение вида, времени, залога/, если же причастие употреблено в переносном или переносно-образном значении, то адъективация осуществляется лексико-грамматическим путем: "...в процессе адъективации не только нейтрализуются глагольные свойства причастия, а происходит сдвиг в его лексическом значении" /подчеркнуто мною. -- Е.Д./. Далее Л.И. Удалова приводит примеры, иллюстрирующие это положение: потрясающее впечатление, смягчающие обстоятельства.

Если обратимся к БАС, то увидим, что четвертое значение глагола потрясать /Перенос. Производить очень сильное впечатление, сильно волновать. БАС, т. X/ отражается и в отглагольном прилагательном потрясающий. /Потрясающий, -ая, -ее. Такой, который потрясает, производит большое впечатление, сильно волнует. БАС, т. X/. Третье значение глагола смягчать /Делать менее суровым, тяжелым, тягостным. БАС, т. XIII/ отражается в отглагольном прилагательном смягчающий /в сочетании смягчающие обстоятельства/.

Приведем и другие примеры, иллюстрирующие взаимозависимость и обусловленность лексических значений между мотивирующим глаголом и мотивированным отглагольным прилагательным.

Глагол сверкать по БАС /т. XIII/ имеет следующие значения: 1. Ярко блестеть; сиять ярким переливчатым, искристым светом. 2. Блестеть под влиянием каких-либо чувств, переживаний, выражая какие-либо чувства, переживания. 3. Перен. Блеском глаз обнаруживать какое-либо чувство. 4. Перен. Проявляться, обнаруживаться с большой силой, выразительностью.

Одно из значений многозначного глагола сверкать /1/ мотивирует образование причастия сверкающий, например, сверкающая на солнце посуда. А в другом случае отглагольное прилагательное сверкающий отражает третье значение мотивирующего глагола сверкать. "Ее сверкающие глаза, гордая поза, честность, прямота, здравый смысл, вдруг прорвавшиеся сквозь предрассудки и ленивые привычки, -- не выходили у него из головы" /Гончаров/. Слово сверкающие в последнем предложении является отглагольным прилагательным: свободно заменяется синонимом-прилагательным, например, сверкающие глаза -- лучистые, радостные.

В отглагольном прилагательном подавляющий, на первый взгляд, лексическое значение далеко отошло от лексического значения мотивирующего глагола, например: "Подавляющее большинство повестей и рассказов Фраермана написано на Дальнем Востоке" /Паустовский/. В БАС /т. XII/ глагол подавлять отмечен как многозначный. "3. Превосходить кого-либо в каком-либо отношении, оттесняя на второй план, заслоняя собой". Это значение глагола сохраняется в отглагольном прилагательном.

Знакомя читателей со взглядами лингвистов на вопрос адъективации причастий и привлекая внимание к языковым фактам, автор преследовал единственную мысль -- показать на материале современного русского языка, что русский глагол, обладая лексической многозначностью, способен мотивировать образование причастий и отглагольных прилагательных, и это нашло отражение в Словаре современного русского литературного языка. На основе наблюдений лексической соотносительности между мотивирующими и мотивированными словами можно сделать вывод о том, что в современном русском литературном языке во многих случаях одним глаголом, но в разных его значениях одновременно могут мотивироваться и причастия и отглагольные прилагательные. Способ мотивации одним глаголом и отглагольных прилагательных и причастий можно назвать параллельным.

Примечания

1. Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 3. О глаголе. СПб., 1850.
2. Н.П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
3. А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. М., "Учпедгиз", 1958, т. I, II.
4. Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
5. А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. "Учпедгиз", изд. 7, М., 1956.
6. А.А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. "Учпедгиз", изд. 2, Л., 1941.
7. В.В. Виноградов. Русский язык /Грамматическое учение о слове/. "Учпедгиз", М.-Л., 1947.
8. А.И. Смирницкий. Лексикология английского языка. Изд. литературы на иностранных языках. М., 1955.
9. Р.К. Кавецкая. Конструкции с нестрадательными причастиями в современном русском языке. АКД, М., 1952.
10. А.С. Белова. К вопросу об употреблении действительных причастий в современном русском языке. АКД /МГПИ им. Потемкина/. М., 1953.
11. Р.А. Маркарян. Страдательный залог и страдательные обороты в современном русском языке. АКД, М., 1952.
12. В.А. Ицкович. Причина перехода страдательных причастий в прилагательные. Доповіді та повідомлення Львовського ун-ту. в. 7, ч. I, 1957.
13. В.Е. Козлова. Возвратные причастия /причастия с суффиксом -ся/ в современном русском литературном языке. АКД /МГПИ им. Ленина/. М., 1956.
- 13а. В.Е. Козлова. Употребление возвратных причастий в разговорной речи. В кн.: Вопросы употребления причастий в разговорной речи. Сев.-зап. книжное изд-во, 1967.
14. В.Е. Ломтева. Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке. АКД, Саратов, 1954.
15. И.А. Краснов. Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке. АКД, М., 1955.
16. М.Ф. Лукин. Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке. АКД, Киев, 1965.

17. Л.П. Калакуцкая. Грамматические условия адъективации причастий в современном русском языке. АКД, М., 1967.
18. А.И. Бахарев. Адъективация причастий в историко-теоретическом освещении. АКД, Саратов, 1972.
- 18а. А.И. Бахарев. Адъективация причастий в историко-теоретическом освещении. КД, Саратов, 1972.
19. В.В. Лопатин. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию. -- ВЯ, № 5, 1966.
20. И.К. Сазонова. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова. -- ВЯ, № 6, 1971.
21. Л.И. Удалова. Адъективация действительных причастий в русском литературном языке XVII --XX вв. АКД, М., 1961.

ПРОБЛЕМА ОМОНИМИЧНОСТИ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ
ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ,
МОТИВИРОВАННЫХ ПЕРЕХОДНЫМИ ГЛАГОЛАМИ СОВЕРШЕННОГО
ВИДА

Е.М. Демьянова

О том, что страдательные причастия, мотивированные переходными глаголами совершенного вида, могут употребляться в значении прилагательных, писали лингвисты еще в XIX веке. Это явление русского языка было зафиксировано Я. Гротом /1, с. 25/. А.А. Потехня отмечал: "Кажется, можно найти средство для измерения степени предикативности причастий и прийти к заключению, что причастия страдательные с довольно давнего времени более близки к прилагательным и тем самым менее предикативны, чем настоящего времени действительные и прошедшего времени действительные" /2, с. 145/.

Лингвист С.Д. Никифоров уже в "Домострое" находил страдательные причастия прошедшего времени, имеющие значение имени прилагательного /например, "возлюбленный сын", "Мудрость прирождения" и др., 3, с. 45/. А.М. Пешковский доказывал, что глагольные прилагательные по своему значению могут быть близки к прилагательным неглагольного происхождения и чаще всего в тех случаях, когда "страдательные глагольные прилагательные не управляют творительным падежом существительного". /4, с. 264/. В.В. Виноградов пришел к мысли о разрушении глагольности в страдательных причастиях /5, с. 280--281/, а С.Г. Бережков считал, что с утратой значения страдательного залога семантика таких причастий становится более качественной /6, с. 72/.

Особенность этой морфологической группы отглагольных образований заключается в том, что они обладают страдательным значением. Но страдательное значение, как известно, тесно связано и переплетается с категорией залога. Естественно, страдательные причастия, как и действительные, на морфологическом уровне осложнены залоговыми значениями мотивирующих глаголов.

Но если останавливаться на отличительных особенностях страдательных причастий, то, безусловно, страдательные причастия имеют и свое собственное, отличное от действительных причастий управление /ср. читающий что -- книгу; книга, прочитанная -- кем?/. Это изменение управления именем существительным страдательными причастиями основано на семантике категории русского залога. Если бы залоговость русского глагола не поддерживалась лексико-синтаксической оппозицией переходности--непереходности, то причастие не могло бы составлять страдательного оборота. А для причастий прошедшего времени с суффиксами -енн/-нн-, -т- "страдательность" находит свою экспликацию именно в семантике страдательного оборота. Поскольку страдательный залог у таких причастий затрагивает не только морфологический, но и синтаксический уровень, то для экспликации его необходимы элементы и синтаксического порядка, т.е. наличие субъекта и объекта, что и составляет вместе с причастием причастный оборот. И только при наличии причастного оборота в предложении, который представляет собой полупредикативную конструкцию, можно говорить о полной выраженности пассивной семантики страдательных причастий. В частности, по этому поводу Н.А. Янко-Триницкая пишет: "Несомненно, что и страдательное причастие при наличии творительного падежа указанного значения /твор. со значением содействующего объекта/ тесно связывается с производящим переходным глаголом и страдательное значение в нем определеннее и ярче. Это сказывается хотя бы в том, что при наличии творительного падежа страдательные причастия никогда не переходят в прилагательные или причастия другого нестрадательного значения". /7, с. 123/.

В современном литературном языке довольно часто встречаются страдательные причастия /по структуре образования/ в изолированном положении, выполняют они атрибутивную функцию. В этом случае уже не может быть и речи о полупредикативном значении страдательного оборота, так как нет конструктивных элементов, составляющих этот оборот. Кроме того, отмечены случаи,

когда при одиночном страдательном причастии субъект не только не выражен вербально, но и не может быть домыслен. Поэтому в лингвистической литературе встречаем различные вариации объяснений страдательного залога в причастии, где субъект подразумевается или не подразумевается. Как правило, когда страдательное причастие /по морфологической структуре/ занимает в предложении изолированную позицию и субъект действия не эксплицируется, то такое причастие принято считать адъективизированным. И совершенно справедливо написано о том, что отсутствие действующего субъекта в конструкции пассива может в некоторой степени приглушить значение страдательности. Степень определенности страдательного значения при том во многом зависит от способов его выражения. /8, с. 617/.

На наш же взгляд, причину возможности и невозможности проявления качественного значения одиночных страдательных причастий в атрибутивном положении целесообразно искать в лексическом значении производящего глагола и вытекающих из лексического значения грамматических свойств таких слов.

Обратимся к языковому материалу. Для удобства рассмотрения примеров отглагольные прилагательные /по нашей терминологии/ и причастия объединены в подгруппы с учетом лексических и семантических особенностей мотивирующих глаголов. Отглагольные прилагательные, объединенные в первую подгруппу, мотивируются переходными глаголами совершенного вида, которые обладают особым семантическим свойством: они свободно соотносятся с возвратными глаголами того же лексического значения; например, запылить--запылиться--запыленный. Семантическая близость производящих переходных глаголов имеет и свои последствия. Отглагольные образования такого типа не способны создавать причастные обороты, так как объект действия уже включен в лексическое значение мотивирующего глагола; субъект-деятель в творительном падеже не восстанавливается, например, завьюженный /кем-чем, только вьюгой/; заснеженный /кем-чем, только снегом/. На невозможность употребления при таких причастиях творительного падежа со значением деятеля указывала Н.А. Янко-Триницкая.

Кроме того, она писала, что "вообще, за небольшим исключением, в любом возвратном глаголе, образованном от переходного глагола, поскольку частица -ся устраняет переходность, действие сосредотачивается, замыкается в самом субъекте" /7, с. 152/. Напр.: "Проходит в час определенный. За нею -- карлик, шлейф влача... И я смотрю, вослед влюбленный. Как пленный раб на палача..." /А. Блок/. Слово влюбленный соотносится с абстрактным существительным на -ость. "И вот -- я стал поэт. Влюбленность расцвела в кудрях..." /А. Блок/. Интересно обратить внимание на тот факт, что слово влюбленный не обладает способностью управлять именем существительным в творительном падеже, в то же время, соотносясь с возвратным глаголом того же значения /влюбиться/, сохраняет идентичное с ним управление, например, влюбиться в кого/что. Ср. в стихотворении А. Блока "Деве-революции": "О, дева, иду за тобой -- И страшно ль идти за тобой Влюбленному в душу свою..."

Следует отметить и возможность образования как наречия от этого слова, так и степени сравнения. "Я все влюбленней и мятежней. Смотрю в глаза твои, сестра. /А. Блок/. Ср.: влюбленный -- влюбленно -- влюбленней. "В доме было много смешных вещей: ..., запыленный букетик камелий" /К. Паустовский/.

Л.П. Калакуцкая /9, с. 179/ видит причину адъективации слова запыленный в том, что в этом слове грамматикализованная приставка, которая /как и вообще все грамматикализованные/" не вносит никаких дополнительных характеристик действия, кроме результативности"... Пожалуй, можно было бы согласиться с тем, что в данном случае грамматикализованная приставка за- не препятствует адъективации этого слова, если бы был контекст, где слово запыленный имело семантику истинного причастия. Поэтому целесообразнее это слово и ему подобные считать отглагольными прилагательными, а не причастиями. Ср.: "Я ударил заржавленным ломом по слоистому камню на дне" /А. Блок; "Зевая, мы играем, как в картишки, в засаленные стертые страстишки" /Е. Евтушенко/.

Слово засаленный мотивируется глаголом засалить во втором его переносном значении: загрязнять нравственно /БАС, т. IV/.

Р.А. Маркарян пишет о том, что в словах заржавленный, запыленный, припудренный характер производящих глаголов влияет в направлении развития в них с "качественным" значением "относительного" значения. /10, с. 3/. В то же время справедлива и мысль В.В. Виноградова: "Прилагательные, в которые превратились бывшие страдательные причастия, имеют в современном языке такое значение: подвергшийся какому-нибудь действию в достаточной степени, такой, что является результатом какого-нибудь действия" /4, с. 220/. Эта мысль верна, на наш взгляд, за исключением только лишь одного: не прослеживаются в языке "бывшие" причастия, впоследствии мотивирующие прилагательные; вероятнее всего, те и другие существовали параллельно, но не обязательно со строгим соблюдением соотносительности между ними. Трудно представить, что язык, отражающий постоянно усложняющуюся действительность, упрощается именно в этом направлении /атрибутивное употребление причастия естественно структурно проще, чем причастный оборот/. Да и лингвисты, исследующие научный стиль речи, не отмечают обратно пропорционального развития языка в окружающей жизни. Обращаясь к слову засаленный, не безынтересно проследить рассуждения лингвиста И.К. Сазоновой /11, с. 101,103,105/, которая исследует такую же группу причастий. В своих рассуждениях она тоже опирается на анализ лексического значения глагола и, по ее словам, в "изолированном положении" происходит некоторое временное окачествление глагольного значения причастия", связь с инфинитивом обеспечивает "устойчивость объединения глагольного и адъективного значения в пределах одного слова, что не приводит к нарушению их семантического тождества." Автор считает, что об омонимии можно говорить в том случае, если нарушена связь с инфинитивом. В доказательство этого положения приводятся следующие примеры: вооруженный красноармеец, замедленное движение, засаленный полушубок, утомленные люди, запущенное производство, пальто с продырявленной подкладкой.

И.К. Сазонова считает эти слова прилагательными, омонимичными словам-причастиям в соответствующих причастных оборотах. Но нужно заметить, что эти прилагательные не потеряли связь с мотивирующим глаголом. Установить эту связь помогает БАС.

Вооружать, вооружить

I. Снабжать кого, что-либо
оружием, военным снаряжением

Вооруженный. Имеющий при
себе оружие. БАС, т. II.

Замедлять, замедлить

I. Делать более медленным,
уменьшать скорость чего-то-

Замедленный.

Уменьшенный, убавленный
в силе, скорости и т.д.
БАС, т. IV.

Засалить, засаливать

I. Загрязнять, пачкать чем-ни-
будь жирным, сальным. Перен.
Загрязнять нравственно.

Засаленный. Грязный от
долгого употребления, со
следами жирных пятен. БАС,
т. IV.

Нужно отметить, что в БАС не зафиксировано отглагольное образование, мотивированное переносным значением глагола засаливать, но это уже другая проблема.

Как видно, глагол засаливать-засалить -- многозначен и способен мотивировать отглагольные образования, имеющие разный набор семантических признаков /причастие и прилагательное/: "и все -- это, все это я принимаю в расчет, и все-таки надо принять в большой расчет, что мы в школе получаем готовый материал, определенную психику, готовые навыки" /А. Серафимович/.

Как известно, образование степеней сравнения является ярчайшим доказательством проявления качественности: "Может, грамматически речь его и вышла правильнее на немецком языке, но яснее и определеннее она не стала" /А. Герцен/; "Левин находился в отношении к религии, как большинство его современников в самом неопределенном отношении" /Л. Толстой/. "Вновь оснеженные колонны, Елагин мост и два огня" /А. Блок/. Ср. образования степеней сравнения: "Снег вокруг, среди сосновых розоватых стволов, становится все глубже, белее, сосны все оснеженнее"

/И. Бунин/; "Надышаться блаженством спеша, Отдаленного шума прилива Уж не может не слышать душа" /А. Блок/.

Ср. превосходную степень: "Правда, я живу в отдаленнейшей части города" /Ф. Достоевский/.

В этих предложениях отглагольные образования занимают изолированное положение в качестве атрибута. Страдательный причастный оборот, если и составляется с данными отглагольными образованиями, то выглядит искусственным. Ср.: букетик, запыленный...; лом, заржавленный... и т.д.

Проявление этих качеств объясняется особым лексическим значением мотивирующих глаголов, которые, с одной стороны, не допускают постановки дополнения в творительном падеже /ни со значением орудийности, ни со значением субъекта-деятеля/, с другой стороны, свободная соотнесенность с возвратными глаголами, свидетельствует о замкнутости мотивирующей основы действия в самом субъекте.

Отглагольные образования такого типа легко заменяются синонимами -- прилагательными неглагольного происхождения, например, заржавленный -- ржавый; засаленный -- сальный и т.д.

Кажется, нужно еще добавить, что признаком качественного значения этих и подобных им отглагольных слов является их семантическая соотнесенность с существительными на -ость, -ение, -ание. И действительно, отглагольные образования, структурно мотивированные переходными глаголами совершенного вида анализируемой группы в семантическом значении близки к существительным абстрактного содержания, например, заболоченный -- заболоченность; запыленный -- запыленность и т.д.

Вторая группа отглагольных прилагательных, которые будут приведены ниже, несколько отличается от предыдущей тем, что они мотивируются глаголами переносного значения или одним из значений многозначного глагола. Начнем с примеров: "Кто знает, сколько отчаянья от этой разлуки перенес наедине с собой этот внешне спокойный и сдержанный писатель" /К. Паустовский/.

Значение отглагольного слова сдержанный соотносится с пе-

реносным значением глагола сдержать. Сдержать/ 4. Не давать чему-либо проявляться в полную меру, обнаруживаться полностью. БАС/. "Потом странно посмотрел на слугу невидящим взором очень близорукого и рассеянного человека" /И. Бунин/. "Ученым, по общему мнению, свойственна рассеянность; вероятно, это качество не универсально, но когда видим организованного собранного ученого, мы считаем его исключением" /И. Кон/.

Организовать толкуется в БАС /3-е значение/ следующим образом: "...Упорядочить, придавать чему-либо планомерный, согласованный характер; устраивать по плану". Мотивирующий глагол собрать трактуется так: "Направить свои мысли, волю, чувства на что-либо одно: сосредоточиться" /БАС, т. XIV/; соответственное значение имеет и отглагольное образование собранный. /2. "Умеющий сосредоточить свои мысли, волю, чувства на чем-либо одном, главном: находящийся в состоянии внутренней готовности к чему-либо /обычно трудному/" БАС, т. XIV. По этому поводу В.В. Виноградов писал: "Тенденция к окачеству причастных форм все шире распространяет круг своего действия. Она развивается и независимо от соотношения причастия с отглагольным существительным. Например: истасканный /истасканное лицо -- и: туфли, истасканные мною за месяц/; потерянный /потерянный вид, потерянный человек -- и кошелек, потерянный касиршей" /5, с. 282/.

"Теперь Юлька, зная по опыту, что мать потом, после таких разговоров, будет и день и два ходить как потерянная..." /Ю. Антонов/. Потерять -- одно из значений этого глагола по БАС /т. X/ трактуется так: "Потерять разум, сознание, чувство."

В связи с приведенными примерами имеет смысл обратиться к размышлениям В.В. Лопатина по поводу процесса адъективации. В.В. Лопатин совершенно справедливо замечает, что в процессе адъективации следует различать синхронный и диахронный характер этого явления. Он считает, что процесс адъективации не приводит к появлению новых слов -- омонимов. Эта же точка зрения представлена и в Грамматике-70. Продолжая исследовать взгляды В.В. Лопатина /2, с. 38--40/, следует отметить, что по

его мнению, отглагольные образования, мотивированные переходными глаголами совершенного вида, не могут считаться омонимами по отношению к причастиям, даже если они способны образовывать степени сравнения, краткую форму, быть базой для образования наречий на -о, -е; соединяться со словами, обозначающими степень качества.

В таком случае остается один вопрос: какие отличительные признаки характеризуют имена прилагательные? Если обратиться к аналогии, то следует отметить, что в русском языке достаточное количество имен прилагательных, соотносящихся с глаголами; например, черный, белый и т.д. Полагаем, что все признаки, приведенные В.В. Лопатиным, можно причислить к индикаторам имени прилагательного. Примеры: "Забитый гвоздь и забитый человек". Забитый /1/ мотивируется словом, значение которого связано с конкретным физическим действием; забитый /2/ мотивируется другими глагольными значениями. В БАС это значение интерпретируется так: :5. Подавлять силой, обилием, превосходством и т.п." /IV/. Соответственно, забитый /1/ и забитый /2/ определяются и разными зависимыми словами. Ср.: глубоко забитый гвоздь и очень, крайне, чрезвычайно забитый человек. Словообразовательная модель и структура таких слов совершенно одинаковая, но лексическое значение и грамматическая семантика различны: следовательно, эти слова можно считать омонимами.

Вернемся к анализу рассматриваемой группы отглагольных образований.

Безусловно, что в этой группе отглагольных образований можно найти такие, которые могут создавать пассивную конструкцию, но она будет носить искусственный характер, а субъект этой конструкции -- тавтологическим. Примеры: "Опять предстоял потерянный вечер". Ср.: "Мне предстоял мною потерянный вечер". "Ему предстоял потерянный им вечер". Естественно, так никто не говорит. Обычное предложение выглядит так: "Для меня это был потерянный вечер" и т.д. Как уже здесь неоднократно было написано, невозможность образования пассивной конструкции кроется

в многозначности и переносном значении мотивирующего глагола. Переносное значение образующего глагола изменяет и характер грамматических свойств по сравнению с первым его значением. Проявление новых грамматических свойств сказывается и на словах, произведенных от этих глаголов, но между мотивирующим и производным словом остается тесная лексическая соотнесенность. Одно слово, но с разными лексическими оттенками, обладает сочетаемостью неодинакового характера, что тоже свидетельствует об их различии в грамматическом плане. Например, потерянный чемодан и потерянный вечер. В каждом случае отглагольные образования могут определяться разными примыкающими наречиями. Ср.: "Только что, навсегда, внезапно, случайно и т.д. потерянный чемодан и бесцельно, попусту, обидно, зря потерянный вечер".

Анализ большого количества слов, занимающих изолированную позицию в качестве атрибута и мотивированных переходными глаголами совершенного вида, приводит к мысли о том, что особенности лексического значения мотивирующего глагола способны быть базой для конструирования как собственно страдательных причастий, так и отглагольных прилагательных. Омонимы такого рода обладают соответственно каждый отдельно набором всех семантических признаков, выраженных имплицитно и эксплицитно, как причастия, так и отглагольного прилагательного. /13, с. 115--116/.

Примечания

1. Я.К. Грот. Филологические изыскания. Изд. 4, СПб., 1976.
2. А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. М., "Учпедгиз", 1958, т. I, II.
3. С.Д. Никифоров. Из наблюдений над изучением некоторых глагольных форм в памятниках второй половины XVI в. -- Ученые записки МГПИ им. Ленина. т. XI, вып. 2, 1948.
4. А.М. Пешковский. Наш язык. ч. II, М.--Л., "Гиз", 1925.

5. В.В. Виноградов. Русский язык. /Грамматическое учение о слове/. "Учпедгиз", М.--Л., 1947.
6. С.Г. Бережков. К вопросу о переходе причастий в прилагательные. -- Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. т.IXX, кафедра русского языка. 1939.
7. Р.А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
8. Грамматика русского языка. т. I, II, "Наука", 1982.
9. Л.П. Калакуцкая. Адъективация причастий в современном русском языке. "Наука", М., 1971.
10. Р.А. Маркарян. Страдательный залог и страдательные обороты в современном русском языке. АКД, М., 1952.
11. И.К. Сазонова. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова. -- ВЯ, № 6, 1971.
12. В.В. Лопатин. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию. -- ВЯ, № 5, 1966.
13. Е.М. Демьянова. Соотношение причастий и отглагольных прилагательных с омонимичными суффиксами и их сочетаемость с наречиями. Диссертация. Л., 1973.

ЗА АГЛУТИНАЦИЯТА В ГРАМАТИЧНАТА СИСТЕМА НА СЪВРЕМЕННИЯ БЪЛГАРСКИ КНИЖОВЕН ЕЗИК

Константин Босилков

/София/

О. Начален стимул за по-внимателно и критично отношение към типологическата характеристика на съвременния български книжовен език ми даде докладът на проф. Ю.С. Маслов на Първия международен конгрес по българистика в София¹ и централната тема -- анализът -- на Втория българо-скандинавски симпозиум в Кунгелв /Швеция/². Несъмнено е обаче, че съзнателното търсене на паралели в типологията на съвременния български език с аглутинативните езици се дължи изключително на престоя ми в Унгария като лектор в Сегедския университет. По тази причина, сравнително малобройните примери за съпоставка са почерпани от унгарски³.

1. От гледище на типа на граматично изразяване езиците се разпределят обикновено в три групи: синтетични, аглутинативни и аналитични. Няма съмнение, че тази тридялба представя полезна научна абстракция -- особено за съпоставителното изследване на езиците. По въпроса за синтетизма, аглутинацията и аналитизма е теоретизирано твърде много, като са изказвани и противоречиви мнения, а още по-често -- особено в българистиката -- ред конкретни явления се окачествяват напр. като аналитични, но констатацията не се обосновава. Тези обстоятелства налагат още веднаж, без излишно впускане в теоретизиране, да се експлицира накратко и просто какво в същност се схваща под трите типа на граматично изразяване.

1.1. За с и н т е т и з ъ м се мисли главно тогава, когато именната система се характеризира със склонение. Склонението пък, от своя страна, не е нищо друго, освен граматична афиксация, предимно -- суфиксация, която образува определен ред в системата, т.е. п а р а д и г м а. Всеки афиксален член на този системен ред е носител на определено граматично значение.

Парадигма обаче се абстрахира и при българското глаголно спрежение и тя сигнализира по принцип за лице и число, а в определени случаи в 3 л. ед. ч. -- и за род. Следователно, в чист или

в смесен вид, синтетизмът е характерен за българското спрежение.

1.2. За а г л у т и н а ц и я се мисли тогава, когато граматичното изразяване се осъществява пак чрез афиксация, но тази афиксация е еднозначна в системата и не образува парадигма.

Докато при синтетизма граматикализацията се осъществява чрез избор на съответния член от съществуващия /вертикален/ парадигматичен ред, то при аглутинацията, лексемата се граматикализира чрез /хоризонтално/ линейно и закономерно подреждане на аглутинатив-грамеми от наличния в езиковата система граматичен инвентар.

Така например в унгарски 'приятел' се означава чрез barát; 'мой приятел' -- чрез barátom /приятел + показател за еднолична притежателност в 1 л./; barátomat /приятел + показател за еднолична притежателност + показателя за обект'/ и т.н. Всички тези суфикси са единични граматични показатели в инвентара на унгарската езикова система и не образуват парадигми. Напр. със суфикс -k се означава множественост и при имена, и при глаголи, със суфикс -m -- първолична притежателност също при имена и при някои глаголи и т.н. Дори аналогията с винителен падеж в синтетичните езици и показателя за обектност при имената -t в унгарския език е повърхностна и неточна, защото и този суфикс не участва в парадигмата в смисъла на синтетизма, а стои по принцип в края на реда от аглутинати⁴.

Пак в унгарския език с помощта на префикс meg- се образуват глаголи, които частично наподобяват образуването на свършени от несвършени глаголи в българския език. Срав. meg+nézni, meg+próbálni и по+гледам, из+пробам. Съзнателно си послужих с този пример, за да се преходи към едно по-чисто понятие за аглутинацията като тип на граматично изразяване. В конкретния случай е налице отново афиксация, която има и граматично значение, но тя видоизменя и лексикалното значение. Затова такива случаи трябва да се тълкуват като преходни явления между граматиката и лексикологията и те ще бъдат изоставени в тази работа.

Следователно, под а г л у т и н а ц и я като тип на граматично изразяване ще се схваща всякакъв вид афиксация, която граматикализира и не образува парадигма в системата.

1.3. За а н а л и т и з ъ м се мисли тогава, когато лексико-граматичното значение се изразява чрез две или повече отделно оформени думи -- една /едни/ от които е носител на граматичното значение, т.е. грамема, а другата е носител на лексикалното значение -- лексема. При това, в синтактичен план, тези отделно оформени думи образуват лексико-граматично единство.

При тълкуването на аналитизма възникват ред принципни проблеми, свързани главно с това, че граматикализиращите думи, напр. предлозите или частиците са често многозначни или пък т.нар. грамемни като частицата ще в българския език, бих, личните местоимения и др. не са напълно лишени от лексикално значение.

1.3.1. Съвременният български език обикновено се отнася към аналитичния тип. Това твърдение се основава главно на сравнението със старобългарския и с другите славянски езици и се има пред вид предимно именната система /съществителните, евентуално с техните определения/. В този случай аналитизмът е безспорен, защото съществителните и прилежащите им определения са унифицирани по форма и граматичното им определяне в синтаксиса се осъществява чрез предлог /евентуално -- в съчетание със словореда/.

1.3.2. Идеята за съвременния български аналитизъм обаче се разпростира и върху глаголната система въз основа предимно на разпадането на стария инфинитив и замяната му с да-конструкция, изразяването на бъдеще време с помощта на неизменяемо ще + сегашна форма на глагола и на условно наклонение с бих + -л причастие. В съгласие с проф. Ю.С. Маслов, трябва да се заяви, че независимо от отделното изразяване, дори при тези "класически" случаи, в глаголните окончания присъствува сигнализация за лице и число, а в определени случаи в 3 л. -- и за род⁵. Може да се добави също, че ще-аналитизмът е относително по-чисто проявен спрямо сегашния ориентационен момент, но по отношение на миналото, той е обременен с допълнителен парадигматичен показател, който се дублира и в лексемата. Срв. ях да ходя, щеше да ходиш... яхме да ходим... Сравнително в по-чиста форма аналитизмът е проявен във формите за условно наклонение, но и там личат остатъци от синтетизъм, сигнализиращи за род и число.

Много по-ясно изразени форми /но пак не изцяло/ на глаголен аналитизъм се откриват в спрежението на английски и френски, при които в ред случаи лексемата е унифицирана /поне по звучене, ако не правописно/ и това задължително изисква да се означава лицето и числото чрез лично местоимение. В български, както е известно, употребата на лични местоимения е факултативна и този факт, за сетен път нека да се каже, се дължи на парадигматичния показател.

2. Ако идеята за аналитизма на съвременния български език все пак е търпяла известни корекции от гледище на синтетизма⁶, то определено може да се каже, че въпросите за аглутинацията по принцип не занимават умовете на българистите. При по-внимателно вглеждане обаче и като се изхожда от тук застъпваното схващане, че аглутинацията е всякакъв вид афиксация, която граматикализира и не образува парадигма, се оказва, че аглутинативните явления в системата на съвременния български език съвсем не са така малобройни. Ще посоча някои от тях.

2.1. И м е н н а с и с т е м а

Задпоставеното членуване на съществителните и прилагателните представя типичен случай на аглутинация, който от синхронно /а не от диахронно!/ гледище може да се разглежда като съставено от името + аглутинативен суфикс -т + парадигматичен показател за род и число. Срв. мъж/ъ/ + т + ∅, жена + т + а, дете + т + о...

2.2. М е с т о и м е н н а с и с т е м а

Тя в по-голямата си част има аглутинативен характер⁷.

3.3. П о к а з а т е л н и т е м е с т о и м е н и я
се образуват от третоличните местоимения + аглутинативен суфикс -зи или -я. Срв.

<u>то/я/</u>		<u>то/я/</u>	
<u>та</u>		<u>та</u>	
	+ <u>зи</u>		+ <u>я</u>
...		...	
<u>те</u>		<u>те</u>	

Отклонението за ср.р. ед.ч. това, освен с исторически аргу-

менти, може да се обясни и в синхронията с необходимостта да се избегне омонимията с показателното местоимение в м.р. Възможни са и други обяснения, но и те едва ли могат да опровергават общия принцип на аглутинация в този случай.

2.2.2. Неоопределителните местоимения също се образуват по аглутинативен начин от вопросителните местоимения:

а/ чрез префиксация:

		<u>кой</u> , <u>-я</u> , <u>-е</u> , <u>-и</u>
<u>ня</u> / <u>не</u> /	+	<u>какъв</u> , <u>-ва</u> , <u>-во</u> , <u>-ви</u>
		<u>чий</u> , <u>-я</u> , <u>-е</u> , <u>-и</u>
		<u>колко</u>

		<u>кой</u> , <u>-я</u> , <u>-е</u> , <u>-и</u>	
<u>еди</u>	+	<u>какъв</u> , <u>-ва</u> , <u>-во</u> , <u>-ви</u>	/си/
		<u>чий</u> , <u>-я</u> , <u>-е</u> , <u>-и</u>	
		<u>колко</u>	

б/ чрез суфиксация

<u>кой</u> , <u>-я</u> , <u>-е</u> , <u>-и</u>	
<u>що</u>	
<u>какъв</u> , <u>-ва</u> , <u>-во</u> , <u>-ви</u>	+ <u>годе</u>
<u>чий</u> , <u>-я</u> , <u>-е</u> , <u>-и</u>	
<u>колко</u>	

Последните случаи, заедно със степенуването с по- и най-, могат да се разглеждат като преходни аглутинативно-аналитични явления. Всъщност, единственият показател за тълкуването им като анализични, е само собственият акцент на т.нар. частици. Деглутинацията на по- и най-, която се сочи от проф. Ю.С. Маслов⁸, а и в българските граматики, от типа на "дружбата ни сякаш по̀ е свята" /Дебелянов/ или "Той е по̀ човек от тебе" може би трябва да се разглежда като съкратен запис на наречието повече. Шо се отнася обаче до деглутинацията на най-, напр. "Той най е приго̀-

ден за тази работа", тя не извиква съмнения. Неопределителните местоимения с -годе са в процес на явна архаизация. В противен случай, бихме могли да очакваме и при тях деглутиниране на -годе.

2.2.3. О т н о с и т е л н и т е м е с т о и м е н и я
също се образуват аглутинативно от въпросителните. Срв.

<u>кой</u> , <u>-я</u> , <u>-е</u> , <u>-и</u>	
<u>какъв</u> , <u>-ва</u> , <u>-во</u> , <u>-ви</u>	
<u>чий</u> , <u>-я</u> , <u>-е</u> , <u>-и</u>	+ <u>то</u>
<u>колко</u>	

Този тип на образуване е твърде интересен, защото образувателните форми се подчиняват на парадигма за род и число, а неизменният суфикс -то е очевиден аглутинат.

2.2.4. О б о б щ и т е л н и т е м е с т о и м е н и я
също следват аглутинативния начин на образуване чрез префиксация. Срв.

<u>я</u>		<u>кой</u> / <u>ки</u> /, <u>-ка</u> , <u>-ко</u> , / <u>ч</u> / <u>ки</u>
<u>вс е</u>	+	<u>какъв</u> , <u>-ва</u> , <u>-во</u> , <u>-ви</u>
<u>и</u>		/ <u>колко</u> /

Отклонението всички, както бе и при това, не е в състояние да опровергае принципа. Фактът, че този тип местоимения могат да бъдат разглеждани и като композитуми, също не противоречи на аглутинацията.

2.2.5. О т р и ц а т е л н и т е м е с т о и м е н и я
не правят изключение. И те се образуват по аглутинативен начин чрез префиксация:

		<u>кой</u> , <u>-я</u> , <u>-е</u> , <u>-и</u>
<u>ни</u>	+	<u>какъв</u> , <u>-ва</u> , <u>-во</u> , <u>-ви</u>
		<u>чий</u> , <u>-я</u> , <u>-е</u> , <u>-и</u>
		<u>колко</u>

2.3. Н а р е ч и я т а, образувани от съответните местоимения, логично се подчиняват на същия аглутинативен модел.

2.4. Глаголна система

2.4.1. Нефинитни форми на глагола.

Убедено може да се твърди, че нефинитните форми на глагола се образуват изключително по аглутинативен начин.

2.4.1.1. Сегашното деятелно причастие се образува от Несвършена глаголна основа + аглутинативен суфикс щ + парадигматичен показател за род и число. Срв.

<u>пиш-е</u>		
<u>ход-е</u>	+ <u>щ</u>	+ <u>∅, а, о, и</u>
<u>вик-а</u>		

2.4.1.2. Миналото деятелно причастие също се образува от аористната или имперфектна основа на глагола + аглутинат л + парадигматичен показател за род и число. Срв.

<u>пис-а</u>		
<u>ход-и</u>	+ <u>л</u>	+ <u>∅, а, о, и</u>
<u>/по/вик-а</u>		

<u>пиш-е</u>		
<u>ход-е</u>	+ <u>л</u>	+ <u>∅, а, о, и</u>
<u>вик-а</u>		

2.4.1.3. Миналото страдателно причастие се подчинява на същия модел: глаголна основа + н /т/ + парадигматичен показател за род и число:

<u>пис-а</u>		
<u>ход-е</u>	+ <u>н</u>	+ <u>∅, а, о, и</u>
<u>вик-а</u>		

или

<u>би</u>	+ <u>т</u>	+ <u>∅, а, о, и</u>
<u>ши</u>		

2.4.1.4. Деепричастието, образувано от несвършена глаголна основа + аглутинативния суфикс -йки, е безспорно един от най-чистите случаи на аглутинация в съвременния

български език, тъй като то, поради частично адвербиалната си природа, изключва необходимостта от допълнителен родов и числов показател. Срв. пиш-е + йки, ход-е + йки, вик-а + йки.

2.4.1.5. Накрая, от глаголните съществителни, подобно на деепричастието, също се образуват еднократно от глаголната основа + аглутината -не. Срв. писа + не, ходе + не, вика + не.

2.4.2. Финитни форми на глагола

2.4.2.1. Двете прости /несъставни/ минали времена -- аористът и имперфектът -- се образуват от съответната глаголна основа -- аористна или имперфектна -- + аглутинативния показател за минало време х + парадигматични окончания за род и число. Срв.

<u>пис-а</u>			Ø
<u>ход-и</u>	+ <u>х</u>	+	- дефективна неутрализация на <u>х</u>
<u>вик-а</u>			- дефективна неутрализация на <u>х</u>
			<u>ме</u>
			<u>те</u>
			<u>а</u>
<u>пиш-е</u>			Ø
<u>ход-е</u>	+ <u>х</u>	+	<u>е</u> /нормален вариант на <u>х</u> > <u>ш</u> /
<u>вик-а</u>			<u>е</u> /нормален вариант на <u>х</u> > <u>ш</u> /
			<u>ме</u>
			<u>те</u>
			<u>а</u>

Дефективността на миналия показател за 2 и 3 л. ед.ч. при аориста се отбелязва и в съществуващите граматики и тя частично се компенсира от акцента, а варианта на х -- ш е логично да се обясни и чрез диахронията и в синхронията /от фонетично и фономорфологично гледище сричка хе е чужда на новобългарската езикова система в краесловие/.

Посочените случаи са, може би, най-очевидният пример за това как в досегашните граматики на българския език аглутина-

цията е била напълно игнорирана. Образоването на простите минали времена се обясняваше като съчетание на съответната основа с "окончания" от типа на -х, ... -хме, -хте, -ха. В тези случаи е напълно очевидно, че х е неизменен аглутинативен суфикс и не участва в парадигмата.

2.4.2.2. При всички съставни минали времена /деятелни и страдателни/ аглутинацията също присъства като тип на граматично изразяване дотолкова, доколкото тя е представена поне в причастията.

2.4.3. Видови преобразувания на глагола

И в двата случая на видови преобразувания на българския глагол също се съзира аглутинативният начин на граматикализация. Това е напълно безспорно за образуване на свършени от не-свършени глаголи с помощта на суфикс -на /викна, пусна.../, но то е валидно и за имперфектизацията посредством -а, -ва, -ава /изхождам, дописвам, издавам.../. Последните суфикси, въпреки че не са напълно единни по форма, трябва да бъдат разглеждани като аглутинативни граматични варианти, защото не образуват парадигма.

3. В заключение, може да се твърди, че аглутинацията като тип на граматично изразяване, наред с аналитизма и синтетизма, е широко застъпена в българската граматична система. Убеден съм, че изложените тук случаи не изчерпват всички прояви на аглутинация.

3.1. Признанието на този факт не е теоретически самоцелно. То дава основания за по-просто и, в известен смисъл, може би -- по-точно -- определяне на някои категории като х-време, л-модус, -н /-т/-залоговост...

3.2. Изнесенят материал дава основание да се абстрахират по-общи модели за граматично словообразуване. Например простите минали времена се образуват по модела: глаголна основа + видов вокал, евентуално съчетан с вариант на основата + аглутинат х /ш/ + парадигматично окончание за лице и число.

Причастията се образуват по аналогичен модел, с тази разлика, че парадигматичното окончание сигнализира за род и число.

Аглютинативно-синтетично-аналитичният характер на граматикализация в българския език личи съвсем отчетливо при образуването на съставните минали времена. Срв. щях да съм писал /пишел/, бил съм се харесал /харесвал/, щял съм да бъда поканен и т.н.

3.3. Отчетливото различаване на аглютинатите създава едно по-точно и по-вярно понятие за 'окончание'.

3.4. И накрая, в съгласие със С. Иванчев⁹, нека да се каже, че съпоставителните изследвания на българския, не само с тюркските езици /С. Иванчев/, но изобщо -- с аглютинативния тип езици -- могат да се окажат твърде съществени за по-точното осмисляне или преосмисляне на българската граматична система.

Бележки:

1. Докладът бе публикуван преди издаването на актовете от конгреса: Ю.С. Маслов. Към типологическата характеристика на българския език. -- Език и литература, кн. 5, 1981, с. 6--9.
2. Вж Proceedings of the Second Bulgaro-Scandinavian Symposium held at Kungälv, 9--15 august 1982, Uppsala Slavic Papers. Uppsala, 1986, p. 306; p. 122.
3. В много ограничена степен и само част от въпросите, които се поставят тук, бяха засегнати в доклада ми "За типологията на граматичната система на съвременния български език", изнесен на конференцията по повод 35-годишнината на българистиката в Будапещенския университет -- 14--15 октомври 1986 г. Трябва да посоча също, че някои въпроси, поставени в доклада ми в Кунгелв "Прояви на синтетизъм и аналитизъм в "славнобългарска"-та книжовноезикова норма" получават тук по-точно осветление. Опр. cit. p. 7--14.
4. Разбира се, това не отрича съществуването на парадигми изобщо в унгарски. Стремещт е само да се илюстрира аглютинацията.
5. Ю.С. Маслов. Цит. съч.
6. Вж. още у Б. Цонев. История на българския език. т. 2, София, 1934, с. 454.
7. Нагледна и пълна представа за парадигмите на думите-заместители /местоимения и местоименни наречия/, разглеждани в традиционен план, може да се получи от най-новата работа на тази тема: Д. Даскалова, Е. Добрева. Думите-заместители в съвременния български език. Български език. кн. 5, 1986, с. 411 и с. 417.

8. Ю.С. Маслов. Цит. със.
9. С. Иванчев /рец./ за Г. Герджиков. Преизказването на глаголното действие в българския език. -- Съпоставително езикознание. кн. 4, 1986, с. 85.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ДЕРИВАЦИОННЫЕ СВЯЗИ
НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ ПРИСПОСОБЛЕНИЙ-ВМЕСТИЛИЩ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

С.М. Васильченко

Потребность хранить предметы домашнего обихода привела к необходимости создавать специальные приспособления-вместилища, для обозначения которых в русском языке имеется группа однолексемных наименований: шкаф, гардероб, шифоньерка, шифоньер, комод, буфет, сервант, горка, полка, полки, стеллаж, этажерка, витрина, угольник, сейф, киот, образник, образница, ¹ божница ². Наиболее распространенным отсылочным словом в толковании этих названий является слово шкаф, оно присутствует в словарных дефинициях существительных гардероб, шифоньерка, комод, сейф, буфет. В некоторых толкованиях слова шкаф, шкафчик соседствуют с другими словами: шкаф или этажерка /горка -- во 2-ом значении/, шкафчик или рама /киот/, шкафчик, полка, киот, божница /образница/. Путем отсылки "то же, что и" определено значение существительных образник /"то же, что образница -- в 1-ом значении"/, шифоньер /в 1-ом значении "то же, что и шифоньерка"/. Значение лексемы сервант толкуется с помощью слова буфет, лексемы божница -- с помощью слова полка или киот, лексемы угольник -- с помощью слов "полка, шкаф, стол и т.п."; устаревшее значение лексемы этажерка раскрыто путем отсылки ко 2-му значению слова горка. Таким образом, рассмотренные значения существительных этажерка, киот, божница, образник, шифоньер, сервант, угольник, горка, образница можно подвести под общее значение и включить в группу названий с ключевым словом шкаф. Само слово шкаф /в 1-ом значении/ является самым общим отсылочным словом. Его значение определяется с помощью словосочетания "предмет мебели", это свидетельствует о том, что рассматриваемые наименования входят в более многочисленную группу на-

званий предметов мебели³.

Назначение вместилищ типа шкафа в наиболее общем виде сформулировано в словарной дефиниции ключевого слова шкаф: "служащий для хранения чего-либо". В словарных дефинициях остальных существительных функциональная семема реализуется в семах: "для хранения платья" /гардероб -- в 1-ом значении/, "для одежды" /шифоньер -- во 2-ом значении/, "для хранения белья, предметов туалета, книг и т.п." /шифоньерка, шифоньер -- в 1-ом значении/, "для хранения белья, разных принадлежностей и т.п." /комод/, "для хранения ценностей и документов" /сейф/, "для посуды, серебра, безделушек и т.п." /горка -- во 2-ом значении, этажерка/, "для хранения посуды, столового серебра" /сервант, буфет -- в 1-ом значении/, "для хранения некоторых съестных продуктов" /буфет -- в 1-ом значении/, "для икон, образов" /божница, киот, образник, образница -- в 1-ом значении/. Как видно из приведенных примеров, в некоторых толкованиях не называется весь класс вмещаемых во вместилище предметов. В семе, с помощью которой определено значение существительного угольник, отражается не вмещаемый предмет, а место расположения, что соответствует семантике производящего слова: "предназначенный для помещения в углу".

Следующей по значимости после функциональной является конструктивная семема. В наиболее общем виде она нашла отражение в дефиниции ключевого слова шкаф: "в виде высокого стоячего ящика с дверцами". Конструктивная семема складывается из четырех признаков: 1/ ящик, 2/ с дверцами, 3/ стоячий, 4/ высокий. Как приспособление шкаф является простым по своему устройству, не отличается разнообразием деталей; поэтому семный состав конструктивной семемы весьма ограничен в количественном отношении. Другие детали конструкции шкафа отражены в семах: "с выдвижными ящиками" /комод/, "особого устройства" /буфет, сервант/. В семах "несгораемый" /сейф", "застеклен-

ный" /киот, горка/, "стеклянный" /образник, образница/ конструктивная семема выступает вместе с семемой "материал".

Семема "размер" представлена в семе "небольшой" /шифоньерка, шифоньер, горка/ в значении отсылочного слова шкафчик, встречающегося в толковании существительных киот, образница, образник. Семема "высота" отмечена в значении ключевого слова шкаф /"высокий ящик"/ и в значении названий комод /"род низкого шкафа"/, сервант "низкий буфет"/. Указание на форму /"треугольной формы"/ содержится в значении существительного угольник. Отличительным признаком вместилищ типа шкафа от вместилищ типа ящика, обозначаемых звукорядом сундук и под., служит вертикальное положение -- "в виде стоячего ящика".

Деталью шкафа является предмет, обозначаемый в русском языке звукорядом полка -- "горизонтальная доска в шкафу, буфете и т.п.". Этот звукоряд используется и для обозначения приспособления-вместилища -- "прикрепленной к стене горизонтальной доски для предметов домашнего обихода, книг и т.п." Форма множественного числа полки обозначает "несколько горизонтальных досок, прикрепленных к вертикальным стойкам". Аналогичные по конструкции приспособления -- вместилища обозначают существительные стеллаж, этажерка, горка. Функциональная семема, представленная в словарных дефинициях этих наименований, нашла отражение в формулировках: "для хранения предметов домашнего обихода, книг и т.п." /полка/, "для хранения или раскладки чего-либо" /стеллаж -- в 1-ом значении/, "для хранения чего-либо в стоячем положении" /стеллаж -- во 2-ом значении/, "для посуды, серебра, безделушек и т.п." /горка/. Для рассматриваемых названий характерна простота и однообразие семного состава, что связано с примитивным устройством вместилища, которое они обозначают. Основные детали вместилища: доски и стойки; доски расположены горизонтально одна над другой и прикреплены к стойкам. Эти детали зафиксированы в словарных толкованиях: "прикрепленная к стене горизонтальная доска" /полка/, "несколько горизонтальных досок, прикрепленных к вертикальным

стойкам /полки/, "в виде полок, расположенных одна над другой" /стеллаж/, "в виде нескольких, расположенных одна над другой полок на стойках" /этажерка/. Только в звукоряде этажерка отмечено значение "небольшой переносной стеллаж", употребляемое в специальной речи. В значении нашли отражение семы "вес" /небольшой, переносной/ и "способ использования" /переносной/.

Таким образом, рассматриваемые однолексемные наименования используются для обозначения двух типов вместилищ: вместилищ в виде высокого стоячего ящика с дверцами и вместилищ в виде прикрепленных к стене или к стойкам горизонтальных досок, что свидетельствует о наличии в языке двух лексико-семантических групп, связанных друг с другом. Их взаимосвязь отражается в переносном значении -- сем, в использовании в словарных дефинициях нескольких отсылочных слов: шкаф, полка или шкафчик. Особенно ярко взаимосвязь проявляется во 2-ом значении звукоряда горка: "небольшой застекленный шкаф или этажерка для посуды, серебра, безделушек и т.п." Связь разных типов вместилищ нашла отражение во 2-ом значении звукоряда витрина -- "застекленный или затянутый металлической сеткой ящик, шкаф, доска и т.п. с выставленными для обозрения предметами /в музее, на выставке, внутри магазина, на улице/".

Некоторые из анализируемых наименований тождественны по значению: киот, божница, образник и образница /в 1-ом значении/; шифоньерка и шифоньер -- в 1-ом значении, которое является устаревшим; горка /во 2-ом значении/ и этажерка /в устаревшем значении "горка"/. Большинство рассматриваемых существительных стилистически нейтрально: буфет, гардероб, горка, комод, сейф, сервант, шифоньерка, шифоньер /во 2-ом значении/, угольник, шкаф, стеллаж, этажерка, витрина, полка, полки. Обозначают предметы церковной утвари и ограничены в употреблении лексемы киот, божница, образник, образница. Звукоряд шкаф имеет устаревший и просторечный фонетико-орфографический вари-

ант шкап. Многие рассматриваемые названия вместилищ представляют собой заимствования из французского языка: буфет, гардероб, комод, сервант, шифоньер, витрина. В процессе усвоения русским языком присоединился своеобразовательный комплекс -ка к заимствованиям из французского языка, в результате чего появились существительные шифоньерка, этажерка. Из английского языка заимствовано слово сейф, из немецкого -- стеллаж, шкаф, из старославянского -- киот. Суффиксальным способом, при помощи словообразовательных комплексов -ница, -ник образованы существительные образница, божница, образник, угольник от основ существительных образ, бог, угол по вариантам словообразовательных моделей со значением "предмет-вместилище по отношению к вмещаемому предмету" /образница, божница, образник/ и "предмет -- вместилище по отношению к признаку, имеющему отношение к форме предмета и к месту расположения" /угольник/. Этимологически существительные образник, образница можно соотносить также с прилагательным образной, которое является устаревшим в современном русском языке. В древнерусском языке от существительного поль при помощи суффикса -ька образовано существительное полка⁴.

В анализируемых названиях представлены формы только двух родов -- мужского и женского. Преобладают формы мужского рода, что соответствует форме рода ключевого слова шкаф. К мужскому роду относится 11 названий с нулевым окончанием в им.п. ед.ч. и основой на твердые согласные б /гардероб/, д /комод/, ж /стеллаж/, т /буфет, сервант, киот/, р /шифоньер/, ф /сейф, шкаф/, к в составе суффикса -ник /образник, угольник/. В форме женского рода употребляется 7 слов с окончанием -а в им.п. ед.ч., которое следует за согласным к суффиксального происхождения /горка, полка, этажерка, шифоньерка/, за суффиксом -ниц- /божница, образница/, за согласным н в заимствовании витрина. О конкуренции рода свидетельствуют производные существительные образник, образница. В борьбе

двух родовых вариантов гардероба и гардероб победу одержала форма мужского рода, которая считается нормативной в современном русском языке, форма женского рода гардероба является устаревшей. Семантическая дифференциация нашла отражение в форме множественного числа полки: полка -- значение единичности: "горизонтальная доска", полки -- значение множества: "несколько горизонтальных досок, прикрепленных к вертикальным стойкам".

Среди рассматриваемых существительных преобладают полисемантические. Только вместилище типа шкафа обозначают лексемы комод, сервант, шифоньерка. Некоторые существительные представлены в словаре как моносемантические, хотя обозначают два предмета одинакового назначения -- вместилища разного типа: киот, образник, божница. В последнем звукоряде отмечено употребляемое в областной речи значение "часовня". В полисемантах с первичным значением "вместилище типа шкафа" второе значение может быть связано с вместилищем большего размера -- помещением, учреждением: буфет, сейф, образница, гардероб. Бисемантическое существительное шифоньер обозначает разные виды шкафов. 2 значения зафиксировано в слове шкаф. Значение "предмет мебели" сочетается в нем со значением "устройство в виде ящика со створками или дверцей, служащей для каких-либо целей /сушки, выпечки и т.п./". Оба значения имеют отношение к приспособлению в виде ящика с дверцами. Разные виды вместилищ обозначают также существительные стеллаж, полка, этажерка, угольник. Звукоряд витрина, кроме отмеченного значения, имеет первичное значение "Большое окно магазина с выставленными в нем образцами продаваемых товаров". Таким образом, для полисемантов типичным является сочетание значений разных видов вместилищ. В существительном горка значение вместилища является вторичным, оно дано после значения "уменьшительное к гора". Перенос наименования основан на внешнем сходстве.

Рассматриваемые наименования вместилищ различны по своей словообразовательной активности. Не зафиксированы в 17-томном словаре производные от заимствований сейф, сервант, от производных суффиксальных существительных божница, образник, образница, от слова горка. Активно образуются от названий вместилищ суффиксальные существительные с уменьшительным и уменьшительно-ласкательным значением. Уменьшительное значение отмечено у существительных буфетец, комодец, шкафчик, этажерочка, уменьшительно-ласкательное значение -- у слов гардеробец, комодик, полочка, шифоньерка, шкафик, угольничек. К основам существительных мужского рода присоединяются словообразовательные комплексы -ец /буфетец, гардеробец, комодец/, -ик /комодик, шкафик/, -ек /угольничек/, -чик /шкафчик/, к основам существительных женского рода присоединяется словообразовательный комплекс -ка /полочка, шифоньерочка, этажерочка/. Многие из указанных производных существительных ограничены в употреблении: помету "разговорное" имеют лексемы шифоньерочка, шкафик, угольничек, этажерочка, помету "просторечное" имеет лексема комодец. Лексемы, мотивированные словами шкаф, комод, отличаются друг от друга значением и употреблением: шкафик -- уменьшительно-ласкательное, разговорное, шкафчик -- уменьшительное, стилистически нейтральное; комодец -- уменьшительное, просторечное, комодик -- уменьшительно-ласкательное, стилистически нейтральное. Кроме отмеченных значений, лексемы шкафик, шкафчик имеют значение: "маленький шкаф". Личные суффиксальные существительные буфетчик, буфетчица, гардеробщик, гардеробщица соотносятся не с первым значением /"шкаф"/ слов буфет, гардероб, а со вторым значением: "ресторан" /буфет/, "помещение" /гардероб/.

Последовательно образуются от названий приспособлений -- вместилищ при помощи суффикса -н- относительные прилагательные со значением "относящийся к тому, что обозначено производным существительным": буфетный, гардеробный, комодный, ки-

отный, шкафной и шкафный, витринный, полочный, стеллажный. Эти прилагательные могут иметь значения: "предназначенный для того, что названо производящим словом" /шкафная дверца, шкафной замок, киотные створки, витринное стекло/, "имеющий форму того, что названо производящим существительным" /шкафной инкубатор, шкафная сушилка/. Прилагательные буфетная, гардеробная употребляются в значении существительных: "комната, в которой хранится посуда, готовятся закуски и т.п." /буфетная/, "комната для хранения платья" /гардеробная/.

Таким образом, от названий приспособлений-вместилищ образуются только существительные с уменьшительно-ласкательным значением и относительные прилагательные. Наибольшей словообразовательной активностью обладают существительные комод и шкаф, они имеют по три производных -- два существительных и одно прилагательное: комодец, комодик, комодный; шкафик, шкафчик, шкафной, шкафный. Одно существительное и одно прилагательное соотносится с анализируемым значением в лексемах полка /полочка, полочный/, буфет /буфетец, буфетный/, гардероб /гардеробец, гардеробный/. Последние две лексемы имеют производные второй ступени -- субстантивированные прилагательные буфетная, гардеробная. Только одно производное слово -- существительное -- имеют суффиксальные /с современной или исторической точки зрения/ наименования угольник, шифоньерочка, этажерочка. Только производные прилагательные зафиксированы от существительных витрина, киот, стеллаж: витринный, киотный, стеллажный. Названия приспособлений-вместилищ относятся к подвижному пласту лексики, который пополняется новыми лексемами. Так, в современной речи для обозначения комплекта шкафов используется звукоряд стенка, представляющий собой уменьшительное существительное к слову стена. Звукоряд бар -- наименование ресторана -- используется для обозначения одного из входящих в состав стенки шкафов, в котором хранятся спиртные напитки.

Итак, на основании различий в семах конструктивной семе-

мы, в которой отражается устройство предмета, среди рассматриваемых названий выделяются две лексико-семантические группы: названия вместилищ в виде стоячего ящика с дверцами и названия вместилищ в виде одной или нескольких досок, прикрепленных к стене или вертикальным стойкам. Большинство анализируемых существительных представляет собой полисеманты, обозначающие разные виды вместилищ. Пути пополнения лексико-семантических групп были различными: заимствование из других языков /больше всего заимствований из французского языка/, суффиксация. Среди лексем имеются формы только двух родов: мужского и женского. Описанные в работе наименования вместилищ различны по своей словообразовательной активности. От 6 названий не зафиксированы производные, от остальных образуются существительные с уменьшительно-ласкательным значением и относительные прилагательные.

Примечания

1. Перечисленные лексемы зафиксированы в семнадцатитомном "Словаре современного русского литературного языка" М.-Л., Изд. АН СССР/. В дальнейшем описании будут использованы представленные в этом словаре дефиниции и сведения о происхождении слов.
2. Д.Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка. М., ОГИЗ, т. 1.
3. По мнению Ю.Н. Караулова, шкаф представляет собой скорее часть мебели, чем ее вид. См.: Ю.Н. Караулов. Общая и русская идеография. М., Изд. "Наука", 1976, с. 222.
4. Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., Изд. "Просвещение", 1975, с. 351.

К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА I-ОГО ЖИТИЯ НАУМА

И.Х. Тот

I. Введение

Известно, что описанию жизни деятельности Наума, верного и самоотверженного ученика Константина-Кирилла и Мефодия, посвящено четыре жития. Из них два сохранилось в церковнославянском переводе, а два было написано на греческом языке.

Древнейшим из сохранившихся Житий Наума по своему происхождению является то житие, которое дошло до нас в единственном списке в рукописи XV в. Зографского монастыря на Афоне. Рукопись представляет собой текст Пролога. Сигнатура: Пролог № 47. Интересующий нас текст находится на л. 307об. и 308а. Он находится в той части рукописи, где следуют дополнительные статьи к Прологу¹. Среди них первое место занимает текст древнейшего Жития Наума. Житие Наума встречается после записи основного писца рукописи, Милошева, которую можно читать на л. 307об: *С ѿ ѿ, тетра съписа п п 'lw* Милошевъ *ѿ дѣвѣ ѿ сѣлѣ* Пѣскопѣ: *и при краи бра ѿ Никола*. Как показывает запись, в списывании Пролога принимал участие и брат Милошева, Никола, руке которого принадлежит последняя часть рукописи². Рукопись недатирована. И. Иванов, открывший в рукописи Житие Наума, относит ее к XV в.³ О Прологе № 47, где помещается текст Жития Наума, отличный знаток древней славянской письменности П.А. Лавров устанавливает, что рукопись представляет собой памятник сербской литературы, о ней исследователь отзывался следующим образом: "На долю сербской литературы не редко выпадает заслуга сохранить хотя и в сравнительно поздних списках древнейшие памятники начальной славянской письменности"⁴.

Заслуга открытия доселе неизвестного Жития Наума, как на это уже было указано, принадлежит знаменитому болгарскому историку Й. Иванову, который в конце 1906 г. обнаружил в Прологе № 47 Житие Наума. В 1907 г. он поделился о своем открытии с русскими славистами П.А. Лавровым и Г.А. Ильинским, посетившим

Зографский монастырь. П.А. Лавров, которому Й. Иванов не назвал точную сигнатуру рукописи Пролога № 47, также нашел его и в нем обнаружил Житие Наума. Таким образом, П.А. Лавров второй раз открыл I-ое Житие Наума. Й. Иванов издал I-ое Житие Наума /как и II-ое Житие Наума/ в своей книге "Български старини из Македония" в 1907 г. П.А. Лавров также издал I-ое Житие Наума вместе со II-ым Житием и службой Науму в "Известиях Отделения русского языка и словесности" И. Академии Наук в том же 1907 г. Большой заслугой обоих изданий является то, что они ввели в научный оборот неизвестные материалы, которые были снабжены детальными научными комментариями. Издание П.А. Лаврова отличается не только полнотой текстов, относящихся к культу Наума, но и тем, что он опубликовал и фотокопию I-ого Жития Наума. Конечно, I-ое Житие Наума с 1907 г. переиздавалось не раз, и оно является доступным для всех, кто интересуется этим важным памятником древнеболгарской литературы.

Й. Иванов и П.А. Лавров в основном определили место и дату возникновения I-ого Жития Наума. Й. Иванов предполагает, что составитель древнейшего Жития Наума жил в конце IX -- в первой половине X в.; составление Жития произошло после смерти Наума /910 г./ и Климента /916 г./. Так как в I-ом Житии Наума болгарский князь Симеон имеет титул "царя", не исключена возможность того, что интересующее нас житие было составлено позднее 924 г., когда болгарский князь был объявлен своими войсками императором. Однако, добавляет исследователь, не исключено и то, что титул царя был присвоен ему более поздними писцами⁵. П.А. Лавров, исходя из того, что неизвестный составитель Жития Наума, Климента и их современников называет "блаженными отцами", предполагает, что составитель Жития жил в первой половине X в.⁶

С такой датировкой возникновения I-ого Жития Наума, в основном, можно согласиться, и она была принята специалистами.

Несомненно, что составление I-ого Жития Наума произошло в Деволе, недалеко от Охридского озера⁷. Исследователями принято видеть в I-ом Житии Наума продукт так называемый "охридской

школы"⁸, отличавшейся составлением кратких житий от "седмочисленных".

Нашей задачей является проведение языкового анализа I-ого Жития Наума. Совершенно понятно, с нашей точки зрения, начать нашу работу с рассмотрения того, какую языковую характеристику дали в свое время специалисты относительно интересующего нас текста.

И. Иванов не распространяется на языковую характеристику I-ого Жития Наума. П.А. Лавров в списке Жития видит памятник сербской литературы, сохраняющий памятник "начальной славянской литературы"⁹. Говоря более определенно о языке I-ого Жития Наума, исследователь приходит к заключению, что в этом списке заметны признаки старины". Из этих "признаков", выделенных П.А. Лавровым, заслуживают внимания такие редкие слова, как съподроугъ, състрастниѣ¹⁰. Ученый любопытным считает и употребление формы топонима вѣнѣнома. Для выражения почита о господи, игоумены в значении 'наставник' /епископъ/ въ словенскѣи ѣзынѣ, правовѣрно он приводит соответствия из Паннонских легенд¹¹. Однако на более детальную характеристику языка I-ого Жития Наума П.А. Лавров не распространяется.

Обыкновенно было принято видеть в I-ом Житии Наума памятник сербской редакции церковнославянского языка. Так было оно охарактеризовано и М. Вейнгартном и Й. Курцом¹². В хрестоматии по древнеболгарской литературе подчеркивается, что Пролог с Житием Наума был списан сербским правописанием¹³.

Язык I-ого Жития — насколько это нам известно — был подвергнут детальному языковому анализу венгерским ученым П. Кираем. В своей статье "Житие Наума о венграх", вышедшей на венгерском языке, ученый более подробно рассматривает язык нашего текста. Сначала он останавливается на особенностях орфографии, выделяя 1/ употребление сравнительно хорошо сохранившихся еров; 2/ отсутствие "юсов" и мену их буквами оу, ѹ, ѵ; 3/ правильную /за одним исключением/ постановку буквы ѣ и 4/ греческий орфографический характер слова архѣгга².

Проведя языковой анализ, П. Кирай приходит к заключению о том, что "язык и орфографию памятника специалисты считают сербскими. Все же нам следует сказать, что такое заключение нельзя считать полной истиной, так как в памятнике наряду с сербскими особенностями проявляются и болгарские, и русские элементы"¹⁴. К этим болгарским и русским чертам П. Кирай причисляет следующие:

1/ гласные [e] на месте ѣ, и [u] на месте [ѡ], [e] вместо ѣ можно считать сербскими чертами, однако следует указать на то, что эти же черты характерны и для западно-болгарских диалектов;

2/ в употреблении двух еров вряд ли можно видеть сербскую черту, поскольку для сербских рукописей характерно широкое употребление буквы ѣ / = ѣ, ѣ /;

3/ русской чертой является вариант нынѣ /nuně/;

4/ древнеболгарскими-древнерусскими квалифицируются П. Кираем слова уныи, саны, присно¹⁵.

Исследователь выделяет и архаическую лексику текста: съ подроугъ, състрастникъ, вѣнѣтникомъ. В конце своего анализа П. Кирай устанавливает, что больше сказанного им вряд ли можно добавить к языку и орфографии памятника. Однако ученый-исследователь подчеркивает, что в будущем непременно нужно продолжать изучение языковых особенностей I-ого Жития Наума¹⁶.

Имея в виду высказывание П. Кирая о необходимости дальнейшего изучения I-ого Жития Наума, мы попытаемся более детально и систематически рассмотреть особенности графики, орфографии и языка этого ценного памятника.

Основным положением для нас является то, что в I-ом Житии Наума мы видим несомненный памятник древнеболгарской литературы, возникший в первой половине X в. и сохранившийся в списке XV в., который отделяется от времени возникновения почти полуторатысячным промежутком. Несомненно, что за тот значительный период, который отделяет предполагаемый древнеболгарский протограф

от списка XV в., первоначальный текст неоднократно подвергался переписыванию и значительным изменениям, вызванным хронологическими и географическими факторами. Эти факты способствовали тому, что в тексте I-ого Жития Наума проявлялись различного рода пласты, наслоения, приведшие к значительным изменениям в графике, орфографии и языке интересующего нас памятника, как об этом свидетельствует единственный сохранившийся список памятника. При анализе графики, орфографии и языка I-ого Жития Наума следует, по мере возможности, отделить и отстранить более поздние наслоения и таким образом прийти до "первоначального, гипотетического текста" I-ого Жития Наума, которому, несомненно, были присущи архаические черты.

Имея в виду то обстоятельство, что первоначальный текст I-ого Жития Наума, безусловно, возник /был составлен/ в первой половине X в., мы можем установить, что он является одним из древнейших оригинальных произведений древнеболгарской письменности, которое вобрало в себя важнейшие черты и особенности древнеболгарского языка первой половины X в., поэтому принципиально важным является вопрос, насколько можно -- оставляя вне внимания более поздние наслоения -- восстановить, по крайней мере, важнейшие черты первоначального текста этого чрезвычайно ценного образца древнеболгарской литературы.

Восстановив основные черты графики, орфографии и языка, мы получим такие данные, которые могут пролить свет на условия возникновения этого ценнейшего памятника древнеболгарской письменности.

П. Кирай, указывая на то, что I-ое Житие Наума сохранилось лишь в одном списке, устраняет возможность сличения текста с другими списками¹⁷. Однако это обстоятельство значительно облегчает работу исследователей, направленную на реконструкцию первоначального текста с его графикой, орфографией и языковыми особенностями.

III. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

А/ Наш анализ начнем с разбора графико-орфографических черт I-ого Жития Наума.

В тексте мы обнаружили употребление следующих букв: а, ѡ, в, г, д, е, ё /широкое/, ж, з, и, к, л, м, н, о, Ѡ /широкое/, п, р, с, т, оу, ѳ, х, ц, ч, ш, щ, э, ы, ѣ, ю, га, ге, ,д, ч, ш. В числовом значении употребляются: -ѿ, .ѿ, ѿ, -ѿ. Над буквами часто ставятся диакритические знаки. Они ставятся над буквами, обозначающими гласные. Иногда над одной буквой имеется два диакритических знака: ѡвынхъ 22, ѿхъ 2/3, оуғрома 2/8. Несомненно, что диакритические знаки в системе графики Юго-Восточного Жития Наума выполняют полисемантическую функцию. Особенно хорошо проявляется их функция, когда буквы з, ь пропущены писцом, но их отсутствие выражается постановкой специальных знаков: бунтел'ство 8, оубунтел'ства 11, пешн'скїи 215. Иногда диакритический знак напоминает в оригинале паерок: пеш'н^вскїи 2/6. Есть случаи, когда употребление диакритических знаков над буквами для обозначения гласных выражает йотацию: ѡзера 10, бретїи 17, поёмше 19, продахоу ѡ /= га/ 20, ѿхъ 2/2, ѿже 2/3, ѿхъ 2/8, ѿже 2/19 и пр. Такой способ обозначения йотации известен и в среднеболгарских рукописях. В этих случаях надстрочный знак ставится в виде маленькой вертикальной черточки или дуги.

18

Над буквами, обозначающими согласные, диакритические знаки ставятся редко: зѣмѣ 2/1. Из диакритических знаков следует указать и на двоеточие, которое обычно пишется над буквой: ѿвратіе 2, бѣговѣрніи бжїю 20 и пр.

Из примеров на сокращение следует указать и на употребление титла и на случаи выноса. Если выносятся буквы д, ж, то для обозначения сокращения обычно пишется над ними дуга: пб-
беще 2/22-23, блжнныи^х 2/22, сх 2/23, но сла^а 2/33, стр^с-
ти 2/2 и пр.

Текст был списан Иваном Милошевым в XV в. довольно точно. Однако, при более внимательном чтении текста выявляются некоторые ошибки писца: пропуск слога сътвори вместо сътвори[ше] 2/17, отсутствие согласования: въсьмь почитаюшомъ 16. В кон-

струкции царями нападши 27 П.А. Лавров видит ошибку писца и предлагает следующую поправку текста: црѣмъ нападши¹⁹. Однако возможно и то, что изгнанные из Моравии ученики Мефодия были хорошо приняты не только императором Василием Македонцем, вскоре скончавшимся /29 августа 886 г./, но и его преемником Леоном VI. Таким образом, употребление множественного числа оправдано контекстом.

Рассмотр ошибок писца убеждает нас в том, что писец точно списал текст оригинала. Изучение же его почерка по фотоснимкам указывает на то, что в лице писца I-ого Жития Наума можно видеть опытного, хорошо подготовленного и умелого книжника XV в.

Б. Из орфографических особенностей анализируемого нами памятника прежде всего следует рассмотреть употребление так называемых еров.

В тексте писцом употреблены буквы ѣ, ь: то есть для писца характерна двуеровая орфографическая школа. И все же детальное изучение употребления букв ѣ, ь свидетельствует о том, что преобладает употребление буквы ь, поскольку имеются случаи, когда буква ь пишется и вместо ѣ: останеть 1, брать, съподроугъ, състраістниъ 3, наоѹмъ 4 и пр. С другой стороны, имеются и написания с буквой ѣ вместо ь: моѹжъ 22. Особенности употребления еров требуют отдельного рассмотрения написания с буквой ѣ или ь.

Буква ѣ сохраняется на своем этимологически правильном месте в некоторых группах слов:

в односложных предложениях: съ 3, 38, въ 10, 11, 12, 23, 24, 26 /2х/ 27, 2/4, 2/21, 2/25, 2/34, съ 2/32, въ него 7, възнег-да 19;

в провербах: сътвори 9, възъирающе 2/28, съхранише 2/30-31;

в конце слов: сїмеонъ 7, архїггъ 10, наоѹмъ 14, поемъ 22, презвѹтера 15, вьнѣтокъ 19, швынхъ /2х/ 22, нхъ 2/2, архїепископъ 2/2, ереїтїнъ 2/3-4, нхъ 2/7, намъ 2/27, самъ 2/29, павелъ 2/27, вамъ 2/28, оѹлоѹчимъ 2/31, аминъ 2/34.

Наряду с постановкой буквы ѣ на этимологически правильном месте можно наблюдать и случаи постановки буквы ѣ на месте этимологически оправданного редуцированного гласного переднего ряда. Посмотрим следующие случаи: монастырь 12, въсьмь 16, моужь 22, мѣста 2/4, вѣсе 2/10, 2/11, вѣсоу /≠вѣсѣж/ 2/30. Возможно, что написание буквы ѣ вместо ѣ в корне вѣс- возникло под графическим влиянием предлога-префикса вѣ(н). Однако возможно и фонетическое объяснение этих написаний. Написания с ѣ в корне вѣс- встречаются и в древнеболгарских текстах -- в Киевских листках и Саввиной книге /116,118/. По мнению В.Н. Щепкина, написание с ѣ вместо ѣ объясняются тем, что редуцированный имел неслоговой характер и мог исчезнуть из живого языка писца²⁰. Постановка же буквы ѣ после ж восходит к древнеболгарскому оригиналу, ведь в древнеболгарских рукописях были часты написания с ѣ вместо ѣ: мѣжъ /Саввина книга/²¹.

Вместо буквы ѣ в этимологически правильном положении часто пишется буква ѣ в некоторых категориях:

в конце слов: брать 2, останеть 2а, веъъ 2, съподроуъъ 3, състрастникъ 3, наоуъъ 4, ѿ еретиъъ 4, презвитерь 5, ииъъъ 9, стѣхъ 10, исходъ 10, лѣтъ 12, 14, прѣеть 12, жидомъ 18, ѿвѣдѣвъ 21, беньѣтномъ 20-21, градь 23, прорекъъ 2/1, дѣль 2/2, правовѣрныхъ 2/2, бѣзынь 2/5, 2/22, нхъ 2/10, обрѣтохъ 2/12, азъ 2/12, нѣждахъ 2/13, обрѣщеть 2/25, зазрѣть 2/15, насъ 2/15, ѿбогынъ 2/15, гроуѣынъ 2/16, сѣтъ 2/16, оученникъ 2/20, ѿпсѣопъ 2/21, бѣвъ 2/20, 2/21, прѣиметь 2/21, аплѣ 2/27, гестъ 2/33, вѣномъ /дат.п. мн.ч./ 2/34;

в конце односложных слов: тѣжѣ 6, тѣ 8, нѣ 19, 20, нѣ 26, 2/17, вѣ 2/8, 2/21;

в префиксах: съподроуъъ 3, състрастникъ 3а, сътворили 2/16, 2/17;

внутри слов в заимствованиях: конѣстантина 21, конѣстанти-
нѣ 2/6.

Мы отметили постановку буквы ѣ вместо ѣ в 55 случаях

Буква ѣ сохраняется писцом в 38 случаях, она заменяет бук-

ву ь только в 7-и примерах. Таким образом, на 55 случаев написания буквы ъ /ь, ъ/ приходится 55 случаевмены буквы ъ буквой ь.

Следует указать на то, что буква ь сохраняется на письме в конце слов. В этих случаях сохранение буквы объясняется влиянием древних списков, в которых в этих случаях сохранялась буква ь: память 1, црѣвь 10, моушь 20, црѣ 20, 22, ѣць 2/3, власть 2/18, печаль 2/9, ѣць 2/10, 2, 23, милость 2/23, вѣгать 2/23, нашемь 2/32. В этих положениях вместо буквы ь не пишется ъ, потому что в этих примерах имелись благоприятные условия сохранения буквы ь, так как конечные согласные в этих случаях еще не потеряли свою мягкость, для выражения которой служила буква ь. Можно предположить, что некоторые случаи постановки буквы ь вместо ъ имели место и в первоначальном тексте I-ого Жития Наума.

С этимологической точки зрения такие написания, как съ- подроуѣ, състрастниѣ, сътвориѣ не являются закономерными, поскольку невозможно найти причины, вызывающие перегласовку редуцированного непереднего ряда в слабой позиции. Подобные примеры с "неправильной перегласовкой" известны из других памятников древнеболгарской письменности, напр.: сътвориѣ, ѣло в Супрасльской рукописи. "Неправильная перегласовка" обычно свидетельствует об утрате редуцированного²². Однако, не исключена возможность и того, что такие формы восходят к первоначальному тексту интересующего нас памятника.

Следует указать на то, что писец старается соблюдать правило написания "еры" в конце слов после согласных. Отклонения от этого правила почти ничтожны: съ нимѣ же 3-4, и'ѣ же 2/3, 2/6, 2/28, ниѣ же 2/4, тъѣ же 2/29, доноуѣ же се 2/19, аѣ же 2/9, по^А- бниѣ же 2/29. Как наши примеры показывают, пропуск букв ь, ъ падает на те конструкции, в которых слова, оканчивающиеся на ь, ъ, находились перед частицей же или перед местоимением се /> се/. В подобных случаях пропуск буквы известен и из памятников древнеболгарской письменности. Особенно частыми являют-

ся эти написания в памятниках XII в.²³, например, в Битольской Триоди.

В/ Следующий вопрос, который подлежит рассмотру, связан с употреблением юсов.

Характернейшей чертой графической системы I-ого Жития Наума является полное отсутствие юсов. Вместо них пишутся буквы, обозначающие чистые гласные: вместо а пишется оу, вместо я -- ю, вместо я, яа -- е /ѣ/.

оу вместо а: боудн 16, моунише 17, оу ри 2/5, 2/7, оугромь 2/18, конуиноу 12, продахоу 19, мьз^Аоу 2/24;

ю вместо я: свою 12, почитаюшомоу 16, землю 27, великою 28, уьстию 29, прѣрую 2/25;

е вместо я: память 1, памяти 2, пріеть 12, навела 2/11, творе 8, моунише 17, продаше 18, вѣдоше 24, ѡстроише 24, даше 25;

ѣ, е вместо яа: адоугыѣ 17, дѣлае 21, ѣ /=яа/ 24, продахоу ѣ /=яа/ 19-20, взынь 2/22, пріети 2/23, приѣмлен 2/21, 2/22 и пр.

Однако имеется совсем ничтожное число примеров отклонения от этой нормы, которые касаются отражения деназализации. Вместо а /=яа/ в нескольких случаях пишется буква ѣ: хотѣше /=хота-ше/ 2/10, хотѣ 2/14 /=хота/, оверѣщеть 2/15. Один раз мы отметили постановку буквы а вместо е /=яа/: вѣѣа 2/31, буквы а вместо яа: правіе вѣры вѣѣа дѣла /sic/ 2/31-32.

Вместо графемы оу в нескольких случаях пишется ѣ: набма 1, пѣисти 7, 8, ѡчител'ство 8, ѡвѣдѣвъ 21, ѡстроише 24, нѣжда-ахъ се 2/13, ѡбогыиныхъ 2/15-16, сѣтъ 2/16.

Наряду с буквой н часто встречается и буква і Важнейшие случаи постановки этой буквы следующие:

в конце слова перед буквами, обозначающими гласные:

перед е: вратіе 2, 2/3, 2/29, 2/9, сѣноуаніе 2/28, вѣіе 2, 28, вѣоуугодіе 9, правіе 2/31, медшаіе 2/1, изгнаніе 2/3,

житіє 2/10, 2/11, оставл^аніє 2/23;

перед а: Акевріа 1, 13, знаменіа 2/17, подвижаніа 8, житіа 2/28, безаконіа 2/2, подвижаніа 8, знаменіа 2/17, вѣіа 2/31, житіа 2/28.

перед и: влгохѣніи6, овѣи 26, пашн'скіи 2/6, еп'скопѣи 2/21, четврѣтѣи 2/21, вѣыіствѣи 2/27;

перед ю: строенію 20, вѣію 20, василію 23, ѹстію 28, житію 2/30;

внутри слов также часто пишется буква ї: Клімента 6 /Кли-мента 15/, в'ретици 17, презвітеры 18, діакони 18, прѣиде 20, архієпископѣ прѣше 27, 28, 2/3, 2/4, прѣиде 20, в'ретики 2/3-4, ѣлію 2/13, 2/17, еп'скопѣ 2/21, прѣети 2/23, прѣмилген 2/24, 2/25, прѣме^т 2/25, прѣиметь 2/26.

Среди этих примеров, восходящих к разным графико-орфографическим навыкам, бросаются в глаза написания с їи, которые объясняются стремлением писца не писать друг за другом две одинаковые буквы. Эта сравнительно консеквентно проведенная тенденция дополняется написанием буквы ї после букв, обозначающих согласные.

Подобно букве ї писцом часто употребляется и буква ш в некоторых положениях:

в начале слов: ѡца 1, ѡ 9, 2/3, 2/4, 2/11, 2/22, 2/24, ѡбразъ 13, ш'вы 17, швыишъ 22, швыи 27, ѡць 2/3, 2/10, 2/23, шны 2/2, пашн'скіи 2/5, шета 2/7, ѡци 2/13, 2/16, ш'кадныи 2/9;

внутри слов: медшадіе 1/1, грѣхшъ 2/24, прѣ^шна 2/21, прѣ^шоче 2/25, прѣ^шочю 2/25;

в конце слов: вѣ 2/6, 2/12, 2/16, со мирш^м 13, написаш^ш 17;

в отдельных словах: ш'ги 13, ш'нишъ 23, 2/33.

Особо следует рассмотреть употребление йотированных букв, прежде всего -- ѣ и гѣ.

Буква е в начале слов на месте этимологически оправданного сочетания [^{*}j+e] пишется обычно под диакритическим знаком, выражающим йотацию: ѣрети҃ъ 4, ѣзера 10, ѣретици 17, ѣресы 2/2, ѣреѣтинъ 2/3-4, ѣзыкъ 2/5, 2/22, ѣлнно 2/14, ѣп^ѣкопъ 2/21, ѣпскопѣ 2/21, ѣпскопъ 2/21, ѣмоу 2/33 и, возможно, пример ѣ /=ѣа/ 20. Отсутствует диакритический знак только один раз: да е вѣдомо 14.

Употребление ге мы отметили в следующих случаях:

в начале слова: гегда 6, геп^ѣкопа 6, гемоу 7, ге^ѣ 24, геще 2/14, гесть 2/32;

внутри слов наши данные можно разделить на две группы по употреблению букв е -- ге:

а/ после букв, обозначающих гласные, пишется только буква е: прѣть 12, поѣмше 19, строѣнѣю 20, поѣмъ 22, прѣше 28, 2/3, 2/4, архіепископъ 2/2, прѣти 2/23.

Подобным же образом, после букв, выражающих согласные, -- за исключением букв л, н -- на месте этимологических сочетаний [⁺l+j], [⁺n+j] -- постоянно пишется буква е: дѣквѣрѣа 1, 13, нашего 1, память 1, жѣ 2, 4, Останѣть 2, памяти 2, сего 2, владѣннаго 3, тѣжѣ 6, тажѣ 8, се 11, землѣю 27, великого 28, беззаконѣа 2/9 т пр.

После букв л, н пишется ге на месте этимологического сочетания [⁺n+j], [⁺l+j]: нѣго 7, вѣнѣгда 19, остав^лгѣнѣ 2/23, прѣмѣлѣн 2/24, 2/25. Исключение представлено единичным примером: чѣѣ дѣло /=чѣѣге дѣло/ 2/21;

б/ в конце слов после букв, обозначающих как гласные, так и согласные, выдержанно пишется буква е: братѣ 1, 2/9, ѣго-оугодіѣ 8, дѣлаѣ 21, своѣ 24, медѣаѣ 2/1, изгнанѣ 2/3, житѣ 2/10, множаѣ 2/16, смѣренѣ 2/18, творѣ 8, чѣ 2/28, оустроѣше 24, вѣсѣ 2/10, вѣ нѣ 2/26 и пр. Единственным отклонением от этой нормы является написание: ароу҃гыге 17.

На месте га [⁺j+a] пишется нейотированная графема: дѣквѣрѣа 1, 13, подвѣнѣа 8, знаменѣа 2/17, житѣа 2/28, вѣѣа 2/31, многаа 2/17, вѣгаа 2/32, вѣунаа 2/32. По всей вероятности, как

своеобразный "гиперизм" избежать постановки буквы га следует толковать написание аѣла /под диакритическим знаком/ вместо аѣла в конструкции правѣе вѣры ѡиѣла 2/32.

Буква га пишется в следующих случаях: гакоже 16, гако 2/16, нига 2/34. В последнем примере -- как мы видели раньше -- П. Кирай усматривает русизм.

III. ФОНЕТИКА

А/ Гласные

1. Отклонения в употреблении юсов

Мы видели, что в отношении отражения этимологических носовых гласных -- за небольшим исключением -- пишутся буквы оу /ѡ/, е /ѣ/, а/, которые, несомненно, восходят к промежуточному периоду истории I-ого Жития Наума. В его первоначальном тексте буквы ѡ, ѣ, а /=га/ писались этимологически правильно. Архаичность фонетики оригинального текста Жития Наума подтверждается и отсутствием среднеболгарской мены юсов.

Случаи постановки буквы ѣ вместо е /ѣ/ мы рассмотрим в разделе, посвященном судьбе гласного, обозначаемого графемой ѣ. Единичное написание с буквой а вместо ѣ, е на месте этимологически оправданной формы /вожиѣа/ требует особого объяснения. Этот пример встречается в конструкции правѣе вѣры ѡиѣла 2/31. Написание ѡиѣа следует толковать как ѡиѣа, т.е. буква а стоит на месте га, так как по орфографическим правилам писца I-ого Жития Наума после букв, обозначающих гласные, обычно ставится буква а вместо га. Все это дает право реконструировать для протографа памятника написание *ѡиѣа вместо древнеболгарского ѡиѣа. Подобные написания встречаются и в других рукописях болгарского происхождения, напр.: любве ѡиѣа де имате, от вѣлѡмскыѣа вси во Врачанском евангелии²⁴. Такие написания указывают на диалектный вариант произношения гласного [ѣ]. В некоторых говорах [ѣ] переходит в [а] или [ѡ]²⁵. По мнению С. Младенова, изменение ѣ [ѡ] встречается

не только в восточноболгарских, но и в западноболгарских говорах. После ⁺j это изменение значительно было распространено в западноболгарских говорах²⁶.

Следует оговорить еще несколько случаев постановки буквы ѣ вместо а. В тексте I-ого Жития Наума на данное явление нами были отмечены следующие примеры:

в корне: оѣѣщеть 2/15;

в суффиксах: хотѣ 2/14, хотѣше 2/10.

На первый взгляд, эти примеры можно было бы объяснить тем, что в них на месте а писалась буква ѣ и только после совпадения артикуляции гласных, обозначаемых буквами ѣ и ѣ, возникли эти написания. Однако, проявление написаний с ѣ вместо а можно толковать и по-другому. Известно, что в некоторых древнеболгарских рукописях вместо а в корнях и суффиксах пишется буква ѣ: грѣди, сѣѣзавше, сѣѣщымъ, сѣѣте в Маринском ев.²⁷ Эти написания свидетельствуют о спорадически фонетической близости ѣ и а в древнеболгарских текстах и получают широкое распространение в среднеболгарских рукописях²⁸. Так например в Добромировом ев. корень град- постоянно пишется как грѣд-: грѣди. В этой рукописи буква ѣ часто пишется на месте а²⁹. Возможно, написания с ѣ на месте а восходят к первоначальному тексту нашего памятника.

Небольшое число написаний ѣ, а /=ѣа/ вместо а, ѣа и консеквентное отражение букв ѣ, ѣа, а в виде оу /ѣ/, ѣо, ѣѣ, ѣ дает право предположить, что в первоначальном тексте первой половины X в., несомненно, имелись написания с ѣ, ѣа, а /=ѣа/ на месте этимологически оправданных носовых гласных. Мена ѣ, ѣа, а /=ѣа/ буквами оу /ѣ/, ѣ, ѣ, а /=ѣа/ -- явление более поздней исторической поры интересующего нас текста. Отсутствие следов среднеболгарской мены юсов позволяет предположить, что I-ое Житие Наума восходит к архаическому древнеболгарскому протографу, не знавшему мены юсов. С такого оригинала был позднее списан текст, и при более позднем списывании в него были внесены буквы оу, ѣ, ѣ.

2. Редуцированные гласные

Для хронологии и локализации I-ого Жития Наума особенно важное значение имеет изучение судьбы редуцированных гласных. Проведя анализ употребления букв ѣ, ѧ, мы будем располагать некоторыми данными относительно их судьбы.

Редуцированные в корнях мы рассмотрим в следующем порядке:

- 1/ Редуцированные вне сочетаний с плавными.
- 2/ Редуцированные в сочетании с плавными и слогообразующие плавные.

1/ Редуцированные в корнях вне сочетаний с плавными представлены небольшим числом примеров. На месте редуцированного гласного переднего ряда в сильной позиции пишется буква ѣ: пришь^Аше 28, шь^А 11, ѹстьѹ 28, мѣсть 2/4, мѣзѹ 2/26 /если ударение было на первом слоге/. Отклонение от этого правила представляют написания с буквой ѧ в корне -ѣм- после *j: поѣмъше [+роѣмъше] 19, поѣмъ [роѣмъ] 22. Буква ѣ в этом корне пишется в Марииинском ев.: вѣмъша, в Синайском требнике: приѣмъ, в Супрасльской рукописи: приѣмъ, приѣмъша, поѣмъ, ѣмъше. В этих случаях ѧ [*jъ] является новообразованием, возникшим под влиянием корня вѣзъ-ѣмъ, вѣзъ-ѣмъше³⁰.

На месте редуцированного переднего ряда в слабой позиции пропускается буква ѣ: ѡзѣрити 2/15, помнитѣ 2/27. С ѣ постоянно встречается этот корень в Саввиной книге. Вместо ѣ пишется буква ѧ на месте редуцированного гласного переднего ряда в слабой позиции в корне вѣс-: вѣсѣмъ 16, вѣсе 2/10, 2/11, вѣсоу 2/30. В данном корне не было условий для перегласовки редуцированного, таким образом, в написаниях с ѧ вместо ѣ мы видим лишь графическое явление, и эти написания объясняются исчезновением редуцированного в корне вѣс-³¹.

На месте редуцированного непереднего ряда в слабой позиции пропускается буква ѣ: ѡзѣнѣ 2/3, ниѣтоже 25, ѡто 2/15, ѡногѣи 4, ѡного 17, ѡнозѣхъ 2/5, ѡногоу 2/9, ѡножае 2/16, ѡногаа 2/17, ѡногѣи 2/31, ваими 27. Совершенно очевидно, что в корне ѡног- отсутствие буквы ѣ обозначается диакритическим

знаком, однако постановка его является явлением лишь графического порядка. Корни ьѡд-, иѡт-, иѡног- принадлежат к тем корням, в которых утрата редуцированных произошла очень рано: нет буквы ѡ в корне иѡног- в Зографском ев., Синайской псалтыри, Синайском требнике, Саввиной книге, Македонском глаголическом листке, в Листке Ундольского³². Нет буквы ѡ в корне иѡт- уже в Зографском ев., Саввиной книге, Македонском глаголическом листке, в Листке Ундольского³³.

Нам кажется вероятным, что в этих случаях пропускалась буква ѡ уже в древнеболгарском оригинале I-ого Жития Наума.

В иностранных словах колеблется употребление букв ѡ, ѡ на месте "неорганических" редуцированных: Константинъ 26, Константина 21, вѣнькомъ 19, вѣнькомъ 20-21, но Константинъ 23, марко 2/20.

2. В сочетании с плавными, как правило, постоянно пишется буква ѡ: врьньѡвскѣи 13, вьлгарскоу 27, вьлгары 2/7, альѡѡ 2/12, четвьртѣи 2/21. Любопытно, что в этих сочетаниях консеквентно употребляется буква ѡ и нет случаев с написанием ѡ.

Написания с ѡ /=ѡ/ или без буквы ѡ /=ѡ/ в суффиксах: в суффиксе -ѡд- там, где редуцированный гласный переднего ряда был в сильной позиции, пишется буква ѡ: праведника 2/25, праведниѡго 2/26, праведниѡе 2/26. Однако в суффиксе *-ѡк- на месте редуцированного в сильной позиции сохраняется буква ѡ: врьньѡвскѣи 13.

Заслуживает внимания тот факт, что в Саввиной книге в суффиксе -ѡд- сохраняется буква ѡ на месте редуцированного в сильной позиции: правѡдникъ, правѡдникѡу, правѡдникѡу. В Мариинском евангелии отражена вокализация гласного в сильной позиции: правѡдникъ, правѡдникаго и пр.

Вокализация ѡ особенно часто встречается в восточных говорах древнеболгарского языка³⁴. В этом отношении фонетика I-ого Жития Наума напоминает восточные говоры древнеболгарского языка.

Редуцированные в слабой позиции были отмечены нами в следующих суффиксах:

-ьр: в этом суффиксе отсутствует написание буквы ь: п^арповна-го 1, /2х/, влаженнаго 3, състратникъ 3а, блговѣрніи 6, правовѣрникъ 2/3, влаженнаго 2/9, 2/20, шканнѣи 2/9, влаженныи 2/13, написано 2/11, 2/14, ш^а блженны^х 2/22, 2/29, праведниче 2/26, праведника 2/25, праведниче 2/26, вѣруа 2/32.

В слове присно редуцированный отпал еще в общеславянскую эпоху³⁵. Обращает на себя внимание вариант суффикса **-ън:** ѡбъльствѣни 2/27.

-ьск: Обычно пропускается ь на месте редуцированного гласного в слабой позиции: вьлгарскоу 27, моравскаа 2/1, пашн'скіи 2/5, девол'ісци 2/21, словенскіи 2/22.

В двух случаях надстрочный знак указывает на пропуск буквы ь. В этом суффиксе написание с ь было отмечено нами только один раз: урь'ныч'скіи 13. Возможно, здесь в сочетании с **-ъск-** произношение редуцированного задержалось вследствие трудности произношения трех согласных.

-ьств-: Буква ь пишется на месте редуцированного в слабой позиции: ѡ дѣтства 9, дѣство 8а, 2/30. Пропуск буквы отмечается диакритическим знаком: ѡчител'ство 8, оучител'ства 11, оучител'ствѣ 11. На месте редуцированного переднего ряда в сильной позиции пишется буква ь: ѡбъльствѣни 2/27.

-ък: до конуны 9, конуноу 12, сконуаніе 2/28;

-ъш-: повѣшше 19.

Редуцированные в приставках находились в Житии Наума в слабой позиции:

вѣз: вѣзаконіа 2/2,

взнѣгда 19, взырающе 2/28, изгнаніе 2/3, искоупи 22.

В приставке **съ** пишется буква з/ь/ в следующих случаях: състрастникъ 3, съподроуѣ 3, сътвори 9, сътворили 2/16, сътвори /такі/ 2/17, съхраинше 2/30-31. Отсутствуют з и ь в следующих случаях: сказа 23, сказаше 2/13, 2/17, съвреніе 2/18, сконуаніе 2/28.

Предлоги и односложные слова, как правило, пишутся с буквой з или ь: въ 7, 11, 12, 24, 26 /2х/, 27, 2/14, 2/7, 2/21, 2/25, 2/34, въ 2/8, 2/21, къ 19, съ 3, 28, 2/32, нь 26, 2/17, тѣждѣ 6, тѣ 8.

На месте редуцированного в слабой позиции /з/ один раз мы отметили букву о: со ирш¹³. Написание с о на месте слабого редуцированного непереднего ряда требует специального объяснения. Это -- единственный пример в нашем тексте, когда на месте редуцированного непереднего ряда пишется буква о, причем в слабой позиции. Написание с о вместо з, по всей вероятности, было вызвано в данном случае церковным произношением³⁶. Постановка буквы о вместо з в односложных словах отмечается В.М. Щепкиным и для Саввиной книги: то < тз, но < нз, однако, по мнению ученого, "фонетический переход" з > о не доказывает перехода всякого з в говоре Саввиной книги³⁷. Н. Ван-Вейк объясняет эти случаи "своеобразным подъемом" интенсивности ударных редуцированных в односложных словах³⁸. В Синайской евлогии вместо з пишется о в предлоге сз там, где редуцированный был в сильной позиции: со многа и пр. Подобное явление встречается в предлоге вз в Ассеманиевом евангелии: во мнѣ³⁹. Однако эти примеры не являются тождественными написанию со в интересующем нас памятнике. Все же не исключена возможность того, что фонетически оправданный вариант со /со многа/ мог повлиять и на написание сз с буквой о. Во всяком случае, написание со из древнеболгарского протографа попало в более поздний список I-ого Жития Наума.

В окончаниях -- в конце слов -- обычно пишутся буквы з, ь /вратъ 1, мѣлѣвъ 9, исхоть 10, наоумъ 14 и пр./. Исключение из этого правила были рассмотрены нами.

В середине слова ь пропускается только один раз: дѣлама 2/2.

Подводя итоги нашим наблюдениям о судьбе редуцированных в языке I-ого Жития Наума, мы пришли к следующим выводам:

1. Редуцированный гласный непереднего ряда в сильной позиции не представлен нашими данными.

2. Редуцированный гласный переднего ряда в сильной позиции в корнях не переходит в гласный [е], а сохраняется без изменений, о чем свидетельствуют написания с ь там, где гласный ь был в сильной позиции. Однако в корне *ь- на месте

редуцированного в сильной позиции пишется буква е. Подобное явление известно из Супрасльской рукописи, представлявшей собой северо-восточный диалект. В остальных же случаях написание с ь на месте сильного редуцированного соответствует положению редуцированного в Саввиной книге, где сохранение ь без изменения является местной особенностью⁴⁰.

В суффиксах буква ь пишется там, где редуцированный был в сильной позиции за исключением суффикса -ьд-, в котором вместо ь в этой позиции пишется е. Мы видим, что написание с е в суффиксах при сохранении ь/ъ/ в корне проявляется скорее всего в восточноболгарских памятниках, представителем которых является Саввина книга. Аналогично этому написанию в нашем тексте имеется единственное написание со<сѣ, имеющее соответствия с то, но, се в Саввиной книге.

Как наши данные показывают, судьба редуцированных в сильной позиции напоминает такие восточноболгарские памятники, как Саввина книга и Супрасльская рукопись. Все это позволяет предположить, что говор первого писца или составителя I-ого Жития Наума был близок к говору восточноболгарских рукописей.

3. Отсутствие букв ѣ, ь там, где редуцированные были в слабой позиции в корнях, суффиксах, префиксах и окончаниях, указывает на то, что в языке первоначального писца или составителя I-ого Жития Наума начался процесс утраты редуцированных гласных.

3. Напряженные редуцированные ѣ, ѥ

Напряженные редуцированные обозначаются буквами ї, ѥ. Напряженный редуцированный ѣ в сильной позиции мы отметили в следующих случаях:

в им.п. ед.ч.: ѣлговѣрїи 6, стѣи 2/1, пѣшнїскїи 2/5, шїадннїи 2/9, ѣтвѣрїи 2/21, словѣнскїи /такї/ 2/22, ѣмїствнїи 2/27.

ѥ в слабой позиции встречается в падежных формах существительных на -нїе, -нїа: вратїе 2, 2/9, 2/29, вѣооугодїе 8, изгнанїе 2/3, житїе 2/11, смѣренїе 2/18, оставѣненїе 2/23, скончанїе 2/28, строенїю 20, житїю 2/30, денѣрїа 1, 13, подвижанїа 8,

мологического сочетания *j+n: они* 22, 23, съ ними 2/32.

После графем, обозначающих полумягкие согласные, как правило, пишется буква и: пѣсти 7, подвижаніа 8, прости 11, климента 15, мира 13, ш ѣи 13, 2/33, боудн 16, написахъ^а 16, коньстантина 21, василію 23, никто же 25, коньстантиъ 26, цреми 27, навадми 27, великою 28, пришь^ашь 28, за стрѣи 2/13, пооусти 2/19, зазрѣи 2/15, оугри 2/5, 2/6, попленише 2/6 /2х/, опоустише 2/6, ради 2/10, сами 2/3, писати 2/13-14, написано 2/14, 2/15, оверѣи 2/14, инѣи 2/15, домоуднх 2/19, сътвориш 2/16, сътвори /так!/ 2/17, оученикъ 2/20, молитвы 2/23, милость 2/23, праведниче 2/26, помниш 2/27 по^авмисе 2/29, снхъ 23, съхранише 2/30-31, напасти 2/31, присно 2/34, ѣиниъ 2/34. В корне -на-, -ни- пишется буква и: принде 20. В начале слова или в слове и также сохраняется: игоумены 2/27, и 'et' 12, ихъ 2/2, иже 2/19, 2/20, въ ние 2/26.

Вместо графемы и очень часто ставится писцом буква ѣ: бретѣи 17, прѣндъ 20, василію 23, константинъ 23, презвѣтеры 24, діаноны 25, овѣи 26, прѣше 28, архіепископъ 2/2, ѿ бретинъ 2/4, прѣндше 2/5, овѣи 26, житіе 2/11, прѣти 2/23, прѣмлен 2/24, 2/25, прѣиметь 2/26, ѣжествни 2/21, житіа 2/28.

Как наши примеры показывают, буква и пишется на месте этимологических гласных [i] и [ъ].

Употребление буквы ѣ мы отметили в двух группах:

1/ Буква ѣ пишется этимологически правильно для передачи гласного [y]: прѣвѣваше 9, прѣвѣи 11, овы[моувише] 17, ты же... поѣише 18, паны 24, въ чины 24, въ... санъ 24, презвѣтерны и діаноны [оустроише] 24-25, оуроки даше 25, бѣзны 2/5, 2/22, въ вѣлгары 2/7, вѣвь 2/20, 2/21, вѣ^с 2/22, дѣволы 2/22, молитвы 2/23, паны 2/26 помниш игоумены 2/27, мы 2/29, 2/32, въ вѣны 2/24.

2/ На месте напряженного редуцированного переднего ряда также пишется буква ѣ: многыи вѣды /так!/ 4, дроугыи 17, швыиъ 22 /2х/, сѣи 2/1, правовѣрныхъ

2/3, шнааннѣи 2/9, хъвогыи хъ 2/15, гроувыи хъ 2/16, ѿ влаженнѣи^х 2/9-10, 2/29, 2/22, многыи вѣды /так!/ 2/31.

Наряду с этими написаниями встречаются и примеры на взаимную замену букв ы; и, ї.

Вместо буквы ы пишется ї в следующих случаях: влговѣрѣи 6, урьнууьскѣи 13, пѣшн'скѣи 2/5, четвѣрѣи 2/21, словенскѣи 2/22, вѣвьствѣи 2/27 правѣе вѣры дѣла 2/31. В данных примерах буквой ї передается напряженный редуцированный непереднего ряда.

Буква и пишется вместо ы в следующих случаях: монастырь 10, монастырѣ 12, ми сами 2/3, продаше презвитеры и діакони 18. Последний пример объясняется и морфологическим путем: смешением форм им.-вин.п. мн.ч. м.р. Противоположное явление, т.е. постановка буквы ы вместо и чаще встречается в изучаемом нами тексте: сѣтворѣи сѣ монастырь 10-11, швыи въ вѣлгарскоу землю пришь^аше 27, бресы 2/2, шны вѣроваше 2/4, вѣлаженнѣи оѣи 2/13, вѣ^алы въсе житѣе 2/11, сѣхъ 2/23, /но сѣхъ 2/30/, вѣзырающе 2/28. Некоторые из этих примеров с употреблением буквы в форме им.п. мн.ч. м.р. /овыи 27, шны, вѣлаженнѣи/ могут быть объяснены морфологически: неразличением форм им.-вин.п. мн.ч. м.р.

Изменение гласного [y] в [i], по всей вероятности, в болгарском языке началось в XI в.⁴¹ Этот процесс постепенно завершился к XIII в. В рукописях, написанных во второй половине XIII в., уже не различаются буквы ы и и⁴². Употребление буквы ы встречается и в рукописях XIV в., однако, ее более или менее правильная постановка зависела от образованности писца⁴³. Несомненно, что употребление буквы ы в рассматриваемой нами рукописи восходит к древнеболгарским традициям. Для оригинала I-ого Жития Наума можно определить фонологические противопоставления гласных [y] -- [i]. Тот факт, что после букв ж, ш, ц не пишется буква ы, свидетельствует о том, что в оригинале нашего памятника гласный [i] не имел твердого варианта после отвердения исконно мягких согласных⁴⁴.

Конечно, не исключена возможность и того, что некоторые случаи взаимной мены могут восходить к сербскому посредничеству.

Следует еще особо сказать о написании възырающе 2/28 с буквой ы после з глагольной приставки. Подобные примеры встречаются в среднеболгарских рукописях: възыскати, възыгра и пр., и исследователями считаются своеобразной болгарской чертой этих рукописей⁴⁵. Таким образом, в написании възырающе мы видим характерную среднеболгарскую черту, попавшую во время многократного списывания оригинального текста I-ого Жития Наума.

Гласный, обозначаемый графемой ѣ

Изучая судьбу гласного, обозначаемого буквой ѣ, мы должны рассмотреть случаи правильного и неправильного написаний этой буквы и случаи мены ее другими буквами.

Буква ѣ этимологически правильно пишется в отдельных морфемах:

1/ в корнях: вѣды 4, 2/31, вѣговѣрѣни 6, мѣсто 7, дѣтьства 9, вѣлаго 10, лѣ^ѣ 11, лѣть 12, 14, вѣдомо 14, 16, вѣстѣ 16, цѣнь 18, дѣло 21, дѣлае 21, оувѣдѣвъ 21, вѣше 25, вѣ 2/1, дѣла 2/2, дѣль 2/2, правовѣрныиѣ 2/3, вѣроваше 2/4, лѣтъ^ѣ 2/5, поплѣннише 2/6 /2х/, вѣжааше 2/7, оувѣсти 2/10, 2/15, вѣлы 2/11, оувѣтохъ 2/12, вѣдѣ 2/12, вѣ^ѣ 2/16, смѣреніе 2/18, дѣволы 2/22, надѣгаховѣ 2/22, гѣхъше 2/24, вѣрого 2/29, вѣры 2/32, дѣла^ѣ 2/32, вѣукаа 2/32, вѣны 2/34 вѣномъ 2/34;

2/ в суффиксах: нѣвъ 9, бѣдѣвъ 21, оувѣ 26;

3/ в флексиях: оувѣтел'ствѣ 11, цѣнь 18, градѣ 26, константиѣ 26, вѣ скорѣ 2/4, мнозѣ^ѣ 2/5, лѣтъ^ѣ 2/5, дѣтъ 2/12, вѣдѣ 2/12, девол'сѣи 2/21, надѣгаховѣ 2/22, ш ѣ 2/32, [ш]ѣ 2/33; нѣи 2/15, теиѣ 2/29;

4/ в приставках: прѣвы 11, прѣжѣ^ѣ 14, 17, 25.

Наряду с примерами на этимологически правильное употребление буквы ѣ в корнях, суффиксах, флексиях и приставках встречается несколько случаев неправильной постановки буквы ѣ.

Вместо ѣ пишется буква ѧ в следующих примерах: в корне ѧвол'сѣи .ѧпскопѣи 2/2, ѧволы 2/22, (ѧвол'ское II-ое Житие Наума,) в суффиксе: словенскѣи 2/22.

Больше примеров встречается в нашем тексте на постановку буквы ѣ вместо ѧ в следующих морфемах: в корнях: ѧдоше 19, ѧѧ 23; в основе: ѧврѣще 2/15; в суффиксах: ѧтъ 2/14, ѧтъше 2/10 /но по ѧѧше 2/28-29/; в окончании ѧиѧ 20. Из этих форм следует выделить случаи с ѣ там, где в древнеболгарских памятниках писалась ѧ /ѧврѣще 2/15, ѧтъ 2/14, ѧтъше 2/10/. Чередование ѧ -- ѣ встречается и в Эннинском апостоле: ѧрѧѧѧго. Оно является характерной чертой более поздних болгарских памятников⁴⁶. Таким образом, получается, что вместо ѣ пишется ѧ /2 случая/ и вместо ѧ пишется ѣ. Взаимная мена графем ѣ и ѧ свидетельствует о сближении произношения гласных, обозначаемых буквами ѣ и ѧ. Позднее, гласный, обозначаемый буквой ѣ, потеряв свою артикуляцию, совпал с гласным [e].

Такого совпадения в первоначальном тексте I-ого Жития Наума не было. В нем правильно писались графемы ѣ и ѧ. Совпадение гласных, обозначаемых этими буквами, происходит в среднеболгарский период. Начало этого процесса относится к XIII в.⁴⁷ Тенденция изменения ѣ > ѧ характерна для западноболгарских говоров, и некоторыми учеными объясняется влиянием сербохорватского языка⁴⁸. По мнению Лаврова, для западноболгарских говоров характерно произношение ѣ как [e]⁴⁹. Таким образом, можно установить, что взаимная мена букв ѣ и ѧ свидетельствует об изменении гласного, обозначаемого буквой ѣ в ѧ в речи более позднего писца I-ого Жития Наума. Этой черты, возможно, не было в первоначальном тексте интересующего нас памятника.

Один раз можно отметить употребление буквы ѧ вместо ѣ: ѧѧѧ 2/34. Оно считается П. Кираем русизмом.

Б. Согласные

1. Мягкость согласных

На месте общеславянских сочетаний *tj, *dj, как правило, консеквентно пишутся ш, жа: почитающому 16, хотѣше 2/10, вѣше 2/14, ѣше 2/14, аше 2/14, оверѣше 2/15, по^Авѣше 2/29, тѣже 6, тѣже 8, прѣж^Ае 17, 25, нѣжаахъ 2/13. В этих случаях, по всей вероятности, ш, жа произносились уже твердо.

Что касается мягкости согласных [ѣ], [ѣ], [ѣ], [ѣ] то о ней можно судить на основе написаний у, ж, ш, ц+ѣ. Очевидно, написания у, ж, ш, ц+а, оу вместо ѣ, ю свидетельствуют об отвердении у, ж, ш, ц. К этим критериям присоединяются и написания у, ж, ш, ц+ѣ вместо и, передающие переход [i] > [y] после отвердевших мягких согласных⁵⁰.

Сохраняются написания ж+ѣ, ж+и, ж+ѣ в следующих случаях: моужь 20, бжыльствѣи 2/27, пожн 12, жидомъ 12, жидомъ 18, жидове 19, житѣе 2/11, житѣа 2/28 житѣю 2/30, вѣе 2/27 вѣѣа 2/31. Исключение представлено лишь одним примером: моужь 22.

После буквы ш пишется ѣ: шѣ^А 11, пришь^Аше 28.

Обычно графема у сочетается с ѣ, и: уѣстѣю 28, ѣунтел'ство 8, до конуны 9, оуунтел'ствѣ 11, оуунтел'ства 12, поун 14, моувише 17, чины 23, оулоуимъ 2/32.

О мягкости аффрикаты свидетельствует постанова буквы ю после у: пр^шрую 2/26, правданн^шую 2/26.

После графемы ц пишутся ѣ и и: ѣцъ 2/3, ѣцъ 2/10, ѣцъ 2/23, оѣи 2/13, ѣци 2/16. Однако после буквы ц ставятся и буквы оу, а: оѣа 1, м^ѣча 1, 13, оѣоу 2/33

После буквы с, обозначаемой мягкой согласной /с' ch/ вместо буквы ю пишется оу: вѣсоу 2/30. Это написание имеет свои соответствия уже в древнейших рукописях: в Клоцовом сборнике: вѣсѣ /но вѣсѣнъ/, оно не раз встречается в Саввиной книге: вѣс^А⁵¹. Язык I-ого Жития Наума имеет соответствия с Саввиной книгой из кирилловских памятников. Написание вѣсоу может передавать отвердевший свистящий согласный [с'].

Более сложно обстоит дело с объяснением написаний у, ж, ш, ц+ѣ и с постановкой букв а, оу вместо ѣ, ю /за исключением на-

писаний у+ю/. В нашем тексте постановка буквы ь вместо и после букв у, ж, ш, ц не встречается. Написания у, ж, ш, ц+а, оу как бы противоречат сохранившимся - за одним исключением - написаниям у, ж, ш, у+ь и у, ж, ш, ц+и, которые свидетельствуют о мягкости согласных [č'], [ž'], [š'], [c']. Известно, что написания у, ж, ш, ц+а могут передавать два произношения: [č'], [ž'], [š'], [c'] + [ä], [ü] или [č'], [ž'], [š'], [c'] + [a], [u]. Наши данные подтверждают предположение о том, что в говоре первоначального писца после [č'], [ž'], [š'] гласные [a] и [u] не видоизменялись в направлении к [ä], [ü]. Таким образом, можно предположить, что согласные [c], [z], [s], [c'] в первоначальном тексте I-ого Жития Наума еще были мягкими. Об их начинающейся депалатализации свидетельствует написание моуѣ 22, не восходящее к первоначальному тексту нашего памятника. Написания подвиѣ 8, длъѣ 2/12 не дают нам основания определить мягкость или твердость согласного. Один раз встречается употребление буквы а: мноѣ* 2/5. Саввина книга, Супрасльская рукопись не знали употребления этой буквы⁵². В современном болгарском языке эта аффриката представлена западноболгарскими говорами, близкими к сербским наречиям⁵³. Она встречается в македонских говорах. Сохранение мягкости [c'], [z'], [s'] встречается в современных восточноболгарских диалектах⁵⁴.

Особо следует рассмотреть характер плавных согласных [r'], [l'].

Существительное цѣрь пишется с буквы ь: цѣрь 7. Относительное прилагательное в им.п. ед.ч. тоже оканчивается на ь: цѣрь /моуѣ/ 20, 22, в среднем роде, однако, -- на а: цѣра дѣло 21. Дат.п. ед.ч. существительного цѣсарь оканчивается на ю: цѣрю 23. Анализ этих написаний позволяет предположить, что на месте первично смягченного согласного [r'] < [*r+j] сохранилось мягкое произношение в конце слова, которое, несомненно, восходит к оригиналу I-ого Жития Наума. Не исключена возможность того, что в производных от существительного оучител'ь, [бунител'ство 8, оучител'ства 11, 12] диакритический знак указывает не только на пропуск буквы ь, а скорее всего передает мягкость согласного, возникающую из сочетания [*l+j]. Наши примеры позволяют предположить сохранение

первично смягченных [x'], [l'] в конце слов у некоторых существительных и производных от них слов. Мягкость согласных [x'], [l'] в конце слова перед исчезнувшим ь сохраняется современными юговосточными болгарскими говорами⁵⁵.

2. Вставочный л

Вставочный л после губных согласных консеквентно сохраняется в нашем тексте: землѣ 28, 2/6, землѣ 2/1, землѣ 2/7, оставление 2/23, примѣнен 2/24, 2/25.

Сохранение вставочного л является архаической чертой нашего памятника. Вставочный л имелся, несомненно, и в первоначальном тексте. Возможно, сербское влияние способствовало сохранению этой архаической фонетической черты.

IV. Морфология

Изучаемый нами памятник в морфологическом отношении представляет меньше интереса, чем в области фонетики. Из морфологических особенностей остановимся на следующих чертах.

1. Склонение существительных

В области склонения существительных текст I-ого Жития Наума выделяется своей архаичностью и консерватизмом: в нем нет следов тенденции к аналитизму, которая является столь характерной для болгарского языка. В разных типах склонения изменения проявляются, прежде всего, в склонении разносклоняемых существительных. Отклонения от нормы этого типа мы рассмотрим более подробно.

Существительные мужского рода, обозначающие лицо, с бывшей основой на -о в вин.п. ед.ч. оканчиваются на -а: поставише гѣпѣ копа книжника 6, поусти Наоума, подрюга гѣмоу 7, примѣнен прѣрка 2/24, примѣнен праведника 2/25, но прѣтъ урынѣвскѣ образа 13, покои прѣше 28.

Дат. и твор.п. ед.ч. не вызывает замечаний: стойѣ дѣоу 2/3, 3, со миръ^м 14.

Во множественном числе, с одной стороны, сохраняются старые окончания, но проявляются и новообразования, т.е. перенос флек-

сий из другого типа склонения существительных.

Им.п.: сохраняется исконная флексия, перед которой происходит историческое чередование заднеязычных согласных: *ѣретѣци* 17.

В род.п. выступает флексия *-ѣ/-ѣ/*, которой в живой речи после утраты редуцированных соответствует нулевая флексия: *ѡ ѣретѣгъ* 4, *стѣхъ арѣггълѣ* 10, *ѡ ѣретѣгъ* 2/3-4.

В дат.п., как правило, встречается флексия *-омъ/ѣ/-ѣ/*: *на ѡнѣтѣномъ* 20-21, *ѡнѣтѣномъ* 19.

В вин.п. встречается флексия *-ѣ/-ѣ/*: *оуѣрокъ ѡнѣ* 25, *ѡстѣроише гѣ...* *прѣзѣвитѣрѣ* и *диакѣны* 24-25, *помиѣте игѣѡмѣны* 2/27, *ѡ ѡлгарѣ* 2/8, *ѡ ѡнѣ* 2/34. Возможно, что флексия *-и* в вин.п. мн.ч. объясняется не фонетической, а морфологической причиной: *прѣѡше...* *прѣзѣвитѣрѣ* и *диакѣны* 18. Вероятно, в этом примере в функции вин.п. мн.ч. употребляется флексия им.п. мн.ч.

О влиянии склонения существительных с основой на *-ѣ* свидетельствуют немногочисленные примеры: им.п.: *жидѣ* 18, род.п.: *грѣхѣ* 2/2. Форма *жидѣ* встречается уже в Зографском евангелии, Сборнике Клоца и в Супрасльской рукописи⁵⁶, а окончание *-ѡѣ* у существительного *грѣхѣ*: */грѣхѣ/* является обычным в древнейших рукописях: в Марииинском, Ассеманиевом евангелиях, в Саввиной книге⁵⁷. К *-ѣ*-основам принадлежат и заимствованные существительные *ѡнѣ* и *санѣ*, оканчивающиеся на *-ѣ* в вин.п. мн.ч.: *ѡ ѡѣ* *ѡнѣ* и *санѣ* 27. В этом типе склонения сохраняются особенности склонения древнеболгарского протографа I-ого Жития Наума.

В мягкой разновидности основ на *-ѡ* заслуживают внимания следующие флексии. Имя собственное *Мѣѡѡнѣ* в им.п. ед.ч. оканчивается на *-ѡ*: *стѣи* *мѣѡѡнѣ* 2/1. Флексия *-ѣ/-ѡ/* известна и из древнеболгарских памятников у слов, заимствованных из греческого языка⁵⁸.

Склонение существительных с основой на *-ѡ* мужского рода не вызывает особых замечаний: в дат.п. ед.ч. они оканчиваются на *-ѡ* */-ѡ/*: *ѡѣѡ* 23, *ѡѡѡ* 2/33. В род.п. мн.ч. сохраняются этимологически оправданные окончания: *ѡѡѡ* *нѣѣи* *ѡѡѡ* 2/10, *нѣѣи* *ѡѡѡ* *нѣѣи* *ѡѡѡ* 2/3. Существительное *ѡѡѡ* в эват. форме, как правило, окан-

чивается на -е согласно основам на -а в мягкой разновидности кратіе 2, 2/9.

Неправильной формой существительных гетероклитического типа является флексия твор.п. мн.ч.: цѣми 27 вместо цѣми.

Из других разносклоняемых существительных в им.п. мн.ч. встречается форма оугри с флексией -и вместо -е: оугри 2/5, 2/7. В древнеболгарских текстах обычной флексией является -е⁵⁹, но спорадически встречается и флексия -и: погани Синайский требник, Супрасльская рукопись.

Существительные жидовинъ, оугринъ в дат.п. мн.ч. оканчиваются на -омъ: жидомъ 18, оугромъ 2/8. Окончание -омъ в дат.п. мн.ч. встречается в древнеболгарских рукописях, прежде всего, в Супрасльской рукописи⁶⁰: персомъ, волѣромъ. Несомненно, в склонении гетероклитических существительных I-ое Житие Наума имеет сходные черты, прежде всего с Супрасльской рукописью, т.е. с одной из рукописей более позднего и восточноболгарского происхождения. Эти же флексии становятся более частыми в среднеболгарских памятниках. Трудно сказать, восходят ли эти новообразования разносклоняемых существительных к первоначальному тексту I-ого Жития Наума или же они попали в него позднее. Однако первое предположение кажется нам более вероятным.

2. Склонение местоименных прилагательных или полных местоимений и причастий

Мужской род.

Единственное число:

Им.п. оканчивается на флексию -ъи, --и: сѣи 2/4, шаданъи 2/9, влаговъри 6, пешнѣснѣи 2/5, четвертьи 2/21, словенъи 2/22, бжествъи 2/27. Характерны формы без стяжения.

Род.п.: мѣтѣваго 2/21. Формы со стяжением отмечены нами в следующих случаях: владеннаго 3, 2/20, вълаго. 10.

Дат.п.: добрѣмоу житию 2/30, стойѣ дхоу 2/39.

Множественное число:

Им.п.: владенныи ѿци 2/13, овѣи 26, овыи 27. Окончание -ъи вместо -и объясняется фонетически, а именно, сближением артикуляции гласных, обозначаемых фонемами ъи --и, или употреблением вин.п. в функции им.п. мн.ч.

Род.п. характеризуется наличием нестяженных форм: влѣовѣр-
ныхъ 2/3, владѣнныхъ 2/22, 2/29, ввогъныхъ 2/15, гроувъныхъ
2/16, швыныхъ 22 /2х/. Старая форма вин.п. мн.ч. м.р. сохраняет-
ся в конструкции адоугыне 1 продаше 17-18.

Из других флексий местоименных прилагательных остановимся
на флексии род.п. ед.ч. ж.р.: правѣе въры 17, им.-вин.п. мн.ч.:
адоугыне и ногынъ вѣзы 2/31. Происхождение последней формы не-
ясно.

В им.п. ср.р. бросается в глаза выпадение интервокального
-д-: многаа 2/17, вѣунаа 2/32.

Следует указать на то, что в род.п. ед.ч. м.р. прилагатель-
ных флексия -аго не чужда и другим памятникам: 3 раза она встре-
чается в Энинском апостоле, хотя там проявляется и форма без стя-
жения: новаго, сѣаго, вѣстанаго, но правааго⁶¹. О флексии -оу,
которая имеется и в Энинском апостоле, отмечается, что она воз-
никла в X в., но встречается и в других древнеболгарских текс-
тах⁶², в Ассеманиевом, Зографском евангелиях, Синайском требнике
и пр.⁶³. Так как наличие флексии -оу проявляется в "поздний
старославянский период" /А. Вайан/, формы на -оу в дат.п. ед.ч.
могут восходить к первоначальному тексту I-ого Жития Наума, хотя
флексия -оу была распространена не только в русском, но и в
сербском языке. Здесь же заметим, что полное местоименное дейст-
вительное причастие наст. вр. в дат.п. ед.ч. м.р. также оканчива-
ется на -оу: почитающомъ 16.

Вследствие небольшого числа причастных форм мы остановимся
коротко на особенностях их склонения.

Действительное причастие настоящего времени.

Им.п. ед.ч. м.р.: сы 8, творе 8, хотъ 2/11, дѣлае 21. Пол-
ная форма: прѣмѣни 2/24, 2/25.

Им.п. мн.ч. м.р. всегда оканчивается на -е: хотѣше 2/10, по^А1-
беше се 2/28-29, възъирающе 2/28. Эта же флексия сохраняется и
в более поздних памятниках -- она присутствует и в Энинском апос-
толе⁶⁴.

Действительные причастия прошедшего времени встречаются в
небольшом числе:

Им.п. ед.ч. м.р.: нитвъ 9, шѣ^А 12, вѣдѣвъ 21, поѣмъ 22,

взѣвъ 2/20, 2/21 /возможно, и въ^А 23/.

Им.п. мн.ч.м.р.: пришь^Аше 28, поѣшь^А 19.

Страдательные причастия настоящего времени.

Им.п. ед.ч. м.р.: ѿѣдомо 14.

Им.п. мн.ч. м.р.: наѣдими

Им.п. ед.ч. ср.р.: написано 2/15.

На основе наших данных мы можем прийти к заключению о том, что склонение местоименных прилагательных и причастий /местоименных и неместоименных/ соответствует той картине, которая вырисовывается перед нами в поздних памятниках древнеболгарского языка, и его особенности могут восходить к оригинальному тексту I-ого Жития Наума.

3. Спряжение глаголов

Формы настоящего времени не вызывают замечаний. У атематического глагола гесмъ в 3 л. ед.ч. в побудительной конструкции отсутствует личное окончание: да ѿ ѿѣдомо 14. Форма ѿ без личного окончания встречается уже в Саввиной книге.

Простые формы прошедшего времени представлены аористом и имперфектом.

1/ Аорист

Для языка интересующего нас памятника характерно наличие аориста более позднего типа у глаголов с инфинитивной основой на согласные /кроме 2, 3 л. ед.ч./. Глаголы, у которых основа инфинитива оканчивается на гласные, образуют формы сигматического аориста без соединительного гласного /-х-аорист/. Таким образом, представлены типы оѿрѣтохъ, знахъ, пилахъ, аахъ, то есть типы в, г, е -- по классификации Н. Ван-Вейка⁶⁵.

Единственное число

1 л.: оѿрѣтохъ 2/12, смѣ^ха 2/14, поноуахъ се 2/19;

2-3 л.: прѣидѣ /так/ 20, пѣсти 7, сѣтвори 9, прости се 11, пожи 12, поуи 13, 16, немоуи 22, оумрѣ 26, поѣсти 2/19, прѣвъ 11. Заслуживают внимания формы 3 л., имеющие окончание: прѣать 12, въ^ѣ 2/32.

Множественное число

1 л.: написахъ^х /так/ 17;

3 л. оканчивается на -е < -а: поставише 6, моуише 17, продаше 18, ѿстроише 24, даше 25, приеше 27, 28, 2/4, приидоше 2/15, поплънише 2/6, опочустише 2/6, сказаши 2/7, 2/13, потанише 2/18, съхранише 2/30-31, глѣше 2/27, пострадаше 2/31.

Заслуживает внимания в этом случае сохранение окончания -ше < -ша вместо окончания -ша, известного из среднеболгарских рукописей. В данном случае окончание 3 л. мн.ч. восходит к древнеболгарскому окончанию -ша, которое изменилось в -ше. Подобные окончания в 3 л. мн.ч. находятся в западноболгарских говорах: падоше, собраше, дигоше. Возможно, что в оригинале I-ого Жития Наума имелось старое окончание.

Двойственное число: наѣтаховѣ се /1 л./

2/ Имперфект

Имперфект колеблется между стяженными и нестяженными формами.

1 л. ед.ч.: нѣждахъ се 2/13;

3 л.: вѣше 25, прѣбываше 9, вѣжааше 2/7.

Форма 3 л. ед.ч. вѣше имеет соответствия в Супрасльской рукописи и Саввиной книге⁶⁶. Как не раз мы могли убедиться в этом, наш текст во многих своих чертах связан с более поздними кирилловскими памятниками.

Наряду с этими формами в исследуемом тексте имеется не-обычная форма аориста, не имеющая соответствия в более ранних памятниках древнеболгарского языка: продахоу в [=а] 19-20. Данная форма представляет собой своеобразное окончание 3 л. мн.ч. аориста, которому в другом месте I-ого Жития Наума соответствует правильное окончание: дръгъише продаше [=а] 17-18. В форме продахоу мы имеем дело с переносом окончания 3 л. мн.ч. имперфекта в соответствующую форму аориста. Уже в древнеболгарских текстах встречается вытеснение форм 2--3 л. мн.ч. имперфекта окончанием аориста⁶⁷. Такие формы считаются К. Мирчевым подобными восточноболгарским⁶⁸. Сближение имперфекта и аориста привело к тому, что и в аористе проявляется окончание 3 л. мн.ч. имперфекта: продахоу. Эти формы засвидетельствованы в среднеболгарских рукописях и хорошо отражены ими. К. Мирчев формы аориста на -ха /=хоу/ также считает народными и указывает на их наличие в Болонской псалтыри и Добрейшевом евангелии⁶⁹. В данном примере мы видим отражение речи писца I-ого Жития Наума. Если этот пример находился в оригинальном тексте Жития, то мы можем считать его употребление древнейшим примером на перенос окончания 3 л. имперфекта в аорист.

Перфект и давнопрошедшее время представлены единичными примерами: сътъ сътворили 2/16, въ прорекль 2/1.

Условное наклонение выражено более поздней -- по своему происхождению -- конструкцией: быше въ^Алы [ы=и] 2/11. Она преобладает в кирилловских памятниках⁷⁰ и, по всей вероятности, скорее всего употреблялась в восточноболгарских говорах.

Наконец, следует остановиться на форме 1 л. ед.ч. вѣдъ 2/12. Она встречается в древнечешском, древнерусском и древнесловенском языках. По мнению Н. Ван-Вейка, форма вѣдъ "была более употребительной в восточноболгарском наречии, а вѣмъ в западном"⁷¹. Такое предположение ученого подтверждается Саввиной книгой и Супрасльской рукописью. В последней вѣдъ встречается особенно часто.

Побудительное наклонение встречается редко: да не останеть 2, да е вѣдомо 14, вѣдомо боуди 16. Конструкция с да является очень древней и восходит к древнеболгарскому периоду⁷². Однако, заслуживает внимания то обстоятельство, что глагол гестъ в 3 л. ед.ч. теряет свое окончание в сочетании с частицей да е цѣкви 1278, да е, да е живъ. Такая конструкция с е встречается в среднеболгарских грамотах⁷³.

Наши примеры показывают, что рукопись I-ого Жития Наума в отношении языка близко стоит к более молодым кирилловским рукописям: к Саввиной книге, Супрасльской рукописи, Энинскому апостолу. Особенно тесно она связана с Супрасльской рукописью и Саввиной книгой.

V. Некоторые особенности лексики

П.А. Лавров и П. Кирай подчеркивали своеобразие лексики I-ого Жития Наума, имеющей признаки старины. Однако анализируемый нами памятник древнеболгарского языка выделяется и редкостью своей лексики. Так, например, существительное съподроугъ известно только из I-ого Жития Наума⁷⁴. Пражский словарь старославянского языка глагол простити сѧ в значении отказать от должности /abdicare/ цитирует только из этого памятника⁷⁵. Редкостью выделяется и существительное състрастникъ, для которого имеется только

один пример из Минеи 1096 г. Выражение же почити о господи встречается только в Паннонских легендах Кирилла и Мефодия⁷⁶. Глагол поочстити имеет свое соответствие в Супрасльской рукописи, однако, страдательное причастие, образованное от него, находится и в одном из списков Пространного Жития Константина-Кирилла⁷⁷. Заслуживает внимания, однако, и тот факт, что I-ое Житие Наума в своей лексике имеет сходные черты и с более поздними рукописями, прежде всего, с Супрасльской рукописью и Саввиной книгой. Так, например, глагол поочстити /а не причастное образование от него/ встречается и в Супрасльской рукописи в том же значении⁷⁸. По мнению В. Ягича, послелог дѣла в значении ради восходит к лексике "более молодых текстов"⁷⁹. Оно имеет свои соответствия в Саввиной книге и Супрасльской рукописи⁸⁰, и встречается, хотя в измененном виде, /дѣла'а/ и в нашем памятнике. Послелог дѣлаа в значении ради, имеющийся и в Житии Наума, встречается и в Супрасльской рукописи, Зографском фрагменте и Беседах Григория Богослова⁸¹. Эти данные лексики исследуемого нами памятника свидетельствуют о том, что он имеет значительные сходства с Супрасльской рукописью и Саввиной книгой, т.е. с памятниками более поздней эпохи. К этим лексическим соответствиям следует добавить и употребление формы вѣаѣ, о которой уже говорилось выше.

П. Кирай обратил внимание на греческий характер написания слова арѣггль⁸². Своеобразием написания выделяется и название XII-ого месяца: декевриа, которое в таком варианте известно, по нашим данным, только из I-ого Жития Наума⁸³. Существительное монастирь пишется через о в целом ряде памятников, среди них и в Супрасльской рукописи⁸⁴. Возможно, что эти написания объясняются тем, что I-ое Житие Наума было написано или списано в такой среде, где греческие слова на письме были переданы согласно греческому произношению.

Примечания

1. П.А. Лавров. Житие св.Наума и служба ему. Известия Отделения русского языка и словесности. т. XII. кн. 4, с. 2.
2. Й. Иванов. Първо/най-старо/ житие св.Наума. Български старини из Македония. Под редакцията на Боню Ангелов и Димитър Ангелов. Фототипно издание. София, 1970, с. 240.
3. Й. Иванов. Ук. соч., с. 305.
4. П.А. Лавров. Ук. соч., с.
5. Й. Иванов. Ук. соч., с. 308.
6. П.А. Лавров. Ук. соч., с. 49.
7. Й. Иванов. Ук. соч., с. 308.
8. Э. Георгиев. Родината на Кирило-Методиевото дело. Сб. Константин-Кирил Философ. София, 1969, с. 36.
9. П.А. Лавров. Ук. соч., с. 2.
10. П.А. Лавров. Ук. соч., с. 49.
11. П.А. Лавров. Ук. соч., с. 49.
12. Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského. Druhé, revidovan vydání nové upravil J. Kurz. Praha, 1949, с. 187.
13. П. Динеков, К. Куев, Д. Петканова. Христоматия по старобългарска литература. Изд. 2. София, 1967, с. 106.
14. Király P. A Naum-életírás a magyarokról. Századok. кн. 5. Вр., 1976, с. 851. /Житие Наума о венграх/.
15. П. Кирай. Ук. соч., с. 851.
16. П. Кирай. Ук. соч., с. 851.
17. П. Кирай. Ук. соч., с. 851.
18. П.А. Лавров. Ук. соч., с. 4.
19. П.А. Лавров. Ук. соч., с. 5.
20. В.Н. Щепкин. Рассуждения о языке Саввиной книги. СПб., 1901, с. 173.
21. В.Н. Щепкин. Ук. соч., с. 152.
22. Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. Перевод с немецкого В.В. Бородич. Под редакцией и с предисловием Н.А. Кондрашова. М., 1957, с. 154.
23. P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik. Teil I. Grammatik. Heidelberg, 1932, с. 105.
24. К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. Трето издание. София, 1978, с. 121.
25. К. Мирчев. Ук. соч., с. 114.

26. Ст. Младенов. История на българския език. Превод и редакция проф. И. Дуриданов. София, 1979, с. 126.
27. P. Diels. Ук. соч., с. 100.
28. К. Мирчев. Ук. соч., с. 121.
29. W. Vondrak. Altkirchenslavische Grammatik. Zweite Auflage. Berlin, 1912, с. 150.
30. P. Diels. Ук. соч., с. 30.
31. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 155.
32. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 148, 149.
33. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 143, 151.
34. К. Мирчев. Ук. соч., с. 126.
35. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 35.
36. В.М. Щепкин. Ук. соч., с. 105.
37. В.Н. Щепкин. Ук. соч., с. 100.
38. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 142.
39. W. Vondrak. Ук. соч., с. 205.
40. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., 163.
41. W. Vondrak. Ук. соч., 123.
42. W. Vondrak. Ук. соч., с. 121.
43. К. Мирчев. Ук. соч., с. 132.
44. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 179.
45. К. Мирчев. Ук. соч., с. 131.
46. К. Мирчев - Хр. Кодов. Енински апостол. София, 1965, с. 207.
47. К. Мирчев. Ук. соч., с. 121.
48. К. Мирчев. Ук. соч., с. 48.
49. П.А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893, с. 62 /ошибочно пишется с. 26/.
50. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 129, 173.
51. W. Vondrak. Ук. соч., с. 51.
52. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 216.
53. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 217.
54. К. Мирчев. Ук. соч., с. 150.
55. К. Мирчев. Ук. соч., с. 150.
56. P. Diels. Ук. соч., с. 166.
57. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 245.

58. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 239.
59. Р. Diels. Ук. соч., с. 165.
60. Р. Diels. Ук. соч., с. 165, 166.
61. К. Мирчев. - Хр. Кодов. Ук. соч., с. 213.
62. К. Мирчев - Хр. Кодов. Ук. соч., с. 213.
63. К. Мирчев - Хр. Кодов. Ук. соч., с. 294.
64. К. Мирчев - Хр. Кодов. Ук. соч., с. 213.
65. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 310.
66. Р. Diels. Ук. соч., с. 279.
67. С.М. Кульбакин. Грамматика церковно-славянского языка по древнейшим памятникам. Энциклопедия славянской филологии. Вып.10. Петроград, 1915, с. 87.
68. К. Мирчев. Старобългарски език. София, с. 77. Историческа граматика..., с. 214.
69. К. Мирчев. Историческа граматика..., с. 217.
70. Н. Ван-Вейк. Ук. соч., с. 309.
71. Н. Ван-вейк. Ук. соч., с. 321.
72. К. Мирчев. Историческа граматика..., с. 227.
73. П.А. Лавров. Обзор..., с. 192, 201.
74. П.А. Лавров. Житие Св.Наума..., с. 49.
75. Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon Linguae Paleoslavonica. Kn. 30. Praha, 1976, с. 378.
76. П.А. Лавров. Житие Св.Наума, с. 49.
77. Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon Linguae Paleoslavonica. Kn. 28, с. 222.
78. Slovník ... Kn. 28, с. 222. L. Sadnik - K. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955, с. 96.
79. W. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Neue berichtigte und erweiterte Ausgabe. Berlin, 1913, с. 439.
80. Slovník... Kn. 10. Praha, 1965, с. 551. L. Sadnik - K. Aitzetmüller. Handwörterbuch..., с. 19.
81. Slovník ... Kn. 10. Praga, 1965, с. 551. L. Sadnik - K. Aitzetmüller. Handwörterbuch ..., с. 19.
82. П. Кирай. Ук. соч., с. 581.
83. Slovník... Kn. 9. Praha, 1965, с. 473--474.
84. Slovník... Kn. 17. Praha, 1968, с. 186.

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СЕНТЯБРЬСКАЯ МИНЕЯ ИЗ
СОБРАНИЯ ГИМ

И.Х. Тот

I

Минея на месяц сентябрь, которая является предметом нашего сообщения, хранится в Отделе рукописей ГИМ под сигнатурой Син. 159. Ранее она принадлежала Синодальному собранию. Интересующая нас рукопись представляет собой часть комплекта служебных миней на целый год. Из полного комплекта недостает миней на месяц март и июль. Все эти рукописи составляли одно целое и, по всей вероятности, были написаны для новгородского Софийского собора¹.

Сентябрьская минея под сигнатурой Син. 159 написана одним писцом. Она снабжена нотными крюковыми знаками и состоит из 260 л. Текст написан в один столбец по 19 строк. Размер рукописи: 27,5x21,5 см². Письмо представляет собой тот вариант устава, который назван В. Ягичем минейным письмом². Рукопись в "Описании пергаментных рукописей" Государственного исторического музея отнесена составителями каталога к XII в.³ И.И. Срезневский считает, что комплект служебных миней, частью которого является Минея на месяц сентябрь, был списан до 1200 г.⁴ По мнению Н.В. Волкова, 10 списков служебной минеи были списаны в конце XII или в начале XIII в.⁵ Архимандрит Савва, А. Горский и К. Невоструев дали краткое описание рукописи. Горским и Невоструевым были опубликованы в их описании Служба св.Вячеславу Чешскому и ряд других выдержек⁶. Однако, несмотря на текстологическую ценность Миней на сентябрь, рукопись осталась неизвестной, за исключением той ее части, которую занимает в ней Служба св.Вячеславу.

В нашем сообщении мы намереваемся познакомить специалистов с некоторыми особенностями этой чрезвычайно интересной рукописи. Наши примеры взяты из той части Миней на месяц сентябрь, где находится служба св.Вячеславу.

Култ св.Вячеслава по данным памятников письменности был известен, хотя и частично, на Руси уже в конце XI в. Об этом свидетельствуют наряду с житиями св.Вячеслава и списки службы ему. И. Вашица перечисляет две древнерусские рукописи, в которых имеется Служба чешскому мученику. Древнейшая рукопись из них бывшей Синодальной библиотеки датирована 1095--1097 г. Ныне она находится в ЦГАДА под № 84. Вторая рукопись, принадлежавшая Софийскому собору, датируется XII веком⁶. Эта рукопись послужила источником для И.И. Срезневского, который опубликовал службу св.Вячеславу в "Древних памятниках русского письма и языка". Как известно, Новгородская служебная минея 1095--1907 г. была издана В. Ягичем. Служба св.Вячеславу Чешскому по этому изданию неоднократно переиздавалась. Последнее издание службы было осуществлено В. Марешом⁷. Однако наряду с этими списками Сентябрьской служебной минеи существует еще тот список Службы св.Вячеславу, который помещается на л. 242а--247а интересующей нас рукописи. Он был издан -- как об этом шла речь выше -- А.В. Горским и К.И. Новоструевым.

Те особенности орфографии, фонетики и морфологии, которые можно обнаружить на листах рукописи, где находится канон св. Вячеславу Чешскому, могут дать ясное и достоверное представление относительно общих особенностей всей рукописи.

II

В области графики и орфографии можно выделить употребление букв: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, н, л, м, н, о, ш, п, р, с, т, оу, ѣ, ц, у, ш, щ, ь, ѧ, ѧі, го, га, гв, ф, а, ѧ /в числовом значении/.

По нашим наблюдениям, в Службе Вячеславу нет букв ѧ, ѧѧ, ѧѧ. Известно, что число "юсов" в некоторых рукописях, списанных на Руси к концу XI в., резко сокращается. Так, например, в Служебных минеях 1095--97 гг., изданных В. Ягичем, употребляются только два "юса", причем буква ѧ встречается редко. Текст Службы Вячеславу относится к одноюсовым рукописям. Из

них древнейшей является так называемая Бычковская псалтырь конца XI или начала XII в.

Из букв, употребляемых неизвестным писцом Сентябрьской минеи Службе Вячеславу датирующие признаки имеют лишь буквы ѣ и ш.

Мачта буквы ѣ не выходит из строки. Петля большая, она присоединяется к мачте почти под коромыслом. Коромысло пишется на верхнем уровне строки. Иногда мачта пишется с наклоном вправо. В некоторых случаях коромысло косое. Оно скорее похоже на букву ѣ нотного Стихиря XII в.

У буквы ш боковые линии разведены, и они образуют сравнительно небольшие овалы, верхние части которых сближаются друг с другом. Средняя часть буквы невысокая, она достигает приблизительно половины боковых линий. Буква похожа на букву ш из упомянутого выше нотного Стихиря XII в.

Об употреблении отдельных букв мы коротко можем сказать следующее.

Буква ш употребляется в предлоге о, от и в приставке от: ш 242а, 245а, ш сзпасенни 245б, шть сзпаса 243а, штьгонниш 242б, шсвщанъ 246б, шило 243б. Буквы ѣ и і пишутся в конце строк для экономии места: зовѣшнимъ 245а, разѣимъ 246б, възавѣгни 244а и пр. Для графико-орфографической системы Сентябрьской минеи отсутствие букв ѣ, ѣ, ѣ, вместо которых пишутся буквы оу/ѣ/, ѣ, ѣ: уѣоушнимъ 242а, штоѣоу 242а, зовѣшнимъ 242б, възѣоуѣ 242б, соѣггѣаннимъ 245б, твоѣо 242а, въѣоу своѣо 242б, прѣстоѣа 242а, приѣа 242б, приѣаѣ 243а, соѣѣѣо 245а, сѣа /2х/ 247а, разѣѣшѣа 242б, приѣаѣ /2х/ 243а, сѣаѣа и мн. др.

Конечно, мы можем видеть и обратное явление, т.е. употребление буквы ѣа/ѣ вместо ѣ/ѣа/ в некоторых случаях.

Этимологически неправильно ставится буква ѣ в некоторых типах написаний:

1/ ѣ пишется в начале слова или слога для передачи сочетания ѣа : ѣа 243а, 243б, ѣѣѣ / = ѣѣѣ / 243б, ѣѣѣа 245б, сѣаѣа 244б.

2/ а пишется вместо га и после букв, обозначающих согласные для передачи сочетаний "мягкий согласный + а": прославлага 242б, възшнааго 242б, наааша 242б, изаавлати 243б, ицѣлати 243б, слоужитела /род.п. ед.ч./, земаа /им.п. ед.ч./ 246а, оза раа 246а.

Взаимная мена букв а, га и мена букв я, га, га буквами оу, го, га свидетельствует о русском происхождении рукописи Службы Вячеславу. Другие черты фонетики / буква ж вместо ⁺dj, цо-канье/ подтверждают это предположение.

Характерной чертой орфографии Службы Вячеславу является частая сочетаемость букв у, ш, щ, ц с "йотированными буквами": уюаеса 242а, 243а, 244а, 245а, уюаеиса 246а, уюаеса 243б, 246б, прѣуюаѣиноу 242б, прѣуюаѣиноу 243б, уюаеси 244а, творѣую 246а, ашю 242б, соушю 245а, творѣцю 243а, вогоро аицю /2х/ 245а, сьраѣцю 245б, хлааодавицю 245а и пр. Не исключена возможность и того, что такая сочетаемость у, ш, щ, ц с йотированными буквами возникла на русской почве и не восходит к оригиналу Службы.

III

А. В области фонетики прежде всего следует остановиться на судьбе редуцированных гласных. Об их судьбе дают сведения случаи употребления букв з, ь в нашей рукописи.

Сначала мы рассмотрим случаи употребления букв з и ь в корнях. Первую группу составляют основы вне сочетаний с плавными, а вторую -- сочетания редуцированных с плавными /перед плавными и после них/.

На месте редуцированных в сильной позиции пишутся буквы з, ь: лѣозвино 242б, 243б, 244а, 244б, цѣрнзвь 243а, аьньсь 242б /2х/, 243б, 246а, 246б, 247а, вьсѣвьстьноу 242б, увьстьноу 247а, сьнъмъше 243а, лъстню 246а, тьмънънъмъ 246а.

На месте редуцированных слабых также сохраняются написания с з, ь: нъто 243б, цѣрнзви 244а, мънъ 244б, кьнаженинъ 246б, посълати 244а, възпити 246а, възпнъши 246а, зъло 245б, 244б, мънъ 244б, зълоади 245б. В корне пропуск буквы на месте слабого ре-

редуцированного непереднего ряда был отмечен нами только один раз: нѣловнѣ 244а. Однако, поставленный крюк над буквами ѣ, ѣ, указывает на то, что в пении произносился какой-то звук. Возможно, что пропуск буквы ѣ объясняется как явление графики.

Буква ѣ на месте слабого редуцированного гласного, как правило, выдержанно пишется писцом: уѣтоуѣннѣ 242а, трѣзвѣтъ ламнѣ, 242б, вѣснѣ 242б, 243а, вѣсаннѣ 242б, дѣньсѣ 242б, 243б, тѣлѣннѣ 242б, вѣсѣвѣстнѣ 242б, нѣтълѣннѣ 243а, вѣсѣхѣ 243а, вѣсѣ 243а, 245а, 246б, цѣсарѣство 242б, 243а, вѣсаннѣ 243б, вѣсѣхѣ 243б, 245а, 246а, вѣсѣславнѣ 244а, хрѣстоу 244а, вѣсѣ 244а, вѣсѣлоукаваго 244б, лѣсти 244б, цѣсарѣсно 245б, тѣлѣннѣ ннѣ 245б, вѣсто 246б.

Редуцированные в сочетании с плавными подразделяются на две группы:

а/ континуанты общеславянских сочетаний търт, тълт, търт, тълт: поуѣрпѣ 242а, цѣркѣвѣ 243а, сѣмьртнѣ 244а, дѣрзновѣннѣ 244б, тѣрпѣннѣ 244а, вѣ цѣркѣвѣ 244а, цѣркѣ 244а, 244б, вѣсѣдѣржитѣлѣ 244б, по сѣмьртнѣ 245а, сѣрдѣцѣ 245б, нѣсѣуѣрѣлѣ 246а, жѣртвоу 246а, нѣрѣлѣннѣ 245а, нѣрѣмьнѣ 245б, нѣзлѣннѣ 246а, сѣлѣнѣца 242б, сѣлѣнѣ 243а, сѣлѣнѣца 246а. В этих случаях мы не обнаружили буквы ѣ на месте ѣ.

б/ континуанты общеславянских сочетаний трѣт, трѣт представлены немногочисленными примерами: крѣвѣ 242б, крѣвѣ 243а, 244а, 246а.

В суффиксах в сильной позиции также пишется ѣ или ѣ на месте этимологически сильных и слабых редуцированных.

В сильной позиции буква ѣ пишется в следующих случаях: вѣгопѣдовѣннѣ 244б, агнѣцѣ 244а, вѣнѣцѣ 243а, 244б, праздѣннѣ ство 243б, 247а, нѣправѣдѣннаго 244а. Один раз мы отметили написание буквы ѣ в суффиксе на месте редуцированного в сильной позиции: бжѣлѣствѣннѣ 242а.

На месте редуцированного в слабой позиции буквы ѣ, ѣ пишутся:

суффикс -ѣннѣ: грѣшѣннѣ 242а, прѣлѣжѣннѣ 242а, блѣгодѣтѣннѣ 242а, прѣданѣннѣ 242б, вѣрѣннѣ 242б, прѣвѣгодѣннѣ 242б, доуѣровѣ

но 242б, земьно 242б, тьльньно 242б, владзіцни 242б, вышь
наго 242б, сьверьншиъ 243а, прѣхвальне 242а, празьновати
243а, вѣрьно 243а; печальнѣга 243б, радостьно 243б, вѣрни
243б и мн. др.;

суффикс -ьл-: свѣтъло 242а, 243а, 246а, прѣсвѣтълоуѣ
242а, прѣсвѣтълами 242б, прѣсвѣтъло 242б, свѣтълзи 243а,
свѣтълами 243б, прѣсвѣтълоуѣ 244а, свѣтълзи 244а, свѣтълостиуѣ
244б, прѣсвѣтълзиими 245а и пр.;

суффикс -ск-: цсарьскою 243а, цсарьско 245б, ангель
скоу 246б;

суффикс -ьств-: словительство 242б, цѣсарьство 242б, цѣсарьскии 243а, соѣшества 244а, рождествоу 244б, блаженств во 247а, праздниество 243б, 247а;

суффикс -ц-, -ь-: сзльнѣа 242б, сзльнѣе 243а, творѣцѣо 243а, сзльнѣа 245а, творѣцѣу 246а, свѣтодавѣа 246б, свѣто давѣа 246б, нзъмьнѣу 245б;

суффиксы -ьв-, -ьд-: цѣльвама 242а, правьази 242б, вс
правьази 243б, проповѣяиникъ 246б;

суффиксы -ъ-ш-, -ь-ш-: сзымышъ 243а, въпааъша 243б, прынмыши 246б, прынма 246б, 247а, прнстоупивъ 247а, оуанівльша аго 242б, оукрасьши сга 243а, оуанівльшоуоуоу 243а, оукрашьши 244а, просвъщъ сга 244а, роъши 244а, роъшина 245б, шкроплъ ш сга 246а, просвъщъ сга 246б, роъшина 247а.

Во флексиях также можно выделить случаи сильной и слабой позиций редуцированных гласных. В сильной позиции сохраняются буквы а, ь: раздѣлѣмъ 246б, овѣшьмъ 242а, страстьмъ 243б, похотѣмъ 245б.

В слабой позиции мы отметили следующие случаи постановки букв ь: страстьмн2446.

В приставках этимологически правильно пишутся буквы з, в:
взвѣта 242б, възхвалямы 243а, съзаса 243а-243б, възпоиоше
243б, възпазша 244а, въззираю 244а, възспѣтънъ 244б, съвзгъднъи 244б,
съзбѣнаемъ 244б, съзаси 245а, съзжавъ 245б и пр.

В некоторых предлогах и префиксах проявляется и вторичный, неэтимологический редуцированный под влиянием тех предлогов, которые оканчивались на -ѣ: нѣзѣшканьноу 246а, штѣпоустѣ 246а, штѣ 243а, вѣзѣоуьнааго 245б.

В наших материалах мы отметили три случая неправильного отражения редуцированных гласных. В первом случае вместо буквы ѣ писцом пишется ь: нендрѣѣуьнына 242а. Не исключено, что вместо буквы ѣ ь написано под влиянием следующего слога, содержащего букву ь. Подобным образом буква ѣ ставится вместо ь там, где редуцированный переднего ряда был в сильной позиции: вожествьнына 242а. Буква ѣ вместо ь в суффиксе -ѣств- в этом слове пишется уже и в классических памятниках, напр., в Синайском требнике. Вместо буквы ѣ один раз встречается буква о: зованиа 242б. Последние два примера могли быть вызваны искусственным церковным произношением, в котором редуцированные гласные произносились как гласный о или ѣ. Вместо буквы ѣ перед и вследствие ассимиляции редуцированного непереднего ряда следующим гласным переднего ряда пишется буква ѣ: вѣинноу 243б, 247а.

Подводя итоги нашим наблюдениям о судьбе редуцированных, мы можем сказать следующее.

Написания с ь, ѣ там, где редуцированные были в слабой или сильной позициях, позволяют нам сделать несколько выводов о судьбе редуцированных в языке писца нашей рукописи:

1/ Редуцированные в слабой позиции не выпадают, что с определенной долей вероятности объясняется тем, что, будучи под крюками /шевмами/, они произносились во всех положениях. Рассмотренные выше случаи написания с ѣ вместо ь или о вместо ѣ на месте этимологически правильного редуцированного объясняются искусственным церковнославянским произношением. Выпадение слабых редуцированных не отражено правописанием Сентябрьской минеи.

2/ Редуцированные в сильной позиции не проявляются в гласные полного образования.

3/ В континуантах общеславянских сочетаний *tirt*, *tъlt*, *tъrt*, *tъlt* буквы ь, ъ пишутся перед плавными, что характерно для древнерусских рукописей. Перед буквами, обозначающими плавные согласные, редуцированные, как правило, не изменяются в гласные полного образования. Эти написания подтверждают предположение о том, что редуцированные в сильной позиции сохранились без их изменения в е и о. Так называемое "второе полногласие" не отражено данными интересующего нас текста.

4/ В некоторых предлогах и приставках спорадически проявляются так называемые "вторичные еры", возникшие под влиянием тех предлогов и приставок, где наличие редуцированного гласного этимологически было оправдано¹¹.

В области гласных заслуживает внимания судьба гласного, обозначаемого буквой ѣ. Как правило, буква ѣ пишется писцом правильно в разных морфемах и в разных фонетических условиях:

В корнях перед твердыми и мягкими согласными писцом правильно ставится ѣ, напр.: *вѣдахъ* 243а, *сѣѣна-гемъ* 244б, *оутѣ* 245а, *дѣво* 247а, *свѣтъло* 242а, 243а, 246а, *грѣшныици* 242а, *прѣсвѣтълоуію* 242а, *цѣльбамъ* 242а, *вѣрьнии* 242б, *вѣньць* 243а, *вѣрьно* 243а, *сѣверънъзини* 243б, *цѣдънънѣ* 243б, *вѣрьни* 243б, *благодѣтънъзи* 246а, *просвѣщѣна* 247а, *свѣстѣно* 245б, *пропо* *вѣдънниъ* 246б, *свѣтодавъца* 246б и пр.

Подобным образом буква ѣ правильно пишется в континуантах праславянских сочетаний *tert*: *прѣсвѣтъло* 242б, *прѣдъвиѣне* 242б, *прѣхвальнѣоу* 243а, *прѣхвальне* 243а, 244б, 245б, *прѣсвѣтълоу* 244а, *прѣсоуѣно* 244б, *прѣсвѣтълъзини* 245а, *вѣтънѣно* 245б /так!/, *прѣславънъзи* 246а, *дрѣва* 246а, *прѣста* 247а, *въ* *урѣвъ* 244а и пр.

Заслуживает внимания тот факт, что в континуантах праславянских сочетаний *tert* буква ѣ пишется писцом этимологически правильно, в то время, как уже в Минеях 1095--1097 гг. в формах с метатезой часто можно обнаружить букву е вместо ѣ.

В суффиксах и окончаниях буква ѣ также пишется этимологически правильно: *тълѣнѣно* 242б, *нѣтълѣнънъзи* 243а, *търѣнѣна*

244б, волѣзъноуѣ 244б-245а, тѣлѣнъзѣнѣ 245б, вѣстѣ 242а, нѣнѣ 243б, вѣрѣ 244б, унѣстѣ 244б, 246а, 247а, вѣрѣвѣ 244а и пр. Отклонение от этимологически оправданного употребления буквы ѣ немногочисленны. Они подразделяются на две группы:

1/ Вместо е пишется буква ѣ: прилѣжѣно 242а, невѣсънѣнѣ 244б /но невѣсъноуѣ 242б/, вѣстѣнѣно 245б. В этих случаях буква ѣ вместо е пишется перед слогом с таким редуцированным гласным в слабой позиции, который позднее выпадает. Эти примеры напоминают нам "южнорусские памятники" второй половины XII в. /напр., Добрилово ев./, в которых встречается так называемый "вторичный" ѣ. Однако для нашей рукописи характерно цоканье, свидетельствующее о своем северном /новгородском/ происхождении. Буква ѣ пишется и в наречии дрѣвлѣ 246а, в котором под влиянием сочетания дрѣвѣ- / общесл. *derv-/ вместо буквы е также пишется ѣ.

2/ Вместо буквы ѣ пишется буква е только один раз: верѣнѣнѣ 246а. Возможно, что единичное употребление буквы е вместо ѣ в корне вѣрѣ- является опiskой, о чем свидетельствует и тот факт, что писец дважды списал это прилагательное: верѣнѣнѣнѣ верѣнѣнѣнѣ 246а. В наречии нѣнѣ 244а, 246а один раз вместо буквы ѣ пишется ѣ: нѣнѣ 242а.

Один раз мы отметили постановку буквы ѣ вместо н в глагольной форме: възпитѣти 'educare' въз вѣрѣ унѣстѣ възпитѣнѣ /вместо възпитѣнѣ/ 244б. Возможно, что написание буквы ѣ вместо н объясняется влиянием буквы ѣ в следующем слове и не является явлением фонетического происхождения.

Один раз была отмечена постановка буквы н вместо ѣ в приставке прѣ-: прѣстоупнѣ 247б. В Синодальном списке Жития Вячеслава имеется написание прѣстоупнѣ, и этот факт дает нам основание предполагать, что в оригинале Жития имела форма прѣстоупнѣ. Однако нам не ясно, имеет ли это написание фонетическую почву или оно возникло под влиянием морфемы прѣ-.

Б. В области согласных прежде всего следует указать на то, что на месте общеславянского сочетания *tj konsekвентно пишется буква щ: величагоушихъ 243б, шващениъ 246б, просвъщъ /сш/ 244а, 247а, просвъщати 246б, прѣсоущнааго 246б, величагоушихъ 247а и мн. др. Отклонение от этой нормы лишь: наоууати на оууати не ти 245б вместо наоуати на оууати не ти.

На месте этимологических сочетаний *dj встречаются и написание с ж. Это еще раз свидетельствует о том, что древнерусские рефлексy общеславянских сочетаний *dj ко времени возникновения нашей рукописи стали уже своеобразными элементами церковно-книжного произношения: наслаждагешиса 242а, рождествоу 244а, 244б, рождши 244а, рождшиа 245б, 247а, подажъ 245б, сзгражанинъ 245б.

В рукописи мы отметили и постоянное употребление "вставочного л": оставъ 242б, оуанвльшааго 242б, потоплена 244а, застоуплениа 245а, изрылениа 245а, нечървлена 245б, въ земли 246а, аръвле 246а, благословениъ 246а, шкроплши 246а.

Подобным образом и на месте общеславянских сочетаний *tl, *dl принято писать формы с -д: молитваи 244б, молити са 244б, молиса 245а, помолиса 247а.

В области согласных укажем еще на единичное отсутствие начального *j, которое является своеобразным русизмом: оуга 245а.

В Сентябрьской минее встречаются и случаи взаимной мены букв у и ц: владзіцни 242б, тронцнаа 244а, творьчюисн възпаше 246а, /но творьцю 243б/, величагоушихъ 247а. Мена букв, свидетельствующая о цоканье писца Сентябрьской минее, является весьма важным доказательством предположить северное /возможно, новгородское/ происхождение рукописи. Таким образом, мы можем локализовать Сентябрьскую минею в северную часть Киевской Руси и видеть в ней памятник севернорусской письменности.

Прежде чем закончить разбор фонетических черт памятника, следует подчеркнуть, что в континуантах общеславянских

сочетаний *tert, tort* постоянно пишутся формы с метатезой: *прѣсвѣтъло* 242б, *врѣтъмъно* /так!/ 245б, *въ врѣтъ* 244а, *ширавѣна* 244б, *посрами* 244б, *изъ млада* 244б, *странзи* 246а, *сз-гражданнз* 245б, *влажене* 245а, *градаъ* 246а, 246б и мн.др. В этой связи остановимся на топониме *прага* /= др.чешск. *Praha*/, который в русских списках Жития Вячеслава является существительным мужского рода и которому в оригинале минеи соответствовало существительное женского рода: *ликоуѣтъ прага дньсь* 246а, *прѣславънзи та градаъ* 246а, *прага!...* *прѣхвальнзи ти градаъ* 246б.

IV

В области морфологии подчеркнем архаичный характер языка нашего памятника.

1. В склонении существительных укажем на следующие явления:

а/ флексия дат.п. ед.ч. существительного мужск.р. *-ови*: *хрестови* 246а, *мирови* 246б, но *мироу* 245а;

б/ в твор.п. ед.ч. существительных имеются флексии: *-омъ*, *-ымъ*, *-емъ*, *-ремъ*: *словомъ* 247а, *раздѣлимъ* 246б, *мачемъ* 244б, *пошениемъ* 245а, *веселиемъ* 242а, *пролитиемъ* 243а. Характерно для рукописи употребление морфемы *-ремъ* в твор.п., так как мы не отметили флексии *-имъ* вместо *ремъ*. Флексия *-имъ* является, по мнению М. Вейнгарта, своеобразной чешской флексией¹², однако ее нет в Сентябрьской минее -- возможно, что при переписывании она была консеквентно заменена флексией *-ремъ*.

в/ Существительные с бывшей основой на согласные характеризуются разнообразием форм: имеются падежи "без наращенія" и "с наращением": *словомъ* 246а, *дрѣва* 246а, *словеси* /дат.п. ед.ч./ 246б, *угодеса* 246б, *угодеса* 245а, *угодѣсь* 246а. В род.п. ед.ч. сохраняется флексия *-е*: ис плѣмене 246а.

г/ В им.п. ед.ч. существительных с основой на *-ѣ* /*-ѣу*/ можно отметить форму *църкы* /*твога*/ 244а, род.п. ед.ч. оканчивается на *-е*: *кръве* 234а.

д/ Следует остановиться на искусственной, церковноки-

ной флексии род.п. ед.ч. существительных мягкой разновидности основ на -а и вин.п. мн.ч. существительных мягкой разновидности основ на -о: шт доуша 245а, нз... десница 245а, лоуца испоуцагъ 244а. Это окончание является типичным для русского церковнославянского языка.

2. В спряжении глаголов мы отметили следующие важные особенности.

а/ Личное окончание 3 л. ед. и мн.ч. -ть: приходитъ 244а, наоучагъ 245б, принашагъ 246а, линоуагъ 246а, радоуагъ-са 242а.

б/ Для имперфекта характерны формы без стяжения /-аа = -гаа/: наааше 242б, възпааше 246а.

в/ Своеобразной архаичной чертой языка интересующей нас рукописи является частое употребление причастия прошедшего времени с суффиксом *j-ъ-ъ: оудивльшааго 242б, оукрашши сга 243а, 244а, просвъшъ 244а, 246а, шкроплши 246а, хотя можно обнаружить и более позднюю форму: пристоупивъ 247а.

3. В склонении полных прилагательных и причастий для языка Сентябрьской минеи характерны падежные флексии без стяжения: вышънааго 242б, въръни 242б, невѣсьнънъ /так!/ 244б, свѣтърънънъ 243а /дат.п. мн.ч./; чистънънъ 244б, соущинъ /дат.п. мн.ч./, зовоушнънъ 242б, 243б /дат.п. мн.ч./ и пр. Однако один раз мы отметили флексию со стяжением: въ свѣтъмъ блаженствѣ 247а.

Заслуживает внимания тот факт, что в Служебных минеях 1095--1097 гг., изданных В. Ягичем, стяженные формы имперфекта или полных прилагательных встречаются чаще, чем в исследуемой нами рукописи.

V

В области лексики обратим внимание читателя на некоторые архаизмы.

Сентябрьская минея выделяется и своими лексическими осо-

бенностями. Слово *благодѣть* /и производные от него/, которое было характерной принадлежностью древнейших глаголических памятников¹³, встречается в рукописи несколько раз: *даръ благодѣти* 243а, *благородѣти* 246б, *благодѣтно* 244б, *благодѣтныиши* 246а-б. Однако, наряду с этим лексическим архаизмом, можно встретить и более позднее образование *благодатъ* /*блго дати*ныи 242а/ и синоним слова *благодѣть*, т.е. существительное *милость* и производные от него формы: *милость* 245б, 246а, *милостью* 247а.

В значении прилагательного *чешьскъ* употребляется его синоним *чорешьскъ*: *въ земли чорешьцѣ* 246а.

Из синтаксических явлений нашего памятника следует указать на то, что для языка I-ого Жития Вячеслава характерно частое употребление дат.п. для выражения принадлежности. Из многочисленных случаев употребления этой конструкции приведем лишь несколько: *чю-о-дѣсъ ти* 245а, *памати*ти 245а, 246а, *похва-лени*ти 246б, *на оубы-вни-те*ти 245б, *творь-у-о си* 246а, *чю-дѣ-сы ти* 246а, *ти градъ* 246а, *прѣхвальныи... ти градъ* 246б. Известно, что эта конструкция является характерной для ранних древнеболгарских и среднеболгарских памятников, она неизвестна древнесловенскому и древнеморавскому языкам¹⁴. Эта черта синтаксиса Службы Вячеславу сближает этот замечательный памятник с болгарскими рукописями. Трудно высказаться в пользу точного определения возникновения Жития Вячеслава. Возможно, что обильное употребление дательного притяжательно-го как бы указывает на болгарское происхождение Службы Вячеславу, однако, как это было отмечено Р. Якобсоном, древние книжники так в совершенстве владели древнеболгарским языком, что трудно решительно высказаться в пользу точного определения некоторых памятников литературы¹⁵. Это высказывание Р. Якобсона приемлемо и в случае Службы Вячеславу.

VI

В специальной литературе, посвященной Службе Св.Вячеславу, не раз обсуждался вопрос о месте создания Службы.

М. Вейнгарт считал, что эта рукопись возникла на Руси¹⁶. И. Пекарж и Г. Ильинский, И. Ва^шица -- напротив, высказывались в пользу написания Службы в X в. в Чехии¹⁷. В последнее время Б. Ангелов переиздал Службу Вячеславу по рукописи № 159 Синодального фонда. Исследователь, подробно останавливаясь на вопросе происхождения Службы, приходит к заключению о том, что Служба действительно является произведением чешской литературы X в. Она была написана автором, которому хорошо были известны древнеболгарские литературные традиции¹⁸.

Мы не намерены полностью решить этот вопрос, однако следует обратить внимание на то, что в исследуемом нами тексте Службы св. Вячеславу мы не встречаем таких черт /фонетических, морфологических или лексических/, которые указывали бы на чешское происхождение Службы. Если в оригинале Службы св. Вячеславу и были чехизмы, то они при многократной переписке исчезли.

Следует указать на то, что язык Службы Вячеславу Чешскому в рукописи № 159 во многих отношениях /выпадение редуцированных в слабой позиции, написания с ѣ в континуантах сочетаний *tert*, соотношение форм со стяжением и без него/ является более архаичным по сравнению с языком Служебных миней 1095--1097 гг.

Сентябрьская минея № 159 из ГИМ представляет собой древнерусский церковнославянский язык XII в. В этой рукописи отражаются своеобразные особенности древнерусского церковнославянского языка. Черты этого языка в основном слагаются из трех слоев: 1. Из элементов древнеболгарского языка; 2. Из тех элементов живого древнерусского языка, которые могли попасть в памятники письменности по разным причинам и, наконец, 3. Из своеобразных "гибридных", "искусственных" элементов, характерных для древнерусского церковнокнижного языка, возникших путем смешения книжных и древнерусских особенностей.

Язык Служебной минеи на месяц сентябрь представляет собой дважды искусственный язык XII в. Он является искусственным прежде всего потому, что древнерусский церковнокнижный

язык уже по своему происхождению был довольно далек от живого языка. Язык Служебной минеи на крюках был искусственным и по своей функции. Стремление сохранить согласование мелодики и слова задерживало отражение тех процессов живого древнерусского языка /см. падение редуцированных гласных/, которые нарушали бы гармоничность мелодики и слова.

Примечания

1. Н.В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI--XIV вв. СПб., 1897, с. 42.
2. М.В. Щепкина, Т.Н. Протасьева, Л.М. Костюхина, В.С. Голышенко. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. Археографический Ежегодник за 1964 г. М., 1965, с. 145.
3. М.В. Щепкина, Т.Н. Протасьева, Л.М. Костюхина, В.С. Голышенко. Ук. соч., с. 145.
4. И.И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1862, с. 38.
5. Н.В. Волков. Ук. соч., с. 65 под № 241.
6. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 59--60.
7. A.I. Rogov. Slovanské legendy z doby vzniku českého státu a jejich osudy na Rusi. Staroslověnské legendy českého původu. Praha, 1976, с. 26.
8. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. /XI--XIII вв./ М., 1984, с. 119.
J. Vajs. Sborník staroslovanských literárních památek o Sv. Václavu a Sv. Lidmile. Praha, 1929, с. 137--145.
J. Vašica. Staroslovanské liturgické zpěvy a kánon svátek Sv. Václava, složené v Čechách VX. stol. Сб. Na usvitu Křesťanství. Praha, 1942, с. 73.
9. F.W. Mareš. An Antology of Church-Slavonic Texts of Western /Czech/Origin. München, 1979, S. 45--47.
10. Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon Linguae Paleoslovenicae. Кн. 4. Praha, 1961, с. 134.
11. M. Weingart. Československý typ cirkevnej slovančiny. Jeho pamiatky i význam. Bratislava, 1947, с. 70, 82, 112.
12. M. Weingart. Ук. соч., с. 52.

13. И.Э. Еселевич, В.М. Марков. История редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1976, с. 13.
14. W. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, с. 297. К. Мирчев. Старобългарски език. София, 1972, с. 6.
15. R. Jacobson. The Kernel of Comparativ Slavic Literature. Harward Slavic Studies.Vol. I. Cambridge, Massachusetts, 1913, с. 41.
16. M. Weingart. Ук. соч., с. 49.
17. J. Vašica. Ук. соч., с. 79.
18. В.Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 2. София, 1976, с. 71. /В.Ст. Ангеловым дается и перечень изданий Службы Вячеславу по рукописи № 159 Синодального фонда ; /ср. ук. издание, с. 69/.

ФУНКЦИИ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

И.А. Гончар

Лингвистический анализ произведений В. Пескова дает интересный материал по употреблению вставных конструкций в прозаических текстах. Целью данной статьи является наблюдение над особенностями функционирования названных конструкций в экологической публицистике В. Пескова.

Уже давно было обращено внимание языковедов на разнообразные препятствия, задержки, перерывы на пути гладкого течения речи -- в первую очередь, конечно, на вводные и вставные конструкции. Однако если статус вводных конструкций в синтаксисе современного русского языка вполне определен и описан, то вставные конструкции вызывают некоторые вопросы.

В Грамматике русского языка 1954 года издания находим главу "Вставные предложения, слова и сочетания слов"¹. В ней указывается на широкое распространение приема вставки в предложение разных добавочных сообщений, попутных замечаний и т.п. Дается определение вставных предложений; указываются способы включения в основное предложение; рассматриваются возможности их синтаксического выражения и смысловые функции. Однако Грамматика-70 и -80 оказались менее "демократичными": не имея специальной формы выражения, закрепленной за определенным содержанием, не демонстрируя единства формы и значения, вставные конструкции оказались за пределами этих изданий.

История данного вопроса /различные подходы/ достаточно обстоятельно изложена в статье А.И. Аникина² и исключает необходимость повторения. Заметим лишь, что при разных подходах мнения лингвистов сходятся на некоторых общих моментах:

- как основную, определяющую черту вставных конструкций называют их способность вносить дополнительные попутные замечания;
- грамматические правила русского языка не накладывают ника-

ких ограничений на использование данного средства, что приводит, следовательно, к их "неограниченному лексико-синтаксическому составу и семантической неограниченности"³, а это, в свою очередь, затрудняет какую-либо систематизацию.

При этом необходимо заметить, что детальное изучение реальных текстов во всей их сложности и своеобразии невозможно без серьезного анализа ритмомелодической структуры, а вопрос о вставных конструкциях неразрывно связан с изучением ритма прозы вообще и "требуется гораздо более общей постановки"⁴. Кроме того, необходимо учитывать характер и частоту реализации данного синтаксического явления в разных функциональных стилях, а также в индивидуальном стиле конкретного автора.

Материалом для данной статьи, как указывалось выше, послужили произведения В. Пескова, опубликованные в газете "Комсомольская правда" за период 1980--1987 г.г. -- почти в каждой публикации присутствуют указанные конструкции. Остается рассмотреть причину внезапного и достаточно регулярного прерывания плавного повествования и проанализировать возникающие при этом эффекты словесно-художественного творчества.

Вставки обычно "прерывают начатое предложение добавочными пояснениями, возникающими у говорящего в процессе высказывания"⁵. "Заметить в скобках" по Словарю Ожегова толкуется как "упоминуть попутно, между прочим"⁶. Все это верно. Журналист, ограниченный объемом публикации, благодаря вставкам имеет возможность коротко, оперативно, не вдаваясь в подробности, сжато и выразительно сделать акцент на важном факте.

Однако анализ показывает, что не всегда эта функция является единственной и главной. В частности, необходимо отметить еще один аспект, который именно в публицистике играет важнейшую роль: автор выбирает такое построение для того, чтобы легче овладеть вниманием читателей и, преодолев линейность повествования, придать таким образом большую рельефность высказываемому.

Вставные конструкции, сообщая попутную информацию, одновременно деавтоматизируют повествование и таким образом становятся

средством экспрессии. Современные исследователи отмечают: именно с этим эффектом связан тот факт, что в скобки нередко попадает прямое обращение к читателю, оформленное активизирующими морфологическими формами /глагольным императивом, прямым вопросом/.

"Правда, опытный таежник не даст спровоцировать нападение. /Помните, Дерсу Узала кричал зверю: "Амба, что ре-
вешь? Моя тебя трогать нету"/. Арсеньев пишет, что Дерсу Узала вышел навстречу тигру без ружья. Зверь и человек разошлись мирно".

Таким образом, мы находим доказательство того, что вставные конструкции оказываются, по крайней мере, двуфункциональными:

- 1/ расширяют информативные границы;
- 2/ актуализируют как информацию, находящуюся в скобках /тире/, так и содержание базовой структуры.

В последнем случае вставная конструкция чаще всего размещается на границе тема/рема:

"И все же покидает берлогу медведь неохотно. Бывают случаи, выглянет /охотники говорят: "поздоровался") / и снова в берлогу".

Экспрессия достигается путем разрыва теморематического состава. Одновременно информация, высказанная как бы между прочим, также становится важной, а взгляд читателя, "спотыкаясь" о скобки, которые наряду с тире являются внешней графической приметой вставных конструкций, "тормозит", задерживая, сосредоточивая внимание на вставке.

Переходя непосредственно к анализу языковых явлений, а точнее, к попытке выделить типы вставных конструкций, характерных для творческой манеры В. Пескова, отметим, что не в самую последнюю очередь нас интересуют их стилистические ресурсы, способность придать рассказу живые авторские интонации и тем самым подчеркнуть присутствие журналиста на месте событий.

Некоторые стилистические функции вставок коротко перечислены в "Учебнике русского языка" под редакцией Д.Э. Розенталя⁷. Проиллюстрируем их примерами из произведений В. Пескова. Вставные конструкции могут служить:

- терминологическими пояснениями употребленных в предложении слов и выражений:

"Причем нередко два совершенно различных существа за длительную эволюцию так приспособились к взаимовыгодному житейскому союзу /симбиоз/, что не могут друг без друга существовать";

- риторическими вопросами:

"И вот /как объяснить это?/ сорока стала оказывать покровителю знаки внимания";

- комментариями к именам собственным:

"Равнины? Есть, великолепные тундровые равнины с речками тихими и покоряющими тебя названиями, например, Очай Ваям /Светлая вода/";

- авторскими ремарками:

"Можно назвать несколько /очень немного/ видов животных, утвердившихся на земле в результате гибридизации".

Можно было бы проиллюстрировать таким образом все десять пунктов, указанных в учебнике.

Однако чтобы понять природу явления, представляется актуальным найти сущностные характеристики его отдельных реализаций. Попробуем сделать это, используя методику анализа речевых явлений, предложенную Г.А. Золотовой⁸. В работе, посвященной анализу текста, Г.А. Золотова выделила четыре коммуникативно-речевых типа, названных ею регистрами: репродуктивный /изобразительный/, информативный, волюнтивный /побудительный/ и реактивный. Они отмечены стремлением автора найти единицы, характеризующиеся семантической целостностью и типологией средств их выражения.

Отсутствие в произведениях В. Пескова вставных конструкций, иллюстрирующих I регистр, является закономерным. Коммуникативная функция блоков изобразительного регистра заключается "в воспроизведении, репродуцировании средствами языка фрагментов действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувств говорящего, наблюдателя в едином с ним хронотопе"⁹. В экологических

зарисовках это, прежде всего, пейзаж, и, естественно, что его описание попадает в основное предложение.

Одно из ведущих мест заняла группа вставных конструкций, принадлежащих ко II регистру, коммуникативная функция которого состоит в "сообщении о явлениях действительности в отвлечении от конкретно-временной длительности и пространственной отнесенности к говорящему"¹⁰ и позволяет заключение в скобки такого рода информации. Разнообразие примеров заставляет остановиться на них подробнее. Приведем некоторые из них.

Сообщение об источнике информации:

"Только половина работников охотнадзора обеспечена транспортом. /Данные Главохоты РСФСР/".

Уточняющая информация о месте действия:

"При раскопках поселения пяти тысячелетней давности /Украина/ археологи обнаружили печь с отпечатками желудей в глине".

"Мой друг Сережа Кулигин /Приокско-террасный государственный заповедник/, подобрал к гнезду коростеля, наблюдал /.../".

Параллельные топонимы:

"Нынешний Куйбышев /Самара/, Волгоград /Царицын/, Саратов, Ульяновск /Симбирск/ основаны после войны с Казанским ханством и были опорными поселениями на Востоке".

"Вот ниже Тверь -- "во все стороны дверь" /нынешний Калинин/ -- старинный и славный город на торговых путях".

"Отсюда Афанасий Никитин дерзнул отправиться в дальние страны, и до Хвалынского моря /Каспия/ вела его Волга".

Важная историческая информация:

"Дуб долговечен. В Москве в Коломенском растут деревья, мимо которых проходило, возвращаясь с Куликовской битвы, войско Дмитрия Донского /1380 г./".

"Даже в морской соленой воде дуб сохраняется долго. Фрегат "Паллада" /тот самый, на котором путешествовал Гон-

чаров/ был затоплен на Дальнем Востоке. Недавно водолазы отыскивали и осмотрели фрегат".

Последние примеры, на наш взгляд, имеют особую ценность при работе над текстом в иностранной аудитории, так как обладают большим страноведческим потенциалом.

В анализируемом материале необходимо выделить особую подгруппу вставных конструкций, комментирующих так называемые экзотизмы, употребление которых является вполне закономерным: автор, описывая путешествия по разным странам, таким образом придает большую убедительность своим рассказам -- сам слышал то или иное иноязычное слово, вот так оно звучит в русской транскрипции.

"/.../ рыбак забирает свою добычу -- рыбу, похожую на сома, на угря с африканским названием "амкуру" /"рыба в песке"/".

III, волянтивный регистр, соответствующий самой природе публицистики, также очень продуктивен. Он "характеризуется побуждением адресата к действию"¹¹. В текстах В. Пескова читателю предлагается что-либо вспомнить, представить, сравнить, поразмышлять вместе с автором.

"Многие из животных, столкнувшись с опасностью носом к носу, пытаются утешать: ерошат перья, поднимают шерсть на загривке, выгибают спину горбом /вспомним и наше -- "волосы встали дыбом"/ и таким образом иногда заставляют противника отступить".

"И чувство Родины /обратите внимание на корни слов: род -- родник -- Родина/ прорастает, как все большое, из малого зернышка".

"В Красноярском крае некие Сухов и Сидоренко убили в прошлом году без малого сотню ондатр. /Помножьте все это на стоимость шапок, и вы ощутите размеры обогащения/".

Как видно из примеров, в последнем случае /III регистр/, в составе вводных конструкций регулярно используются односоставные предложения со сказуемым, выраженным формой либо I-го, либо II-го лица множественного числа повелительного наклонения, которые содержат в себе обращенное к читателю приглашение следовать за авто-

ром-рассказчиком.

IV, реактивная функция выражает "реакцию говорящего на коммуникативную ситуацию, обычно с оценочным моментом, выражающим положительное или отрицательное отношение к происходящему"¹². В монологической публицистической речи, по природе своей включающей голос автора-повествователя, выражаемая им оценка представляется обычно как коллективное мнение: автора и его читателей, т.е. текст строится по "законам читателя" /об этом см., например, работу В.В. Виноградова¹³/. С этой точки зрения, оценочные суждения, высказываемые в скобках, имеют значение не только авторской оценки, а коллективной: автор плюс читатель. В таких случаях широко используется эмоционально-оценочная лексика, энергичное интонационное оформление, что способствует сильному звучанию оценки. Приведем примеры.

"Стоят они /города -- уточнение мое, И.Г./ то на левом берегу, то на правом, льнут к Волге, почти всегда вытянуты вдоль нее /Волгоград на 70 километров!/, все связаны между собой водной дорогой".

"Пятнадцать-двадцать минут -- гнездо готово. В нем теплее и безопаснее. И только Бой /умелец, силач, повелитель!./ гнездо не строил".

"В мастерскую Валерий привозит капыл, которые для него оставляют на лесных складах и лесописках и которые он сам с немалым трудом /многопудовые!./ привозит из леса".

"Близость заповедника /сто метров до его границы!/, близость крупнейшего в нашей стране биологического центра Пушино /стоит на противоположном берегу Оки/ добывателей песка не смутила".

Вставную конструкцию типа "сто метров до его границы!" отметим особо: в зарисовках В. Пескова продуктивен тип, в котором обозначены пространственно-временные характеристики с использованием имен числительных. Сопровождением восклицательного знака впечатляющая сила цифр увеличивается.

Выше неоднократно указывалось на употребление восклицательного знака во вставных конструкциях как идеографического средства выражения эмоционально окрашенного отношения к сообщаемому

факту /восторг, ирония, возмущение и т.д./. Отметим и те случаи, когда "работает" один восклицательный знак.

"Но тут же стоит контрабас, на подоконнике в утюге /!/ пышно цветет герань".

"Более "рядовую" добычу -- лосей, сайгаков, оленей, косуль, медведей -- бьют повсеместно. /В Приокском крае, действуя в паре, браконьеры М. Корнеев и В. Журавский в прошлом году уложили из карабинов 33 /!/ оленя/".

"За пять лет на сто двадцать сыгранных в Бурангулове свадеб приходится лишь два /!/ развода".

Это надо понимать как выражение крайне острого чувства к из ряда вон выходящей ситуации, что в обычной речевой обстановке равно выражениям: "нет слов!", "комментарии излишни!", "за гранью понимания!". Обычно в таких случаях мы прибегаем к невербальным средствам выражения, например, разводим руками. Этот одиночный восклицательный знак, заключенный в скобки, можно было бы приравнять к указанному жесту. Уместно будет здесь привести цитату из одной газетной публикации, в которой автор пишет: "Здесь так и хочется поставить кричащий восклицательный знак в скобках"¹⁴. Читатель, "наткнувшись" в тексте на такой знак, разделяет чувство автора, фиксируя внимание на экстраординарной информации.

Подводя итоги, учтем известную истину: любая классификация -- не идеальна. Наряду с примерами, поддающимися более или менее точному распределению по регистрам, существуют и смешанные случаи, что отмечает и сама Г.А. Золотова, поднимая вопрос о "соотношении в системе языка моделей предложения с потенциальной регистровой полифункциональностью и регистрово закрепленных"¹⁵. Вернувшись к только что приведенным примерам, мы увидим, что наряду с ярко выраженным авторским отношением удельный вес информации, заключенной в скобки, тоже не мал. Например, восхищаясь упорством, силой характера художника, добывающего материал для своей творческой деятельности, автор между прочим сообщает и параметры этого материала. Возмущаясь нехозяйским, беспардонным вторжением строителей в природу, публицист сообщает, в чем состоит особая злость их поступка: заповедник-то всего в ста метрах!

Но существование такого рода смешанных, полифункциональных единиц лишь подтверждает объективность данной типологии, которая позволила сгруппировать широкий круг рассматриваемых явлений, сделав его более обозримым. Главный же вывод нашего наблюдения состоит в том, что вставные конструкции в публицистических текстах, в данном случае -- в произведениях В. Пескова, берут на себя выполнение основных задач публицистики, а именно: информировать и воздействовать.

Примечания

1. Грамматика русского языка, т. II, ч. II, Изд. АН СССР, 1954, с. 167--176.
2. А.И. Аникин. Функции вставных конструкций в современном русском языке. Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина, № 259, с. 5--44.
3. А.И. Аникин. Соотношение вводных и вставных конструкций в современном русском языке. Сборник трудов МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1975, с. 19--33.
4. О.В. Долгова. Семиотика неплавной речи. М., Высшая школа, 1978, с. 16.
5. Е.С. Скобликова. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., "Просвещение", 1979, с. 227.
6. С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., "Русский язык", 1981, с. 643.
7. Современный русский язык, под редакцией Д.Э. Розенталя. М., "Высшая школа", 1984, с. 594--595.
8. Г.А. Золотова. О перспективах синтаксических исследований. Известия АН СССР, серия Литературы и языка, 1986, т. 45, № 6, с. 500--514.
9. Г.А. Золотова. Ук. соч., с. 504.
10. Г.А. Золотова. Ук. соч., с. 505.
11. Г.А. Золотова. Ук. соч., с. 506.
12. Г.А. Золотова. Ук. соч., с. 506.
13. В.В. Виноградов. Избранные труды о языке художественной прозы. М., "Наука", 1980, с. 56.

14. "Что происходит с кино". Литературная газета, 4 января 1987 г., с. 8.
15. Г.А. Золотова. Ук. соч., с. 509⁴.

Список произведений В. Пескова, цитируемых
в статье

1. "Любовь-Камчатка", 29.11.80 г.
2. "Выстрелы ночью...", 16.04.82 г.
3. "Постоять за себя", 30.01.83 г.
4. "Рождение гномов", 1.05.84 г.
5. "Друзья по жизни", 16.09.84 г.
6. "Время ученья", 23.09.84 г.
7. "Хонорик", 7.10.84 г.
8. "Почему сохнет дуб".
9. "Ключок земли, припавший к трем березам", 21.11.84 г.
10. "Долгий сон с пробуждением", 9.12.84 г.
11. "Как живет в берлоге?", 5.01.85 г.
12. "Волга твоя и моя", 2.08.85 г.
13. "На празднике в Бурангулове", 7.12.85 г.
14. "О нем говорят...", 1.01.86 г.
15. "Дорожные узелки", 29.08.86 г.
16. "Зачем сороке часы с браслетом".

ПРАГМАТИКА И СЕМАНТИКА ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
ФОРМ ИМПЕРАТИВА

И. Крекич

1. При изучении функционирования речи Б.Ф. Скиннер жалеет об отсутствии каузального подхода; по его мнению, надо было бы обнаружить причины языкового поведения /"процессы мышления"/, надо было бы исследовать воздействия, которые язык оказывает на слушающего¹.

1.1. Самую последовательную концепцию теории речевых актов разработал Дж. Серл, который обратил внимание на то, что между языком и коммуникацией, между значением и речевыми актами имеется существенная связь. Основной единицей коммуникации он считает иллокутивный акт, который некоторые лингвисты смешивают с перлокутивным актом. Неточное понимание разницы между иллокутивным и перлокутивным актами является -- по его мнению -- главной слабостью теории значения². Недоразумения объясняются тем, что некоторые лингвисты видят в слове "force" /воздействие, сила/ только одно видовое значение. Слово "воздействие", как и русский глагол "воздействовать", имеет два видовых значения: одно имперфективное и одно перфективное. Первое относится к способу, или к степени, второе к последствию, результату воздействия, т.е. при иллокутивном акте речь идет о способе или степени воздействия, а при перлокутивном о последствии, результате воздействия императива /говорящего/ на слушающего /на адресата/. Что касается иллокутивного речевого акта, Ф. Кифер никогда не говорит об иллокутивном воздействии, а только об иллокутивном типе, или иллокутивной возможности. Термин "воздействие" он использует, к сожалению, только в связи с перлокутивным актом⁴. Иллокутивный тип, или иллокутивная возможность -- по нашему мнению -- это не что иное, как иллокутивное качество акта⁵ /как, например, просьба, приказ, совет, запрещение и т.п./, которое нельзя отожд-

дествлять с иллокутивным воздействием /с иллокутивной силой/. Но полностью можно согласиться с Ференцем Кифером, когда он утверждает, что "теория речевого акта -- это прагматическая теория, потому что ее предметом является высказывание, /речевой акт всегда предполагает говорящего/"⁶.

2. Значениями русского императива занимались многие лингвисты. Самыми известными среди них являются И.П. Мучник⁷ /1955/, Д.Н. Шмелев⁸ /1959/, О.П. Рассудова⁹ /1968/, М.А. Шелякин¹⁰ /1969/, Дж. Форсайт¹¹ /1970/, Я. Светлик¹² /1977/ и И. Пете¹³ /1980/. Наименьшее внимание уделено отрицательным формам повелительного наклонения.

3. Прежде чем приступить к анализу отрицательных повелительных форм, нам придется остановиться на одном из спорных вопросов, выдвинутом Иштваном Пете. Заслуживает внимания, что при анализе значений императива И. Пете исходит из соотношения говорящего и адресата. Жаль только, что он считает говорящего и адресата равноправными членами императивного речевого акта, когда утверждает, что оба участника речевого акта в волевом отношении могут зависеть друг от друга; по его мнению, как адресат может зависеть от воли говорящего, так и говорящий от воли адресата: "Если говорящий просит, умоляет, заклинает /т.е. говорящий зависит от воли адресата/, в утвердительных предложениях могут употребляться глаголы СВ и НСВ"¹⁴. У нас другое понимание данного явления. Мы разделяем мнение И.П. Мучника, который считает говорящего "волеизъявляющим участником" речевого акта, а слушающего адресатом волеизъявления говорящего¹⁵. Итак, императив выражает волю говорящего; говорящий выполняет иллокутивный речевой акт: оказывает воздействие на адресата, и не наоборот. Вопрос состоит только в том, как, каким образом, в какой степени воздействует говорящий на адресата, насколько, в какой мере зависит адресат от волеизъявляющего /от воли, от воздействия говорящего/, и как ведут себя в связи с этим императивы НСВ

и СВ, чем они отличаются друг от друга не только в семантическом, но и в прагматическом плане.

4. Мы подходим к изучению негированных повелительных форм с прагматической точки зрения, когда нами рассматриваются либо иллокутивные качества речевых актов, либо иллокутивное воздействие императива на адресата, а с семантической точки зрения, когда нами изучаются частные видовые позиции форм повелительного наклонения.

5. Отрицание повелительных форм НСВ осуществляется в частной видовой позиции обобщенного факта. Негированные повелительные формы НСВ в позиции обобщенного факта могут иметь либо только одну функцию /"назывную"/, либо две функции /"назывную и событийную"/¹⁶.

5.1. Качество акта просьбы с назывной функцией обобщенного факта. Назывная функция обобщенного факта осуществляется, когда говорящий просит адресата не совершать действие, потому что он считает его ненужным, излишним, нецелесообразным. На ненужность совершения действия может указывать контекстуальный индикатор "не надо". И. Пете обращает внимание на то, что императив в сочетании с отрицательными местоимениями всегда употребляется в форме несовершенного вида¹⁷. Итак, и отрицательные местоимения мы можем считать показателями назывной функции обобщенного факта негированных повелительных форм НСВ. В связи с употреблением негированных повелительных форм НСВ М.А. Шелякин и Х. Шлегель говорят об абсолютном отрицании /"die absolute Verneinung im Imperativ"/¹⁸. Негированные повелительные формы СВ можно противопоставить отрицательным повелительным формам НСВ по признакам ожидаемости/неожиданности. При употреблении негированного императива НСВ говорящий не рассчитывает на совершение действия, не ожидает его осуществления. При качествах акта просьбы, совета или запрещения с назывной функцией в семантике глагола событийной

функции вовсе нет. Действие не совершалось, не совершается и не будет совершаться, оно только названо глаголом:

/Окаемов./... И... пожалуйста, не делайте из нее певицы /А. Афиногеров. Машенька, 385/. /Христофор./ Кузя, не ходи, умоляю... /А. Арбузов. Сказки старого Арбата, 339/. -- Камилла, я не понимаю вас. Вы останетесь, -- о, не отвечайте мне ничего, -- вы останетесь еще на день хотя бы в Ферраре ... /Б. Пастернак. Апеллесова черта, 33/. Передайте большой привет брату. Не забывайте нас, заходите /Н. Артемюк. В. Санина. В гостях, 121/.

5.2. Качество акта совета с назывной функцией обобщенного факта. И при этом иллокутивном акте на назывную функцию могут указывать контекстуальные индикаторы "не надо", "без необходимости", отрицательные местоимения и наречия /"ничего", "никому", "никогда" и т.п./. Говорящий советует адресату не совершать действие, потому что он считает его ненужным, излишним или нецелесообразным. Прагматическое значение совета часто приобретает наставительный оттенок: /Кай./ Туда не ходи. Не надо /А. Арбузов. Жесткие игры, 416/. /Окаемов./ Не поддавайся, Машенька, на разные похвалы. Останься простой и милой, какой я тебя люблю и знаю... /А. Афиногенов. Машенька, 419/. Не думай и не читай на ночь ничего -- не то головка заболит /Дм. Голубков. Недуг бытия, 10/. Не улыбайся, когда охоты нет, и не плачь без надобности... -- Спасибо, дядя Трифон! /В. Астафьев. Перевал, 84/.

5.3. Качество акта запрещения с назывной функцией обобщенного факта. Говорящий не позволяет /не допускает/ адресату что-либо делать: "запрет является в сущности приказанием к неисполнению действия"¹⁹. Контекстуальными показателями назывной функции при этом качестве акта могут послужить предикативное слово "нельзя" или отрицательные местоимения и наречия. По изложенному в пунктах 5.1. и 5.2. выявляется, что иллокутивное воздействие говорящего при актах просьбы и совета

та проявляется в ослабленной мере: просьба и совет смягчают иллокутивное воздействие негированного императива на адресата. Категоричность запрещения предполагает сильное иллокутивное воздействие отрицаемого императива на слушающего: /Маша./ Не любит? Как же?... Я спрошу его, мама. /Вера./ Нет, Маша, нет. Не спрашивай. Нельзя /А. Афиногенов. Машенька, 422/. /Малиновая бабушка./ Лежи, лежи, не шевелись, нельзя тебе! /А. Бруштейн, Кнопочка, 393/. Не смей к ней подходить! /А. Вампилов. Старший сын, 113/. /Окаемов./ Никакой там чернильницы... и на столе ничего не трогайте. Это мое категорическое условие /А. Афиногенов. Машенька, 384/.

5.4. Качества акта просьбы, совета и запрещения с назывной и событийными функциями обобщенного факта. В частной видовой позиции обобщенного факта наличествует и событийная функция, когда говорящий /прося, советуя или запрещающий/ побуждает адресата к прекращению уже совершающегося действия. Назывная функция относится ко времени, наступившего после прекращения действия. В таких ситуациях, например, отрицательная повелительная форма "не плачь" имеет значение "перестань плакать". В синонимичном негированной форме /"не плачь"/ словосочетании /"перестань плакать"/ форма "перестань" несет в себе событийную функцию, а инфинитив "плакать" назывную. На прекращение действия могут указывать индикаторы "перестань", "брось" и слово "больше". /Огудалова./ Перестаньте вы, не мешайтесь не в свое дело! /А. Островский. Бесприданница, 203/. /Нюра./ Брось! Не плачь. Наверно, он тебя обидел /Л. Дмитерко. Подснежники, 23/. /Иван./ Прошу -- не спорьте больше со мной... Уезжайте! /А. Афиногенов. Накануне, 499/. Не психуй! Пропадешь! -- кричал он Борису /В. Астафьев. Пастух и пастушка, 464/. Чтобы лучше понять значение приведенных негированных пове-

лительных форм, нам придется изучить и смысловую структуру тех высказываний, в которых они встречаются, рассмотреть, какие пресуппозиции индуцируются ими. "Основным свойством пресуппозиции, отличающим ее от сообщаемого" -- пишет Н.Д. Арутюнова --, "является константность при отрицательных, вопросительных и модальных преобразованиях"²⁰. Посмотрим несколько типов предложений, обладающих одинаковыми эксплицитными и имплицитными пресуппозициями:

/1/ Утвердительное побудительное предложение:

Ты читаешь -- и читай /Л. Зорин. Конец и начало, 28/.

/2/ Отрицательное побудительное предложение:

-- Тсс, тише, не кричи /Б. Пастернак. Посторонний, 102/.

/3/ Вопросительное предложение:

Ты что шумишь? /А. Арбузов. Мой бедный Марат, 143/.

Чтобы легче отличить смысловые компоненты вышеприведенных высказываний /1/, /2/, /3/ от значений глаголов, мы попытаемся показать их на примере одного и того же глагола:

/1'/ Ты кричишь -- и кричи.

/2'/ Тсс, тише, не кричи.

Ты кричишь.

/3'/ Ты что кричишь?

Как видно, во всех трех высказываниях /1'/, /2'/, /3'/ обнаруживается одна и та же логическая прагматическая пресуппозиция: Ты кричишь. В утвердительном побудительном /1'/ и вопросительном /3'/ предложениях пресуппозиция выражена эксплицитно, а в отрицательном побудительном предложении /2'/ имплицитно. В высказывании /1'/ эксплицитная пресуппозиция: Ты кричишь; значение: продолжай кричать /не переставай кричать/. В высказывании /2'/ имплицитная пресуппозиция будет: Ты кричишь, а значение: Перестань кричать. В высказывании /3'/ эксплицитная пресуппозиция будет: Ты кри-

чишь, а значение: Перестань кричать. Анализ этих примеров наглядно показывает, что "различие между пресуппозицией и значением в собственном смысле слова проявляется, например, в том, что они по-разному реагируют на отрицание: в область действия отрицания попадает только значение, но не пресуппозиция"²¹. Высказывание /1'/ противостоит высказываниям /2'/, /3'/ по значению, а не по пресуппозициям. "Не кричи" /"перестань причать"/ сигнализирует значение, противоположное значению "кричи" /"продолжай, не переставай кричать"/. В пресуппозиции высказывания /2'/ обнаруживается имплицитное утверждение: названное действие совершается, находится в протекании. В ситуации отрицательно инвольтвированы²² либо говорящий, либо адресат или оба интерактанта. Говорящий желает эту отрицательную инвольтвированность /прося, советуя или запрещая/ прекратить: Не психуй! /Пресуппозиция: ты психуешь; значение: перестань психовать./ Пропадешь! -- кричал он Борису /В. Астафьев. Пастух и пастушка, 464/. Не бейте... Не бейте меня. Пожалуйста!... /Пресуппозиция: вы бьете меня; значение: перестаньте бить меня./ /В. Астафьев. Последний поклон, 443/. /Орлов./ Спокойно, не нервничай. /Пресуппозиция: ты нервничаешь; значение: перестань нервничать./ Ты немного больна, это пройдет /А. Афиногенов. Волчья тропа, 81/.

5.4.1. Здесь считаю уместным обратить внимание на различие употребления однонаправленных и неоднаправленных глаголов движения. Форма "не беги" всегда индуцирует пресуппозицию "ты бежишь". Отрицательная форма "не беги" выполняет одновременно две функции, назывную и событийную: Звонок! Да не беги ты, Галочка /Пресуппозиция: ты бежишь; значение: перестань бежать./ /Б. Пастернак. Лестница, 120/. Отрицательная форма "не бегай" в большинстве случаев выполняет только назывную функцию /1/, реже обе функции /назывную и событийную/ одновременно /2/, /3/. Выска-

звания /2/ и /3/ индуцируют пресуппозицию:

/1/ Туда не ходи. Не надо /А. Арбузов. Жестокие игры, 416/.

/2/ Сядь в кресло, Кузя... Не ходи так долго и все время по комнате /Пресуппозиция: Ты так долго и все время ходишь по комнате; значение: Перестань так долго и все время ходить по комнате./ А. Арбузов. Сказки старого Арбата, 318/.

/3/ Больше не ходите сюда, -- сказал он мужчине на галерее, -- ни к чему! /Пресуппозиция: Вы ходили сюда; значение: Перестаньте ходить сюда./ /Т. Дери. Снова дома, 85. Перевод Ю. Гусева/.

Иштван Пете замечает по этому поводу следующее: "слово больше указывает на возможное повторение".²³ По нашему мнению, слово "больше" в примерах, приведенных Иштваном Пете /"Смотри, не опаздывай больше на урок! и т.п./, указывает не на повторение, а на прекращение действия. Повторяемость /не "возможная", а реальная/ выражается лишь в смысловом компоненте высказывания, т.е. в логической прагматической пресуппозиции: "Ты опаздывал на урок". Говорящий предупреждая /в настойчивой, категорической форме/ просит адресата больше не опаздывать на урок. Значение примера Иштвана Пете: Смотри, перестань опаздывать на урок! /О роли частицы "смотри" см. в 5.6.3.2. пункте!/
.

5.5. Качество акта: просьба прекратить действие, выполняемое каким-либо способом. На первый план выдвигается событийная функция обобщенного факта, когда в окружении отрицательной повелительной формы выступают обстоятельства образа действия в положительной степени. В семантическом отношении значение сирконстантов как бы сливается воедино со значением негированной повелительной формы: говорящий побуждает адресата прекратить действие, выполняемое каким-либо способом. При отрицаемой повелительной форме сиркон-

станты образа действия индуцируют presupпозицию всегда:
/Ведерников./ Не смотрите на меня так укоризненно, девушка.
Я не врун... /Presupпозиция: Вы смотрите на меня укоризненно.
Значение: Перестаньте смотреть на меня так укоризненно./
/А. Арбузов. Годы странствий, 69/. /Христофор./
Прошу тебя, не рассуждай так громко, Феденька... Она все еще спит
/Presupпозиция: Ты рассуждаешь громко. Значение: Перестань
рассуждать так громко./ /А. Арбузов. Сказки старого Арбата, 337/.

5.6. Главным индикатором рассмотренных нами иллокутивных актов является форма императива, иллокутивное воздействие которой в зависимости от контекстуальных индикаторов может усиливаться.

5.6.1. Качество акта просьбы или совета с оттенком увещания. В позиции обобщенного факта иллокутивное воздействие императива может усиливаться постановкой личных местоимений /ты или вы/ перед отрицаемой формой НСВ^{24,25}. Говорящий прося, советуя, уговаривает адресата не совершать действие, стараясь образумить его. В таких ситуациях -- подчеркивает А.М. Пешковский -- говорящий желает приблизить значение императива "к увещанию"²⁶: -- Ты за хребет, девка, не бегай. Ты там останешься, я же без тебя делать буду? /В. Распутин. Последний срок, 484/. /Кабанова./ Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают /А. Островский. Гроза, 76/. /Геннадий./ На подобные грубости я не реагирую. /Влас./ Нет, нет, ты не молчи! Ты в спор вступай. Ты свое доказывай, защищайся! /А. Афиногенов. Далекое, 254/. /Кай./ Ах, Терочка... /Усмехнулся./ А доброта как же? Константинов./ А вы его не осуждайте. Не стою того. Он у меня молчалив с детства: не рассказывал об отце в подробностях. А может, стояло /А. Арбузов. Жесткие игры, 410/.

5.6.2. В позиции обобщенного факта при качестве акта просьбы или совета иллокутивное воздействие негированного императива часто подчеркивается, акцентируется /т.е. уси-

ливается/ частицами "только", "даже", "же" и глагольными формами "слышишь", "слышите": /Гараева./ Вас никто не держит. Уезжайте, куда хотите, Ксения Филипповна, только не нойте /А. Афиногенов. Накануне, 444/. /Макарская./ Я не пушу. Даже и не думай! /Бусыгин/. Зачем же так категорически /А. Вампилов. Старший сын, 76/. Ты жив, но могила обстает тебя и удушает твой ненужный дар. Не противься же. Остановись /Д. Голубков. Недуг бытия, 296/. /Галина./ Не напивайся сегодня, слышишь. /Зилов./ Ладно, ладно /А. Вампилов. Утиная охота, 155/.

5.6.3. Качества акта просьбы, совета или запрещения с оттенком предупреждения. Отрицательные формы императива НСВ довольно часто фигурируют в сочетании с глагольной частицей "смотри /смотрите/", усиливающей иллокутивное воздействие говорящего на адресата.

5.6.3.1. Отрицательные формы императива НСВ в сочетании с частицей "смотри /смотрите/" могут выступать в позиции обобщенного факта с назывной функцией, когда говорящий предупреждая просит кого-либо или советует кому-либо не выполнять действие, или запрещает кому-либо совершать действие: /Татьяна./ Смотри же, не забывай свою Танечку! /Л. Зорин. Транзит, 492/. -- Да ты смотри, Тимошка, старую баранью ногу все-таки не бросай. Еще найдутся обрезочки, на винегрет пригодятся /Н. Салтыков-Щедрин. Пешехотинская старина, 38/. /Наташа./ Ты смотри, рыб не трогай! /А. Афиногенов. Страх, 214/.

5.6.3.2. Отрицательные форма императива НСВ в сочетании с частицей "смотри /смотрите/" могут выступать в позиции обобщенного факта с событийной и назывной функциями, когда говорящий предупреждая просит кого-либо, советует или приказывает кому-либо прекратить действие. Частица "смотри", усиливающая иллокутивное воздействие императива, служит как бы сигналом прекращать действие. Такие и подобные иллокутивные акты индуцируют логическую прагматическую пресуппо-

зицию: /Врач./ Противопоказано, и очень даже. Смотри не дури /Пресуппозиция: ты дуришь; значение: перестань дуришь./ /В. Розов. В дороге, 69/. /Гребешкова./ Вас что-то гложет, Ложкин. Смотрите не поддавайтесь дурному чувству /Пресуппозиция: Вы поддаетесь дурному чувству. Значение: Прекратите поддаваться дурному чувству./ /Л. Зорин. Добряки, 166/.

Сюда примыкает пример Иштвана Пете, упомянутый в пункте 5.4.1.

6. Нам непонятно утверждение Т.В. Булыгиной, которая настаивает на том, "что значение "предостережения" могут выражать и формы глаголов несовершенного вида"²⁷. С этим утверждением Т.В. Булыгиной нам не позволяет согласиться наш материал, который показывает, что отрицательные повелительные формы НСВ в сочетании с усилительной частицей "смотри /смотрите/" сигнализируют лишь качества акта просьбы, совета или запрещения с оттенком предупреждения. Они не индуцируют эмоциональную прагматическую пресуппозицию, как это делают отрицательные повелительные формы СВ.

7. Качество акта предостережения. Иллокутивный акт предостережения осуществляется отрицательной повелительной формой СВ в частной видовой позиции конкретного факта. Говорящий /т.е. волеизъявляющий участник речевого акта/ предостерегает адресата от ожидаемого отрицательного результата действия. О.П. Рассудова оказывается права, когда она утверждает, что волевой акт предостережения вызван чувством опасения говорящего, "что данное, нежелательное действие может произойти независимо от воли действующего лица"²⁸. Говорящий испытывает опасение /чувство беспокойства/ в ожидании какого-либо возможного нежелательного результата. У него возникает установка на предохранение от этого отрицательно оцененного им результата действия. О.П. Рассудова обнаруживает в негированных повелительных формах СВ оттенок потенциальности: "Употребляя глаголы со-

вершенного вида, говорящий обращает внимание своего собеседника на возможность, допустимость такого действия и предостерегает его"²⁹. М.А. Шелякин об этом высказывается по-другому: "Так, характер грамматической семантики императива таков, что им нельзя выразить потенциальные действия"³⁰. На наш взгляд, оттенок потенциальности в этих конструкциях действительно существует, но только в качестве пресуппозиции /в качестве смыслового компонента высказывания/, не входящей в структуру значения отрицательной формы императива СВ. Высказывания "К обеду не опоздай!", "Смотри не упади" индуцируют /вызывают в мышлении говорящего/ эмоциональную прагматическую пресуппозицию: Боюсь /опасаюсь, беспокоюсь/, что действие может осуществиться.

При акте предостережения, вызванном чувством опасения, говорящий всегда оказывает сильное иллокутивное воздействие на адресата. Это сильное иллокутивное воздействие негированного императива СВ может еще подчеркиваться, акцентироваться усилительными частицами "смотри /смотрите/", "только", "же" или постановкой личных местоимений /"ты", "вы"/ перед отрицательной формой СВ: /Анна./ Лети, что делать. Не загуляй там. /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь загулять там./ /Варя./ Не бойся, тетя Нюра. У нас -- режим /Л. Зорин. Стресс, 600/. /Казаков./ Та-ак. Не просчитайся. /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь просчитаться./ Я долги с процентами плачу /Л. Зорин. Конец и начало, 58/. /Герд./ Стоп! Давайте теперь прослушаем запись. Перемотай пленку назад. Смотри только, не сотри запись /Пресуппозиция: Боюсь, беспокоюсь, ты можешь стереть запись./ /Вернер./ Не беспокойся. Готово! /Н. Артемюк. В. Санина. В гостях, 119/. /Бабушка Ульяна./ А по мне так: иди ищи свою правду, мы не держим. Только в лужу не угоди и гордость не замарай /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь в лужу угодить и гордость замазать./ /Д. Девятов. Родник в степи, 21/. /Фросин./ Ты --

на охоте. Не спугни же дичь! /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь спугнуть дичь./ /А. Бруштейн. Тристан и Изольда, 122/. /Марат./ Ты про цирк, смотри, не забудь /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь забыть про цирк./ /А. Афиногеров. Мать своих детей, 334/.

7.1. В пункте 5.1. мы противопоставляли отрицательные формы СВ и НСВ по признакам ожидаемости/неожидаемости. Речь идет о релятивном отрицании: нежелательные последствия действия предвидимы и ожидаемы говорящим³¹. Не случайно, что такие предостерегательные акты часто передаются и утвердительной формой простого будущего в частной видовой позиции конкретного факта: Смотри, просчитаешься! /Ср. Смотри не просчитайся! Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь просчитаться./ /А. Софронов. Сердце не прощает, 43/. /Топилин./ Смотри, захлебнешься, фельдшер. /Коньков./ Соленого поел /Ср. Смотри не захлебнись, фельдшер. Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь захлебнуться./ /А. Софронов. Сердце не прощает, 23/.

Из приведенных примеров видно, что высказывания, выраженные утвердительной формой простого будущего, индуцируют ту же эмоциональную прагматическую пресуппозицию, что и высказывания, выраженные отрицательными формами императива СВ.

7.2. Говорящий может опасаться либо за адресата, либо за себя. О волевом акте предостережения можно говорить только в тех случаях, когда говорящий опасается за адресата. Качество акта предостережения передается главным образом неагентивными глаголами, обозначающими неконтролируемые адресатом действия³² /пожалеть, обгореть, забыть, проговориться, влюбиться, загулять, простудиться, захлебнуться, упасть, расшибиться, просчитаться и т.п./. Они сигнализируют события, не зависящие от воли адресата: Смотри, не влюбись в нее, у нее ведь есть жених /Пресуппозиция: /Боюсь, ты можешь влюбиться в нее./ /Н. Артемюк. В. Санина. В гостях, 115/. Ты поброди покудова с Прохором. К обеду не

опоздай! /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь опоздать к обеду./ /Д. Голубков. Недуг бытия, 19/. Смотри не простудись тут! /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь простудиться тут./ /Т. Дери. Филемон и Бавкида, 95. Перевод В. Середы/.

Важно отметить все-таки, что качество акта предостережения могут сигнализировать и так называемые агентивные глаголы, как например: отдать, выйти, стереть, спугнуть, перевернуть и т.п. /Об этом см. подробнее в пункте 9./

8. Качество акта просьбы. Когда говорящий опасается за себя, он просит адресата не приводить его в отрицательное положение /состояние/. В этих конструкциях речь не может идти о качестве акта предостережения, так как некого предостерегать от чего-либо, когда говорящий опасается только за себя. Стоит отметить, что в таких ситуациях при отрицательных формах императива СВ не используется частица "смотри /смотрите/": /Константинов./ Не откажи... Шарфик тебе купил. Холода идут /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь мне отказать.../ /А. Арбузов. Жестокие игры, 371/. /Борис./ Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: "Батюшки, не рассердите! голубчики, не рассердите!" /Пресуппозиция: Боюсь, вы можете рассердить меня./ /А. Островский. Гроза, 28/. /Несчастливцев./ Не откажите /Пресуппозиция: Боюсь, вы можете мне отказать.../, когда буду нуждаться, а теперь мне не нужны деньги, я богат /А. Островский. Лес, 145/. Друзья! Не оставьте меня и отечество! /Пресуппозиция: Боюсь, вы можете оставить меня.../ /Н. Карамзин. Письмо русского путешественника, 349/. /Бодаев./ Извините! Не об вас речь. Вы не рассердитесь, пожалуйста! /Пресуппозиция: Боюсь, вы можете рассердиться на меня./ /А. Островский. Лес, 102/.

9. Трудно согласиться с Т.В. Булыгиной, по мнению которой употребление отрицательных повелительных форм СВ, образованных от агентивных глаголов невозможно "даже по

отношению к конкретному одноактному действию"... "Существенно, однако" -- пишет Булыгина --, "что агентивные глаголы совершенного вида в отрицательных императивных конструкциях вообще невозможны"³³. Наш материал показывает, что агентивные глаголы, выражающие контролируемые адресатом действия, в зависимости от конситуации тоже могут приобретать значение предостережения, вызванного чувством опасения, беспокойства говорящего. Говорящий предостерегает адресата от совершения нежелательного в первую очередь для него /для говорящего/ действия. Он считает агентивное действие по ошибке /по рассеянности, забывчивости, невнимательности/ адресата возможным, ожидаемым. Отрицательная оценка действия адресата вызывает у говорящего чувство опасения, беспокойства; у него возникает установка на предотвращение нежелательного для него или для адресата действия. Эмоциональная заряженность отрицательной повелительной формы СВ усиливает иллюкутивное воздействие говорящего на адресата: /Еремеев./ Бумагу Валентине отдай. Другому не отдай. /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь другому отдать./ /Каткина./ Ладно, ладно /А. Вампилов. Прошлым летом в Чулимске, 324/. А что будет осенью, зимой? Мысленно представила те многодневные злые бураны, какие подуют здесь в феврале и марте. Не выйди на улицу /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь выйти на улицу./ /А. Кожевников. Живая вода, 236/. /Даня./ Круче, Софья Александровна! /Варвара Иванова./ Стулья только не переверни /Пресуппозиция: Боюсь, ты можешь стулья перевернуть./ /Д. Щеглов. День рождения, 15/. /Герд./ Стоп! Давайте теперь прослушаем запись. Перемотай пленку назад. Смотри только, не сотри запись /Пресуппозиция: Боюсь, беспокоюсь, ты можешь стереть запись./ /Вернер./ Не беспокойся, готово! /Н. Артемюк. В. Санина. В гостях, 119/. /Фросин./ ... Ты -- на охоте. Не спугни же

дичь! /Пресуппозиция: Боясь, ты можешь спугнуть дичь./
/А. Бруштейн. Тристан и Изольда, 122/.

Как видно, употребление агентивных глаголов в предостерегательных конструкциях зависит всегда от конситуации /от контекста и ситуации/. Важно, считает ли говорящий ожидаемое им агентивное действие нежелательным и поэтому предотвратимым, испытывает ли говорящий чувство опасения, беспокойства по отношению к действию адресата, оцененному им отрицательно.

10. Сравнив употребление отрицательных повелительных форм несовершенного вида с формами совершенного вида, мы можем установить, что императивы НСВ как в семантическом, так и в прагматическом отношении ведут себя "либерально" / \pm /, а императивы СВ "нелиберально" /+/. Посмотрим, в чем проявляется это поведение отрицательных повелительных форм.

10.1. С семантической стороны важно отметить, что в привативной позиции глаголов СВ и НСВ маркированным, положительным членом считается глагол СВ, передающий действие "в своей неделимой целостности". Глаголы СВ в своей семантике в любом контексте сохраняют признак целостности. Как синтаксические, так и семантические возможности у глаголов СВ более определены, более узки, чем у глаголов НСВ, составляющих слабый член оппозиции. Категориальное видовое значение глаголов НСВ "нецелостность" может перейти и в свою противоположность: в зависимости от вербального или ситуативного контекста НСВ могут выражать и целостные действия /например, в частной видовой позиции обобщенного факта или в плане исторического настоящего/. Формулу глаголов СВ в семантическом плане можно обозначать знаком + /плюс/, а формулу глаголов НСВ -- знаками \pm /плюс -- минус/.

10.2. "Либеральное" / \pm / поведение имперфективных повелительных форм характерно не только для категориальных значений, рассмотренных с семантической точки зрения, но

и для прагматических: повелительные формы НСВ /как утвердительные, так и отрицательные/ способны выражать иллюкутивное воздействие не только в слабой, но и в сильной степени. В прагматическом отношении их формула обозначается также знаками \pm /плюс -- минус/. Повелительная /как утвердительная, так и отрицательная/ форма СВ в отличие от формы НСВ оказывает всегда сильное иллюкутивное воздействие на адресата, ведет себя "нелиберально". А это сильное иллюкутивное воздействие императива СВ предполагает концентрированное в волевом отношении глагольное действие. Употреблением повелительной формы СВ при отрицании говорящий сосредоточивает свое внимание на предотвращении отрицательного результата действия. Эмоциональная насыщенность /заряженность/ негированной повелительной формы совершенного вида усиливает иллюкутивное воздействие говорящего на адресата. Таким образом, мы предполагаем, что с прагматической точки зрения формулу отрицательных повелительных форм СВ можно обозначать знаком + /плюс/.

10.3. Отрицательные повелительные формы СВ противопоставляются отрицательным повелительным формам НСВ по признакам ожидаемости/неожидаемости. Признак ожидаемости предполагает употребление отрицательной повелительной формы СВ в частной видовой позиции конкретного факта, а признак неожиданности -- употребление отрицательной повелительной формы НСВ в частной видовой позиции обобщенного факта. Негированные повелительные формы СВ могут образовываться как от неагентивных, так и от агентивных глаголов всегда только при наличии эмоциональной прагматической пресуппозиции, выражающей опасение /беспокойство/ говорящего в ожидании какого-либо отрицательного результата /беды, неприятности и т.п./. У говорящего лица, оценивающего возможное и ожидаемое действие адресата отрицательно, возникает установка на предотвращение этого действия. Отрицательные повелительные формы НСВ никогда не индуцируют эмоциональной прагматической пресуппозиции, они способны индуцировать лишь логическую прагматическую пресуппозицию.

Примечания

1. B.F. Skinner. Eine funktionale Analyse sprachlichen Verhaltens. -- In: Programmiertes Lernen und Lehrmaschinen. Braunschweig, 1970, S. 148--149.
2. J.R. Searle. A beszédaktus mint kommunikáció. -- In: Kommunikáció I. Válogatott tanulmányok. Bp., Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1977, 260. p.
3. Известно высказывание Серла о том, что намеренные воздействия говорящего -- это иллокутивные, а не перлокутивные воздействия /"illokució és nem perlokució hatások" -- перевод Чабы Пле / Pléh Csabá/. -- см. J.R. Searle. Указ. соч., с. 261.
4. Kiefer Ferenc. Szemantika vagy pragmatika? -- In: Nyelvtudományi Közlemények, 86. kötet, 1. szám. Bp., 1984, 7--8. p.
5. Термин "Aktqualität" /"качество акта"/ использует А. Лейст; см. A. Leist. Zur Internationalität von Sprechhandlungen. -- In: Linguistische Pragmatik. Frankfurt/M., Athenäum, 1972, S. 79.
6. Kiefer Ferenc. Указ. соч., с. 8.
7. И.П. Мучник. О значениях форм повелительного наклонения в современном русском языке. -- Ученые записки Московского областного педагогического института. т. XXXII, вып. 2, 1955, с. 13--35.
8. Д.Н. Шмелев. О значении вида в повелительном наклонении. -- РЯШ, № 4, 1959, с. 13--17.
9. О.П. Рассудова. Употребление видов глагола в русском языке. -- Изд-во Московского университета, 1968, с. 3--140.
10. М.А. Шелякин. Употребление вида в повелительном наклонении русского языка. -- In: Fremdsprachenunterricht, 1969, № 9, с. 374--380.
11. J. Forsyth. A Grammar of Aspect. Usage and Meaning in the Russian Verb. -- Cambridge University Press, 1970, pp. 1--386.
12. Ян Светлик. О структурных типах императивных предложений в русском и словацком языках. -- In: Zborník Katedry ruského jazyka a literatury Filozofickej fakulty Univerzity Komenského k 30. výročiu vzniku katedry. 1977, с. 5--34.
13. И. Пете. Некоторые замечания о структурных и семантических типах глагольных побудительных предложений в русском языке. -- In: Slavica Slovaca, 1980/1, с. 75--87.
14. И. Пете. Указ. соч., с. 85.
15. И.П. Мучник. Указ. соч., с. 17.

16. О терминах "назывная и событийная функции обобщенного факта" см. в кн.: А.В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. -- Ленинград, "Наука", 1983, с. 160--189.
17. И. Пете. Видовое противопоставление глаголов в повелительном наклонении. -- РЯНШ, № 6, 1976, с. 72.
18. М.А. Scheljakin -- Н. Schlegel. Der Gebrauch des russischen Verbalaspekts. Teil I. Potsdam, Pädagogische Hochschule, 1970, S. 195.
19. А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка. Часть вторая. Братислава. Изд-во Словацкой академии наук, 1960, с. 495.
20. Н.Д. Арутюнова. Понятие пресуппозиции в лингвистике. -- Известия Академии наук СЛЯ, т. XXXII, вып. I, 1973, с. 85.
21. Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., "Наука", 1974, с. 29.
22. "Чувствовать -- значит быть в чем-либо мнвольвированным" -- см. Heller Ágnes. Az ösztönök. Az érzelmek elmélete. /Инстинкты. Теория чувств/. Budapest, "Gondolat", 138. p.
23. И. Пете. Видовое противопоставление глаголов в повелительном наклонении. -- РЯНШ, № 6, 1976, с. 72.
24. А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., Учпедгиз. Второе изд., 1941, с. 483.
25. Мы как раз, конечно, не имеем в виду тех личных местоимений /"ты", "вы"/, которые в предложении поставлены препозитивно или постпозитивно по отношению к императивной форме "для логического ударения на названии действующего лица и противопоставления его говорящему лицу". -- См. И.П. Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., "Наука", 1971, с. 163.
26. А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., Учпедгиз, 1956, с. 185.
27. Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке. -- В сб.: Семантические типы предикатов. М., "Наука", 1982, с. 73--74.
28. О.П. Рассудова. Указ. соч., с. 112.
29. О.П. Рассудова. Там же, с. 112.
30. М.А. Шелякин. Указ. соч., с. 374.
31. М.А. Scheljakin -- Н. Schlegel. Указ. соч., с. 194.
32. Т.В. Булыгина. Указ. соч., с. 80.
33. Т.В. Булыгина. Указ. соч., с. 75--76.

УРОВНИ РЕАЛИЗАЦИИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

К. Фабриц

1. Машинный перевод представляет собой раздел вычислительной лингвистики. Вычислительная лингвистика, в свою очередь, есть часть языкознания /частного и общего/, изучающая системы для понимания и порождения естественного языка, осуществляющихся и осуществляемых при помощи ЭВМ.

Данная область лингвистики, называемая также "инженерная лингвистика", преследует как практические, так и теоретические цели. К практическим целям вычислительной лингвистики относятся машинный перевод, автоматизация обработки информации, составление автоматических словарей, а также создание интерактивных систем с ориентацией на все большее использование естественного языка для работы с ЭВМ.

Что касается теоретических стремлений в вычислительной лингвистике, то они прежде всего сводятся к трем направлениям. Во-первых, теоретики вычислительной лингвистики считают ЭВМ удобным /или, по крайней мере, более удобным, чем традиционные/ средством проверки состоятельности различных грамматик: при помощи ЭВМ сравнительно легко и, что не менее важно, объективно можно провести тесты в связи с различными правилами, например, порождения предложения¹. Во-вторых, с начала семидесятых годов стали вырабатываться основные положения в области "представления знаний". Представление знаний -- это конструирование такой системы, которая способна использовать различные моменты общих для людей процессов мышления. Система представления знаний опирается на операции, имеющие место в решении самых разнообразных задач. Комплекс операций, ведущих к верному и наиболее оптимальному решению задач, лежит в основе исследований по искусственному интеллекту², одной из интереснейших областей сочетания человеческого мышления, проявляющегося в естественном языке, электронно-вычислительной машины, созданной в результате изысканий человека, и

"повседневной жизни", ставящей в своей комплексности ряд задач, решение которых в силу сложности явлений представляется реально возможным лишь с помощью указанного сочетания. В-третьих, теоретическая вычислительная лингвистика изучает вопросы создания моделей, применяемых для описания тех психологических процессов, которые лежат в основе языкового понимания³. Как представление знаний выходит за пределы "собственного" языкознания /которое, между прочим, и до сих пор характеризовалось постоянным расширением круга исследуемых им вопросов/ и соприкасается с областью искусственного интеллекта, так и моделирование языкового понимания имеет отношение к новой дисциплине. Моделирование понимания, разработка которого вовлекает, кроме лингвистов, также и психологов, философов и других ученых, представляет собой предмет когнитивной науки. /См. схему 1./

Разумеется, практические исследования проходят в неразрывном соотношении с теоретическими. Те грамматические теории, которые оказываются более пригодными для имплементации в программе в силу их правильной формализованности и надежной в ходе верификации работы, оцениваются как более состоятельные, чем теории, формальное доказание которых затрудняется из-за недостаточной их разработанности, или же непригодности в целом.

Это заключение особенно действительно по отношению к машинному переводу, отличающемуся своей многоплановостью. В ходе построения системы машинного перевода должны быть учтены концепции различных языковых теорий. Многие лингвисты придерживаются мнения, что машинный перевод -- это не что иное, как задача сугубо практическая, решение которой не должно выходить за рамки программирования практических сведений о фактах той или иной пары языков. Думается, что сущность известной неполноты систем машинного перевода, отсутствие у них полного автоматизма заключается не столько в объективных причинах несовершенности технического оборудования /трудности такого характера все быстрее снимаются за счет появления более мощных ЭВМ и более развитых методов хранения огромных массивов информации/, сколько в "субъективных", сугубо языковедческих моментах, таких, как сложная взаимосвязанность явлений

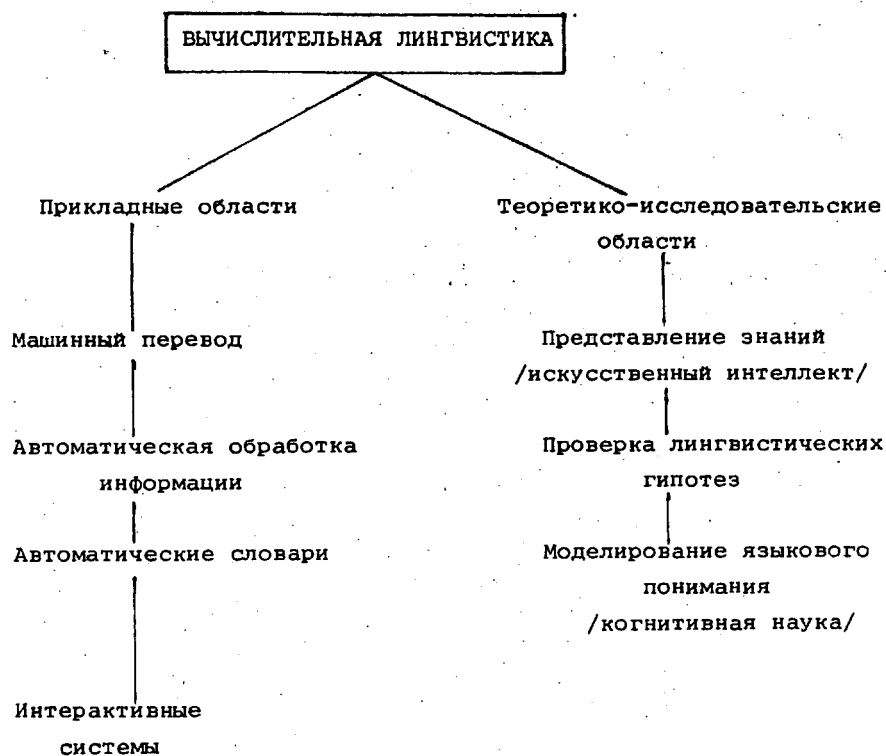

Схема 1. Предметные области исследований по вычислительной лингвистике.

разнообразных языковых ярусов, отсутствие полной структурированности языковых средств передачи информации, а также отсутствие "точных" и всеобъемлющих теорий, допускающих максимальную формализацию данных и сведений о языке.

Подобная формализация может быть достигнута лишь в результате такого, весьма сложного и трудоемкого представления информации о языке, которое предполагает иерархизацию и параллельную структуризацию всего массива языковых сведений. Цель настоящей работы и состоит в том, чтобы коротко описать архитектуру вырабатываемой в Сегедском университете системы машинного перевода.

2. Машинный перевод начался в США в 1947-ом году. За сорок лет своего развития машинный перевод прошел нелегкий путь. На смену энтузиазму, вызванному мыслью о возможности быстрого достижения высококачественного автоматизированного перевода, в середине шестидесятых годов пришло огорчение и разочарование исследователей, постепенно осознавших чрезмерную сложность решаемой задачи⁴. Несмотря на кризис машинного перевода в США, в других странах данная проблематика продолжала разрабатываться. Особенно высокого уровня достигли проекты по машинному переводу в Западной Европе, Советском Союзе и Японии⁵. Вплоть до конца семидесятых годов машинный перевод ценился в кругу лингвистов прежде всего потому, что он послужил первым толчком к возникновению области вычислительной лингвистики в целом. Ныне интерес к машинному переводу вновь возрос благодаря тому, что результат, который можно ожидать от работающих систем автоматизированного перевода, для специалистов информационной промышленности является небезынтересным в финансовом отношении.

В настоящее время машинный перевод как область вычислительной лингвистики характеризуется комплексом собственно лингвистических, алгоритмизационных и программных задач. Установление взаимосвязи этих задач, распределение представления различных сведений в процессе перевода играют решающую роль с точки зрения успешности работы системы перевода. Из названных кругов задач здесь

коснемся первого и второго: программный элемент в архитектуре системы перевода носит сугубо практический характер. Иерархизацию задач, связанных с реализацией машинного перевода, схематически можно изобразить так:

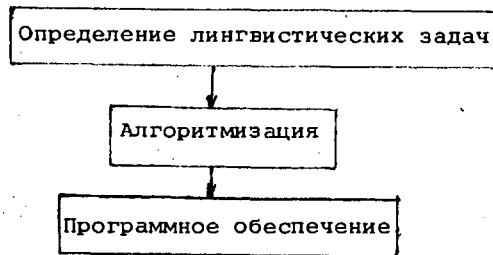

Схема 2. Иерархия задач для реализации машинного перевода

Определение лингвистических задач состоит в основном в группировании сведений, связанных с языком и процессом перевода, на различные уровни. Это обозначает детализацию всей информации, с использованием которой осуществляется перенос содержания текста с одного языка на другой /или другие/. Вслед за представлением всевозможных лингвистических сведений идет работа алгоритмизации, т.е. организации полученных сведений с целью их "упорядочения" в такой форме, согласно которой и становится возможным запрограммирование алгоритмов и алгоритмизированных операций для последующей обработки машиной переводимого текста.

3.1. В кругу лингвистических задач при подготовке языкового материала для машинного перевода выделяются, с одной стороны, задачи лексикографические /тезаурусные/, морфологические, синтаксические и семантические, а с другой стороны, -- задачи переводческие.

Что касается лексикографических задач, то здесь наблюдается тенденция стремления к наиболее полному представлению информации

всевозможных языковых сведений, связанных с появлением той или иной лексемы⁶. Автоматический словарь, таким образом, представляет собой базу, на которой строится вся система машинного перевода. Такой словарь содержит, кроме самих лексем, различные указания на "поведение" определенного слова в парадигматическом и синтагматическом отношении к другим словам. Структура автоматического словаря разбивается в отдельных системах машинного перевода⁷, характерным в настоящее время является появление, кроме базисного словаря исходного языка, также и специального словаря, задача которого состоит в снятии большой доли двусмысленности слов или словоупотреблений. Такие специальные словари работают на основе информации, получаемой о своеобразии сочетания слова с другими словами. Подобный словарь, называемый "контекстологическим", имеется в системе Ю.Н. Марчука "АМПАР", по утверждению которого данный словарь гарантирует 95 %-е решение двусмысленностей⁸.

Основное отличие машинного словаря от словарей двуязычных заключается в своеобразном распределении слов по различным категориям. Соответствующая требованиям машинного перевода классификация слов во входном языке -- решающий шаг по пути к надежной системе. Входной словарь представляет лексику входного языка в таком виде, который позволяет работать с этим фондом на всех уровнях реализации машинного перевода. Для этого требуется снабжение отдельных лексем такими элементами лингвистических сведений в форме цифровых кодов, которые обеспечивают нужный и достаточный запас информации для последующей работы.

На основе словарной информации входного машинного словаря строятся этапы как морфологического, синтаксического, семантического анализа, так и нахождения переводных эквивалентов. Это означает, что лексема, представленная в "полном" виде во входном словаре, должна быть дополнена таким набором кодов, который окажется пригодным для манипуляции на последующих этапах. При этом следует иметь в виду, что те "пучки" информации, которые приписываются к

отдельным лексемам, используются на различных этапах целиком. Так, информация о принадлежности одной лексемы к разряду существительных, будет рекурсивно использована в ходе морфологического, синтаксического и т.д. анализа. Если данное существительное /скажем, scale/ в анализируемом тексте выступает во множественном числе, то информация о правилах употребления данного слова в этой форме числа будет использоваться не только на уровне морфологии и синтаксиса, но также и на уровне семантики, который в архитектуре машинного перевода выступает как высший уровень анализа текста на входном языке.

Итак, составление информационных пучков преследует комплекс целей, главной из которых является обеспечение нужных для обработки текста лингвистических сведений, позволяющих механизацию разноуровневых анализов.

Значение составления информационных пучков, а также полнота и общая приемлемость прилагаемых к лексемам пучков проявляются на различных уровнях по-разному.

3.1.1. На уровне лексики пучок как придаток к словам имеет опосредованное значение. Роль автоматического словаря сводится к выполнению следующих задач: содержать ту лексику входного /и выходного/ языка, при помощи которой осуществляется основная масса передачи информации /см. в этом отношении проблематику подязыка⁹/; обеспечить распознавание лексем входного текста; осуществить трансфер /переход/ первого уровня с входного языка на выходной. Последняя задача, т.е. предварительный /частичный/ перевод лексем входного языка на выходной язык, выполняется как раз при использовании информационных пучков.

Как известно, непосредственный перевод /дословный перевод/ одной лексемы, ее замещение лексемой выходного языка представляет собой сущность первых систем машинного перевода. Ошибочность такого упрощенного подхода к проблемам межъязыковых соответствий вскоре осозналась, а впоследствии системы машинного перевода стали применять принцип помещения в процесс перевода некоей промежуточной фазы, в рамках которой происходит "избавление" вход-

ного текста от трудностей, вызванных спецификой входного языка.

Однако в настоящее время наблюдается тенденция к возвращению включения непосредственного перевода в процесс автоматизированного перевода. Это вызвано, с одной стороны, тем, что степень сложности систем автоматических словарей настолько высока, что работа с ними без их упрощения становится весьма медленной. С другой стороны, в процесс перевода желательно ввести по возможности больше контрольных средств для определенной "самопроверки" приемлемости перевода¹⁰. Одним средством такой проверки может служить проверка по информационным пучкам. Таким образом достигается некоторое убыстрение процесса перевода вместе с большей степенью его адекватности.

Перевод лексический выполняет в системе машинного перевода две функции: во-первых, после распознавания лексем входного языка обеспечивается предварительный перевод; во-вторых, благодаря данному представлению лексики в процесс перевода включается проверочное средство, работающее на основе принципа предпочтения /статистической вероятности/.

3.1.2. На уровне морфологии и информационный пучок выступает как ориентир для морфологического анализа. Анализ ведется с целью определения машиной актуальной структуры состава слова. Так, на основе сведений, полученных от словарных форм лексем, производится сегментация словоупотребления на составные элементы, отделяются корни и аффиксы, определяются типы чередований и т.п. Часть результатов морфологического анализа переходит в трансфер для морфологического порождения выходных словоформ, а другая часть информации морфологического анализа встраивается в информационный пучок и передается на синтаксический анализ. Роль морфологического анализа в случае английского языка не настолько значительна, насколько она важна для генерации венгерских словоформ. Этим обстоятельством объясняется определенное отсутствие баланса между английским и венгерским морфологическими уровнями: малоразвитый в отношении морфологической структуры английский язык на этом уровне дает мало информации по сравнению с той долей информации, которая может быть

извлечена в ходе синтаксического анализа.

По сути дела, морфологический анализ английского языка в целом занимает сравнительно мало места в комплексе анализов на различных уровнях. Объем английской морфологии не превышает размера той части венгерской морфологии, в рамках которой решается проблематика объектного и субъектного спряжения глаголов. Венгерская морфология, наоборот, представляет собой систему с высокой степенью сложности. Она обусловлена не только спецификой агглютинативности венгерского языка, но также и тем, что морфологическая ступень генерации есть последняя фаза перевода, где получается конечная форма выходного текста.

Этим объясняется упомянутое отсутствие баланса, которое налагает большие трудности на конструкцию системы машинного перевода /см. в связи с этим раздел об алгоритмизации. "3.2"/.

3.1.3. У р о в е н ь с и н т а к с и ч е с к и й в случае английского языка предполагает анализ самых разнообразных явлений. На этом уровне вскрывается структура синтагм и предложений. Здесь решаются проблемы распознавания границ синтагм на основе грамматического анализа, являющегося некоторым амалгамом систем Винограда, Маркуса и Н. Сайгер¹¹.

Хотя систему синтаксического анализа /и генерации венгерских предложений/ нельзя считать завершенной, относительно основных характерных черт машинного синтаксиса мы уже в состоянии высказаться.

Благодаря большой степени информативности лексем, снабженных в машинном словаре указанным информационным пучком, синтаксический анализ проходит слева направо на основе заложенных в памяти ЭВМ правил синтаксического построения с учетом актуально релевантных пучков. В настоящее время синтаксический анализ распространяется на три слова /или эквивалента слова/, то есть анализ охватывает синтаксические связи не более, чем между тремя словами¹². Те конструкции, синтаксическая принадлежность которых на основе трехсловных единиц не выявляется, попадают на семантический анализ. Трехсловный анализ, однако, в подавляющем боль-

шинстве случаев оказывается достаточным для определения синтаксических связей внутри синтагм и предложений. Такой подход синтаксического анализа называется "детерминистским" на том основании, что в данном случае нет повторных возвращений к уже проанализированным единицам. Для этого требуется довольно обширное представление возможных комбинаций компонентов синтаксических конструкций. Работа над актуальным рядом слов поэтому базируется, с одной стороны, на детальное описание правил возможных синтаксических построений и, с другой стороны, на информационные пучки.

О приемлемости детерминистского подхода к синтаксическому анализу ведутся споры¹³. Здесь мы ограничимся всего лишь замечанием о том, что детерминистский подход с точки зрения машинного перевода представляется предпочтительным прежде всего потому, что при его применении снимаются затраты времени на различные недетерминистские операции /нет рекурсивных "проскоков", повторных анализов в случае заблуждений из-за омоничности конструкции и т.д./.

Замысел детерминистского подхода в тривиальном случае состоит в том, что при обеспечении полного набора правил, применяемых к описанию синтаксических отношений, пословно проходя по предложению, чем дальше мы отходим от левой границы предложения, тем меньше остается потенциально возможных конструкций, применительно к пройденной и оставшейся частям данного предложения.

При порождении структуры получаемого венгерского предложения используется не только сведение о синтаксисе актуального английского предложения, но также и информация, полученная от последней ступени анализа английских входных предложений об их семантических особенностях.

3.1.4. На уровне семантического анализа извлекается информация о таких релевантных свойствах данного предложения, как прономинализация, восполнение различных типов эллипсисов и т.д. Данные типы анализа можно назвать "синтаксико-семантическими". Их задача заключается в особом рода "постсинтаксическом" анализе, направленном на обеспе-

чении приписания синтаксической структуры таким конструкциям, которые на предыдущем уровне анализа оказались неопределимыми. Так, напр.; предложение

/1/ What did the man and the woman come all this way here for?

/Зачем мужчина и женщина прошли всю эту дорогу сюда?/

содержит две пары слов /обозначенные "——" и "——"/, из которых одна /"——"/ ускользает из "рук" синтаксического анализа. Неспособность синтаксического анализа правильно разобрать данное /"——"/ сочетание объясняется тем, что использованный в ходе анализа структуры предложения "буффер" работает в указанном трехсловном режиме. Из этого следует, что первая пара /"——"/ "распознается" в ходе анализа, тогда как вторая "избегает" отождествления с заданной той или иной структурой /см. схему 2/.

Спецификой семантики данной системы англо-венгерского машинного перевода, однако, является не синтаксико-семантический анализ, а модульная семантическая репрезентация содержания входного предложения. В основе такой репрезентации лежит определенная семантическая запись, при помощи которой как бы переписывается содержание входного предложения в виде модуля или модулей, связываемого или связываемых с другими модулями репрезентации для представления "общего" абстрактного смысла текста.

Стремлений в этом плане повышения качества машинного перевода немало. Имеются попытки переп¹⁴си содержания входного текста в определенный семантический метаязык. Преимущество такого подхода сказывается в том, что на абстрактном уровне осуществляется определенное "понимание" содержания входного текста. Это значит, что в ходе генерации выходного текста в основу данного процесса можно поставить общий абстрактный смысл, который впоследствии выступает средством, управляющим процессом генерации. Далее, из такого подхода следует, что возникает возможность пе-

ревода на любой язык, а эта положительная черта высоко оценивается при конструировании таких систем, которые служат для перевода с нескольких языков на несколько языков¹⁵.

С другой стороны, моделирование понимания текста, основанное на лексико-грамматическом своеобразии конкретного входного текста, предполагает весьма сложную конструкцию такой системы, требует огромных затрат времени и сил, не говоря о необходимости более глубокого понимания когнитивных процессов, заключенных в лексико-грамматической системе языка.

В свете вышесказанного машинный перевод при его автоматическом осуществлении предстает как комплекс знаний о фактах языков, психологических процессов понимания текстов и представления их в виде переводов, о возможностях и границах использования экспертных систем и применении искусственного интеллекта, а также о связанных с этими задачами вопросах алгоритмизации и программирования.

3.2. Что касается вопросов алгоритмизации процесса машинного перевода, то на данном уровне осуществляется организация работы, предполагающей автоматическое выполнение всех процессов с момента ввода английского текста до получения его венгерского перевода.

Алгоритмизация при машинном переводе проводится в двух планах. Во-первых, создаются алгоритмы тех языковых данных, которые в процессе перевода составляют различные банки данных, содержащие описания языковых фактов в зафиксированном виде. Сюда относятся различные словари с лексическим или лексико-грамматическим материалом, а также самые разнообразные банки правил для анализа и синтеза на различных уровнях реализации машинного перевода. Эти алгоритмы вместе должны снабжать систему перевода полным материалом для реализации всевозможных операций, направленных на "обработку" входного текста с целью получения выходного. Эти операции облекаются в форму таких алгоритмов, которые обеспечивают динамику обработки¹⁶.

Алгоритмизация в построении систем машинного перевода осно-

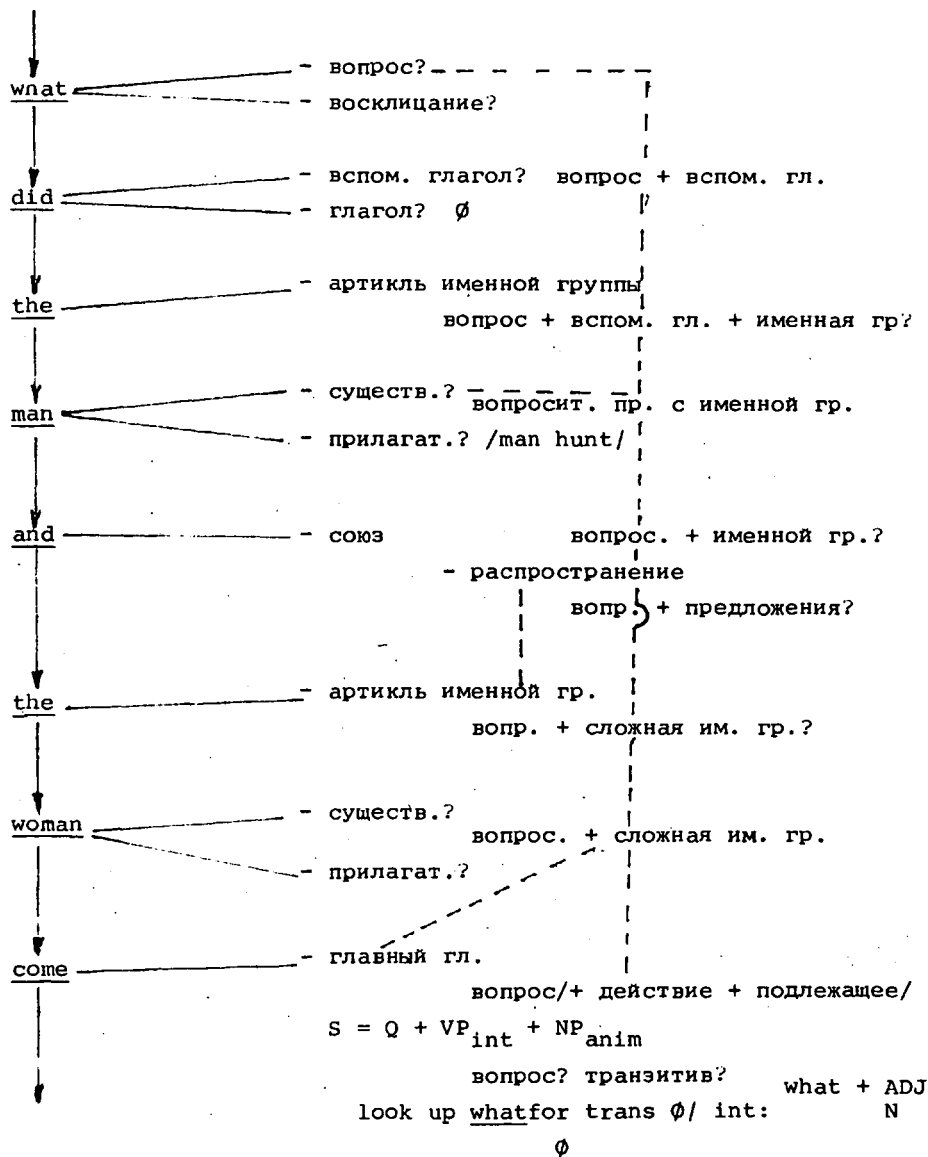
вызывается на стратегии организации комплекса задач, которая /стратегия/ совмещает в себе как элементы эвристики, так и взгляды алгоритмизатора на те или иные лингвистические, психологические, в частности, когнитивные, теории.

Стратегия алгоритмизации предопределяет надежность вырабатываемой системы. Если, например, после предварительных экспериментов на маленьком корпусе система оказывается трудно дополняемой или мало обозримой, а расширение корпуса приводит к неразрешимым противоречиям, то реорганизация системы обусловлена недостатками в выборе подходящей стратегии. Решающим, как кажется, фактором при определении подходящей стратегии является не только /а возможно, и не столько/ правильное надстраивание различных языковых информационных, а также и выбор оптимальной фильтрации этих информационных.

Дело в том, что одной из наиболее существенных трудностей машинного перевода является разделение сведений, полученных о входном тексте, на релевантные и нерелевантные с точки зрения выходного текста. Хотя такое разделение в принципе вполне возможно, на практике оказывается, что релевантность и нерелевантность есть признаки, определяемые не столько априори, сколько "на ходу", т.е. в зависимости от конкретного контекста.

Например, в одних случаях английский порядок слов с точки зрения венгерского перевода является коммуникативно релевантным, а в других случаях он не играет важной с точки зрения перевода роли. Или же набор глагольных форм в одних случаях не имеет значения с точки зрения адекватной передачи содержания, а в других различие, скажем, двух форм настоящего времени /he sees и he is seeing/ необходимо в силу имеющейся разницы в значении двух форм. Перечень таких нечетко определимых границ между релевантными и нерелевантными сведениями можно было бы продолжить. С такими трудностями, думается, можно справиться лишь тогда, если указанное выше "понимание" содержания охватывает не только отдельно взятые предложения, но также и целые куски текста, в рамках которых могут решиться трудности, выходящие за пределы предложения.

Synt. analysis

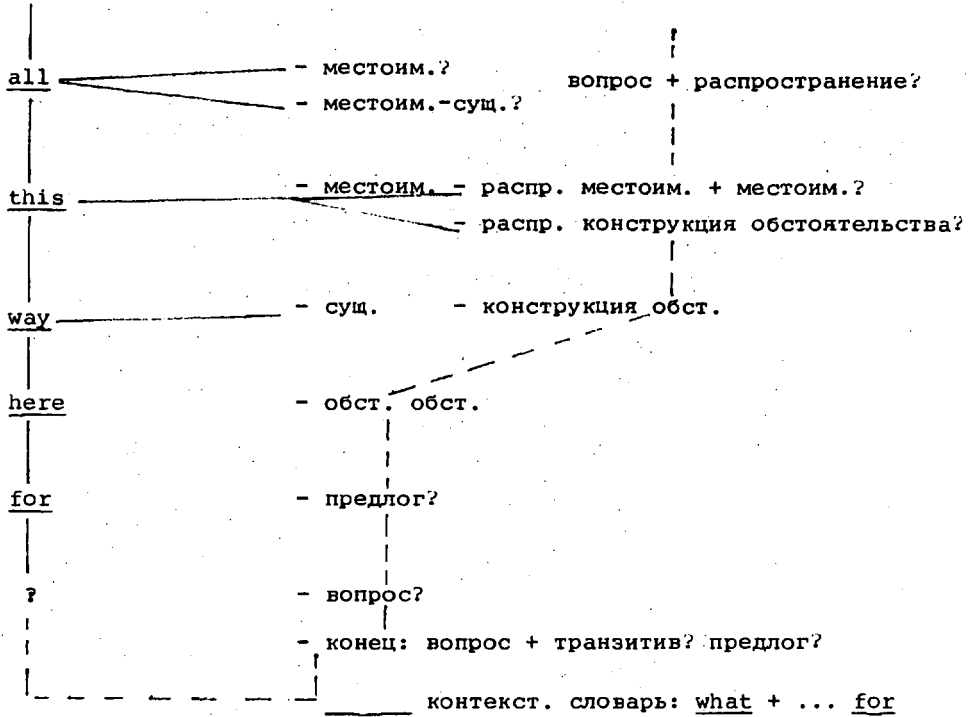

Схема 3. Работа буфера в ходе синтаксического анализа

4. Как известно, стопроцентных систем машинного перевода еще не существует. Работающие системы достигают в общем 80--90 % адекватности перевода. Но, естественно, остальные 10--20 % ошибочных переводов нельзя оценить как незначительное количество, ибо даже при нескольких процентах непонятных переводов тексты в целом остаются бессодержательными. Когда высказываются мнения по поводу распределения информационной насыщенности текста, согласно которым 60--70--80 % релевантной информации текста отходит на лексический состав предложения, то, по-видимому, не учитывается в полном объеме та роль, которую играют грамматические единицы различных уровней в оформлении смысла текста.

Успешность работы системы машинного перевода в шестидесятих годах рассматривали как зависящую от практического использования лингвистических теорий. Оказалось, однако, что решение проблемы машинного перевода -- это не только практическое применение накопленных наукой о языке знаний. Машинный перевод как часть вычислительной лингвистики представляет собой ту область исследований, в которой интегрируются достижения теоретической лингвистики /и, в частности, переводоведения/, когнитивной науки и искусственного интеллекта. Практическим в своей ориентации машинный перевод является в том отношении, что связанные с ним исследования претендуют на непосредственное применение результатов в производстве.

Практическая установка далее проявляется в том, что эти системы /по крайней мере в настоящее время/ направлены на переводы специальных текстов, прежде всего, научно-технической литературы. Однако, усилия, заложенные в построение такой системы, носят скорее теоретический, нежели практический /прикладной/ характер.

Примечания

1. См. об этом: R. Grishman. Computational Linguistics. An introduction. "Cambridge University Press". 1986. pp. 5--7.
2. См. об этом хотя бы: P.H. Winston. Artificial Intelligence. /Second Edition/. "Addison-Wesley", Reading, Massachusetts, 1984.
3. Примером подхода к синтаксическому анализу со стороны моделирования психологических процессов языкового понимания может служить синтаксический анализатор Маркуса, см.: M. Marcus. A Theory of Syntactic Recognition for Natural Language. "MIT Press", Cambridge, Massachusetts, 1980.
4. После 1966 г., вслед за опубликованием Национальной Академией Наук США доклада "АЛПАК" о нецелесообразности поддержки проектов в области машинного перевода, исследования по указанным темам практически прекратились. Подробнее о влиянии этого доклада см., напр.: Jonathan Slocum. A Survey of Machine Translation: its History, Current Status and Future Prospects. In: Computational Linguistics. Vol. 11, No. 1, 1985. pp. 1--18.
5. См. в этом отношении такие системы, как ЭУРОТРА в Западной Европе, АМПАР, НЕРПА и ФРАП в Москве /Всесоюзный центр переводов/, а также исследования в Японии, связанные с "пятым поколением" электронно-вычислительных машин.
6. См. об этом, напр., систему машинного словаря в проекте автоматического перевода с английского языка на чешский /АПАЧ/ в работе Е. Хайичовой: E. Hajičová. Machine Translation in Czechoslovakia. /A manuscript/. 1986.
7. См. об одном решении проблематики конструкции автоматического словаря: Ю.Д. Апресян. Толково-комбинаторный словарь в формальной модели языка и разрешение многозначности. -- В кн.: Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Ч. 2. /Отв. ред. В.М. Андриященко/. "Изд. Московского университета". 1982, с. 108--128.
8. Ю.Н. Марчук /составитель/. Контекстологический словарь для машинного перевода многозначных слов с английского языка на русский. М., 1976. Ч. 1--2.
9. Проблематика подъязыка рассматривается в сборнике: Sublanguage: Studies of Language in Restricted Semantic Domains. /Ed. by R. Kittredge, J.L. Lehrberger. "de Gruyter", Berlin, New York, 1982.
10. См. Хайичова, ук. соч.
11. См. упомянутый в Примечании 3 синтаксический анализатор М. Маркуса, а также: N. Sager. Natural Language Information Processing. "Addison-Wesley", Reading, Massachusetts, 1981; T. Winograd. Language as a Cognitive Process. Volume I. Syntax. "Addison-Wesley", Reading, Massachusetts, 1983.

12. Подобная стратегия разработана у Маркуса, см. ук. соч..
13. Теория М. Маркуса неоднократно подвергалась критике. Пожалуй, наиболее обоснованными можно считать критические замечания Сампсона в кн.: Parsing Natural language. /Ed. by M. King/. "Academic Press", London, New York etc. 1983. G.R. Sampson. Deterministic Parsing. pp. 91--116.
14. В специальной литературе на русском языке сравнительно полное описание метаязыка читаем в работе: Н.Н. Леонтьева, Е.В. Урысон. Алгоритм построения информационной записи текста. 1 этап. -- НТИ, сер. 2, 1973, № 12.
15. Такая многоязыковая система машинного перевода строится в Западной Европе под названием "ЕУРОТРА", которая включает все 9 официальных языков Европейского экономического сообщества. См., напр.: R. Johnson, M. King, L. des Tombe. EUROTRA: a Multilingual System under Development. -- In: Computational Linguistics, Volume 11, No 2--3, 1985, pp. 155--169.
16. Динамика в архитектуре системы машинного перевода АМПАР описана в книгах Ю.Н. Марчука: Ю.Н. Марчук. Проблемы машинного перевода. "Наука", М., 1983; его же. Методы моделирования перевода. "Наука", М., 1985.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛИЗАЦИИ УСТНОЙ РЕЧИ

/на основе анализа рассказа В. Шукшина "Раскас"/

К. Куглер

Почти все критики, литературоведы отмечают особый талант Шукшина создавать характер через собственный "голос" героя. В большинстве случаев после нескольких скупых вводных фраз рассказчик как будто уходит за кулисы и начинает звучать диалог то чем-то взволнованных, то о чем-то рассуждающих людей. Описательная часть в его рассказах доведена до минимума и основной организующей силой рассказа становится позиция и слово героя.

Пристрастие Шукшина к диалогичности -- бесспорный факт. Это особое явление объясняют, например, влиянием киноискусства, "органичностью проникновения Шукшина-актера в Шукшина-новеллиста"¹. На наш взгляд, за этим кроется стремление Шукшина и в кино и в прозе создавать образы, предоставляя герою возможность высказаться, как правило, в заостренной житейской ситуации. Шукшин об этом говорит следующее: "В конце концов, мы ведь так и составляем понятие о человеке -- послушав его. Тут он не сохрет -- не сумеет, даже если захочет"².

О шукшинских диалогах высказано уже немало ценных наблюдений. В данном случае наше внимание привлек несколько иной вопрос: благодаря каким средствам достигается иллюзия подслушанной "естественной" устной речи даже в повествовательной части рассказов и почему же мы слышим некий диалог, когда в рассказе преобладает монологическая речь героя?

Попытаемся в дальнейшем хотя бы частично разгадать, каков механизм стилизации устной речи в словесной ткани отдельного рассказа.

Предметом нашего анализа является рассказ В. Шукшина "Раскас"³, в котором по сравнению с другими его рассказами явно преобладает монологическая речь и "слово героя" реализуется главным образом в особой, письменной форме, в виде его "раскаса", адресованного жене и ее соблазнителю.

На основе лексического анализа "раскаса" мы можем констатировать сниженный, простонародный характер речи персонажа, деревенского шофера, Ивана Петина. В ней широко представлена собственно разговорная лексика /видал, увидал, обзывать, попался, разок, голову потеряла, не укладывается в голове, куда глаза глядят, сели на шею, хворать и пр./⁴, имеется множество собственно просторечных слов /небось, малость, складать, выпимши, засветить промеж глаз, мужик /в значении мужчина/, порушить /в значении разрушить/, угостить /сильно ударить/ и пр./

К экспрессивно-просторечным словам относятся: материть, матернуться, подсыпаться /в значении с подхалимством, с лестью обратиться к кому-л. с чем-л./, пришивать /в значении ложно приписывать что-н. кому-н./, чокнутый, дура, вильнуть хвостом. Перечисленные слова помимо сниженности имеют и грубоватый стилистический оттенок или выражают неодобрение.

Просторечные элементы "раскаса" /включая сюда и просторечные грамматические формы, нелитературное произношение некоторых слов/⁵ придают речи персонажа непосредственную, сниженную тональность, определяют ее простонародный характер. Они имеют, главным образом, характерологическую функцию.

В речи рассказчика встречается 9 знаменательных слов с сильной разговорной окраской: отомкнул, помыслить, уткнуться, неподалеку, напрямик, только-только, зря, выказал, вовсю. Заслуживает внимания тот факт, что вкрапление в повествование просторечных слов происходит явно под влиянием речи персонажа. Передавая его мысли, рассказчик заимствует не только его точку зрения, но и слова: "не мог он помыслить, что мужика надо судить по этим качествам..."; "И вот на тебе она оказывается, правда горевала, что он такой молчаливый, и неласковый." Таким образом, происходит постепенное сближение планов рассказчика и персонажа. Местами "проникают" в повествование не только взгляд, слова, но целые фразы, даже интонация Ивана: "Побыли-то всего с неделю!.." -- говорит рассказчик, но мы слышим удивленный голос Петина.

Стилистически маркированные элементы лексики "сообщают" нам информацию в первую очередь об образовательном уровне, социальном положении, психическом состоянии героя, они способствуют стилизации просторечно-сниженной тональности речи главного персонажа, создают несобственно-прямую речь в повествовании⁶. Каким образом достигается иллюзия спонтанности речи, имитация непринужденного устного говорения -- даже в виде письма /!/ -- на эти вопросы мы надеемся ответить с помощью морфологического и синтаксического анализа текста.

"Раскас" Петина, этот своеобразный рассказ в рассказе, воспринимается как особая форма сказовой манеры, когда устная речь героя-рассказчика, как правило, не носителя литературного языка, реализуется в виде письма, в его понимании рассказа. Его "опус" невольно напоминает нам рассказ Бабеля "Письмо", в котором рассказчик--Лютов совершенно "корректно" регистрирует устный монолог безграмотного мальчика Курдюкова. В обоих случаях достигается максимальное подобие экспрессивной, грубовато-сниженной устной речи, с предельной точностью передается языковая стихия 20-х, 60-х годов в среде малообразованных людей. В данном случае "Раскас" самого Петина обладает особенно богатым речевым материалом, в нем реализуется курьезная форма сказовой манеры, поэтому, мы будем уделять особое внимание прежде всего анализу рассказа-монолога Ивана.

"Раскас" Петина начинается следующими словами: "Значит, было так: я приезжаю -- на столе записка".

Вводное слово значит сразу создает иллюзию устного общения. Рассказчик как будто продолжает начатый уже рассказ, который рассчитан явно на заинтригованных, внимательных слушателей. Употребление исторического настоящего приезжаю также является существенным сигналом устного говорения. Иван -- не владея правилами письменной речи -- пишет свой рассказ так, как говорит сам. Вследствие этого мы получаем сведения не только о случившемся, но и о его малообразованности и о его устной речи. /Иван настолько "точен" в передаче своей речи, что согласно произнесению слитно пишет отдельные слова настоле, передает редукцию

гласных, ассимиляцию согласных: при стрече, конешно, што, пожалуста, щастливая, приисказывать, бываит и пр., то есть он "придерживается" фонетического принципа письма./

Лаконизм первой фразы сказу подсказывает, что здесь пойдет речь о самом главном, что не терпит никаких лишних слов. Структурно это высказывание легко расчленяется на 3 синтагмы. Раздробленность фразы является сигналом внутренней взволнованности героя.

Рассматривая морфологические особенности "Раскаса", мы можем убедиться в следующем: многие стилистические маркированные морфологические структуры или общеупотребительные морфологические формы со стилистически отмеченными функциями, описанные в монографиях, в тексте рассказа не встречаются. Исторически сложилась определенная система знаков, сигнализирующих о наличии прямой речи в художественном тексте. Такие стереотипные сигналы, как употребление разговорных словоформ, определенных суффиксов, просторечных глагольных форм, допустимых в разговорной речи, также почти не встречаются. Дело в том, что эти маркированные морфологические элементы на фоне кодифицированного литературного языка имеют сниженный характер, сигнализируют об общности, непосредственности общения. Эти элементы характерны для устных высказываний носителей литературного языка. Пети на никак нельзя назвать носителем литературного языка, следовательно, и критерии сниженности трансформируются по отношению к герою.

Очень важной особенностью разговорной речи является широкая распространенность уменьшительных суффиксов. Они часто встречаются в художественных текстах при стилизации непринужденности, фамильярности устной речи. В речи нашего героя субъективно-оценочные образования почти целиком отсутствуют, или встречаются рядом с просторечно-грубыми словами, смягчая их отрицательную экспрессию /бабенка, мордочка, дурочка/, что не случайно, поскольку это мотивируется ситуативно и психологически. Ведь об угрюмости, неласковости Ивана уже говорилось в начале рассказа.

Небезынтересно обратить внимание на употребление разговор-

ных, субъективно-оценочных образований в речи повествователя и на их особую стилистическую функцию. В повествовании дополнительное эмоционально-оценочное значение имеют следующие слова: в тетрадку, губы трубочкой, половичок, животик, низенький, полненький, кругленький, частьенко. Они не случайно встречаются при описании редактора, редакции. Рассказчик как будто временно заряжается хорошим настроением, добрым расположением духа редактора. Но на фоне настоящего горя Ивана веселый мир редакции переосмысливается, и "веселость" редактора, секретарши подчеркивает несовместимость двух миров. В восприятии Петина этот же "веселый мир" похитил его жену, лишил его счастья. Поэтому обилие указанных субъективно-оценочных суффиксов становится средством отрицательной эмоциональной оценки, выражением иронии по отношению к самодовольным людям.

При анализе рассказа-монолога главного персонажа бросается в глаза множество местоимений, особенно личных. Мы должны отметить, что помимо того, что частотность местоимений в тексте очень высока, они обладают в большинстве случаев сильной стилистической отмеченностью.

В рассказе Петина местоимения составляют 24 % всех языковых единиц. Эта цифра значительно превышает среднюю частотность местоимений в разговорной речи⁷. Личное местоимение я употребляется в монологе Петина 29 раз. Оно часто стоит в начале фразы и усиливает таким образом сугубо личный, исповедальный характер его речи и одновременно вызывает ощущение задушевной, устной беседы: "... я приезжаю -- на столе записка."; "я бы как нибудь пережил это."; "я ей грубого слова никогда не сказал."; "я все для ей делал." и т.п.

В речи Петина личное местоимение она 16 раз употребляется в именительном падеже и 16 раз в косвенных падежах употребляется в рассказе особую эстетическую функцию. Оно является определенной формой эвфемизма. Иван как будто боится произнести имя жены. Всего один раз, в самом конце рассказа встречается ее имя: "И при жене Людмиле я за все четыре года ни разу не матернул-

ся." Употребление личного имени именно здесь подчеркивает, дополняет важность данного высказывания.

Во фразе "Нет, этой все в город надо было." личное местоимение заменяется указательным, придавая речи отрицательную окраску. Эллиптичность структуры также усиливает экспрессию, выражая возмущение, недоумение Ивана.

Функциональная перестройка, характерная для местоимений в разговорной речи /в дальнейшем: РР/ реализуется в следующей фразе: "Мне надстраивают такие рога!" Данное морфологическое явление связано с интонацией фразы, ведь в устной речи указательные местоимения, когда они интонационно не выделяются, часто приближаются к частицам, утрачивая свою основную функцию.

Другой пример показывает обратную тенденцию: указательное местоимение получает лексическое наполнение, выражая отрицательную оценку. Слово такие здесь обозначает "плохие люди": "А они есть такие, что может и промолчать про это."

В рассказе в целом и в "раскасе" Петина в частности, кроме местоимений, очень высока частотность незначительных слов. Речь Петина отличается особенно высокой частотностью частиц /их на 1,7 % больше, чем в среднем согласно статистике Э.А. Ключковой употребляется в РР/.

Увеличение числа частиц, союзов, междометий происходит за счет уменьшения числа существительных и прилагательных. Эту особенность распределения частей речи в РР отмечают все исследователи. Она объясняется главным образом спонтанностью, недуманностью речи, т.е. спецификой устной коммуникации, когда предмет речи налицо или конситуативно угадывается, и в случае недопонимания есть возможность для переспроса, уточнения. Незначительные слова часто нужны лишь для заполнения паузы, для усиления экспрессии, для поддержания контакта.

По статистике Э.А. Ключковой, количественная представляемость существительных и прилагательных в устной монологической речи 15,3 %-- 2,7 %, в устной диалогической речи 13,5 %--3,5 %⁸. В "раскасе" Петина частотность этих классов слов: 15,38 %-- 4,1 %.

Такое совпадение количественного соотношения существитель-

ных, конечно, случайно, но как тенденция -- примечательно.

Шушкин, подражая живой устной речи, интуитивно угадывает наиболее существенные ее признаки. Одной из таких особенностей является обилие незначительных слов /главным образом частиц/ в РР и их полифункциональность. Дело в том, что эти частицы становятся органической частью синтаксических конструкций, придают им разные модально-волевые оттенки, усиливают экспрессию высказывания, участвуют в формировании интонационного рисунка фразы, выделяя или заглушая интонационно предыдущее слово. Поэтому мы не можем строго отделить морфологический анализ текста от синтаксического. Рассматривая в дальнейшем имеющиеся в речи Петина частицы, мы будем указывать и на их синтаксическую закреплённость. Шушкин, имитируя устную речь, главным образом воспроизводит структурные особенности высказываний, неотъемлемой частью которых являются частицы.

Частица же употребляется в монологе Ивана 9 раз. В вопросительных предложениях она стоит после вопросительных слов, содействует их переосмыслению, вызывает их делексистализацию и при этом усиливает экспрессию высказывания: "Кто же я буду перед мужиком которому я рога надстроил!.."; "Откуда же у ей это пустозвонство в голове?"; "Ну и где же та учеба?". В этих риторических вопросах местоимение и наречия приближаются к частицам, лишаясь исходного лексического заряда. Частица же играет роль и в интонационном оформлении фраз: она акцентирует предыдущее слово, и превращает его в интонационный центр высказывания. В других случаях частица же делает высказывание более категоричным, резким: "Главное я же знаю,..."; "Она же мне надстраивает такие прямые рога!"; "... этими же самыми руками..."; "Ее же плохому-то не учили."

Постпозитивная частица то, столь характерная для разговорной устной речи, также воздействует на интонационный рисунок фразы и усиливает эмфазу. В следующих примерах она интонационно выделяет предшествующее слово, усиливая то логическое, то эмфатическое ударение слова: "Ее же плохому-то не учили..."; "Но зачем совсем то уезжать?"; "Порушить-то ее легко но...".

Экспрессию высказываний повышает и употребление усилительной частицы уж, она делает речь более убедительной: "И я давно бы уж был ударником..."; "Если уж на то пошло..."; "А уж ей самой -- тридцать лет."

Модально-волевая частица ну имеет сильный разговорный оттенок. В наших примерах она побуждает читателя более остро воспринимать выдвинутые аргументы: "Ну не дура!"; "Ну и где же та учеба?". Последний вопрос явно содержит утверждение: такой учебы не существует. Несомненность высказывания усиливает наличие второй частицы и.

К этой категории частиц относится и частица давай, которая следующей предикативной конструкции придает дополнительное значение побуждения и стилистическую окраску сниженной речи: "... я и давай теперь скакать как блоха на зеркале."

Наречная частица прямо также "заимствована" из разговорной речи, где она, как и в нашем примере, "обозначает подлинность и несомненность признака"⁹: "... она прямо шастливая становилась."

Употребление указательной частицы вот особенно усиливает впечатление устности речи. Она делает коммуникативную ситуацию конкретной, почти осязаемой: "... вот она вильнула хвостом, ..."; "но так вот одним разом всю жизнь рушить..."; "И вот пожалуста она...". Частица может порой заменить и жест: "Мы гусударству пользу приносим вот этими самыми руками,...".

Рассказывая о жене, Иван Петин передает ее слова следующим образом: "Там говорит меня узнавать будут." Отсутствие знаков препинания "подсказывает", что герой произнес бы эту фразу на одном дыхании. Глагол говорит делексистизируется, превращается в частицу и становится лишь сигналом косвенной речи. Произнесение говорит убыстряется, увеличивая интонационное значение предшествующего слова. Перед нами "образец" устного высказывания.

В русской разговорной речи наблюдается "явная тенденция вводить реплики определенными частицами, часто десемантизованными. Наиболее частотна в этой роли частица а"¹⁰. Текст "рас-

каса" Петина может служить отличной "иллюстрацией" этого явления.

Частица а 10 раз встречается в инициальной позиции в монологе Петина. Она явно лишена синтаксической функции и служит то усилению экспрессии высказывания в вопросительных, восклицательных фразах, как например: "А вдруг она чьянибудь жена?"; то созданию иллюзии связной живой речи: "А ей когда говорили, что она похожа она прямо счастливая становилась."; "А они есть такие што может и промолчать про это."; "А у ей есть полная уверенность, што она там наладит новую?"; "А за рулем меня никто ни разу выпимши не видал..."; "А потому што это тоже неправильно..." и т.п. Частотность частицы а в рассказе Петина во многом способствует созданию подобия устной, неподготовленной речи.

В этом плане большую роль играет и частица да, которая в разговорной речи участвует обычно в формировании конструкций со значением собственно акцентирования. Она, как правило, стоит в начале фразы, являясь безударной, и употребляется при ответе собеседнику для усиления эмфазы. В монологе Петина частица да создает иллюзию диалога-спора. Его фразы с этой частицей кажутся ответными репликами, в которых она усиливает то возмущение, то угрозу, то раздражение героя: "Да мало ли красивых -- все бы бегали из дому!"; "Да я вас наскрозь вижу!"; "Да черт с ей не вытерпела...". Иван как будто спорит с неизвестным противником, хотя в подтексте, по существу идет спор с женой.

В следующих примерах частица и в инициальном положении употребляется со значением простого акцентирования: "И родителей я знаю..."; "И я давно бы уж был ударником коммунистического труда,...". Она явно усиливает эмфазу в следующих непредикативных конструкциях, которые противопоставляются предыдущему высказыванию: "Я ей грубого слова никогда не сказал. И вот пожалуста она..."; "... у меня душа радуется: скоро увижу. И пожалуста: мне надстраивают такие рога!" Употребление частицы и в таких конструкциях -- явный атрибут спонтанной устной речи.

Имитации устной речи героя "способствует" и сам Иван, ведь большое значение имеет и то, что Иван не знает правил правописания, пунктуации и по принципу "пиши как слышишь" он пропускает запятые там, где не останавливается в речи. В результате этого он местами совершенно "адекватно" передает собственную речь.

Следующую фразу Иван, наверное, произносит на одном дыхании: "Они в соседнем селе живут хорошие люди." Перед нами типичная для разговорной речи конструкция, которую Е.А. Земская называет синтаксической интерференцией¹¹, и которая обычно является следствием неподготовленности речи. В высказывании Ивана имеются две предикативные конструкции, которые общее подлежащее они объединяет в одно интонационное целое. В следующем примере общим членом также является подлежащее: "Но она дурочка не понимает: ...". Отсутствие запятых подсказывает, что фраза произносится без деления на синтагмы.

"У ей между прочим брат тоже офицер старший лейтенант,.." -- в данном случае к общему подлежащему относятся два именных предиката. Перед нами контаминация двух фраз. Поскольку эти конструкции очень широко употребляются в устной разговорной речи, их сигнализирующая роль об устности рассказа очень значительна.

Один из самых существенных признаков разговорного синтаксиса -- эллиптичность, в которой отражается языковая экономия. Мотивировка эллиптичности в репликах, прозвучавших в стереотипных ситуациях, и исследуемых в монографиях, далеко не тождественна с мотивировкой опущений в речи Петина.

Пропущенные Петиним слова легко восполняются контекстуально и парадигматически. "А у ей есть полная уверенность, што она там наладит новую?" Пропущено определяемое слово семья, но оно фигурировало уже в предыдущей фразе. Опущения Ивана никогда не нарушают смысловое равновесие фраз. Он должен довести свои мысли до читателей и старается по мере своих возможностей быть понятным. Его опущения мотивируются в первую очередь психологически, но кроме того и малограмотностью. В следующем примере отсутствует определитель, но поскольку речь идет о сопернике

Ивана, о котором он боится прямо высказаться, эллиптичность объясняется эмоциональными факторами: "Она всего навсего не-делю человека знала, ..."; "А они есть такие што может и про-молчать про это." Здесь структурно можно легко дополнить фра-зу: может быть было бы лучше промолчать про это. Эллиптические конструкции в тексте усиливают экспрессию и оттеняют эффект импровизированной, небрежной речи.

Несмотря на отсутствие некоторых клишированных и типизи-рованных синтаксических построений РР, описанных в монографиях Е.А. Земской и О.А. Лаптевой¹², и на перевес других менее ти-пичных разговорных конструкций, почти каждая фраза в монологе Петина обладает элементом /элементами/, присущим синтаксису устной разговорной речи, и трудно найти фразу, которая не име-ла бы стилистической маркированности. Отступления речи Петина от норм разговорного синтаксиса объясняются эстетическими за-даниями текста и ограничениями, связанными с письменной формой реализации устной речи.

В стилизации устной речи очень большое значение имеет по-рядок слов. Он во многом подсказывает интонацию речи. Как мы уже видели, интонация зависит от расположения частиц, от нали-чия специальных экспрессивно-усилительных слов /как, такой, так/, от синтаксических построений. Часто эти факторы дополняют друг друга, усиливая экспрессию речи.

В тексте рассказа стилизуется еще одна особенность разго-ворного синтаксиса, которая определяет порядок слов в устном высказывании. Это особая форма актуального членения, реализуе-мая в РР. В разговорной речи "член /или члены/, наиболее ин-формативно важный /обычно с точки зрения актуального членения он является ремой/, тяготеет к началу высказывания... Такие члены, особенно часто те, которые находятся в абсолютном нача-ле, бывают эмфатически выделены или сильно акцентированы в смысловом отношении"¹³.

В следующих случаях также наблюдается стремление информа-тивно значимых слов к препозитивному, реже инициальному положе-нию. Например, вынос наречия в начало фразы меняет интонацион-ное оформление данной фразы и усиливает эмфазу: "Очень мне счас

обидно, поэтому я пишу свой раскас". В других примерах зависимый член словосочетаний, как правило, оказывается в препозиции, отражая вышеуказанную специфику порядка слов в РР: "гусударство деньги на вас тратила,..."; "Мы гусударству пользу приносим вот этими руками,..."; "И родителей я ее знаю,..."; "Иной рас слабость допустил человек,..."; "Она всего-навсего неделю человека знала."; "... она там обзываться начала."; "... на десять минут голову потирала...".

Подчеркнутые слова интонационно выделяются по-разному, в зависимости от того, обладают ли они только логическим ударением или оно дополняется эмфатическим ударением. Во всяком случае они усиливают ощущение устности высказываний.

Е.А. Земская первой особенностью интонации РР считает ее контрастность, то есть колебания темпа¹⁴. Речь Петина порой убыстряется, потом произнесение слов, синтагм, наиболее значимых логически, эмоционально, замедляется. Ощущение запятых свидетельствует о слитном, убыстренном произнесении следующих фраз: "А они есть такие што может и промолчать про это."; "Да черт с ей не вытерпела там такой ловкач попался, што на десять минут голову потирала..."; "И вот пожалуста она же мне надстраивает такие прямые рога!" и т.п.

Шушкин обладает особым даром стилизовать не только живую диалогическую речь, но и особую форму устной монологической речи, что мы называем драматизированным монологом. Перед нами не традиционная форма сказа, которую В.В. Виноградов называет "повествующим монологом"¹⁵, а взволнованный, эмоционально сильно окрашенный спор. Это спор с женой, с соблазнителем-офицером, это спор с миром, где допускается такая несправедливость по отношению к честному человеку, верному мужу. Многократная адресованность речи выражается в прямых обращениях к предполагаемым читателям и опосредованно -- к жене: "Эх вы! Вы думаете еслив я шофер, дак я ничего не понимаю? Да я вас наскрозь вижу!" В множестве вопросительных и восклицательных предложений продолжается этот "диалог": "Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза глядят. Так?!"; "Не дура

она после этого?"; "Но зачем совсем-то уезжать?"; "И вот пожалуста..." и т.п.

Такая апелляция речи усиливает иллюзию "естественного" устного говорения.

Шукшин владеет всем богатством национального языка, в том числе и простонародной речью. Его обращение именно к этому слою языка объясняется его биографией, личными привязанностями к носителям народной речи, писательскими стремлениями, нравственной позицией, согласно которой надо уважать суверенность каждого и надо высказать правду о нем. Его стремление достигнуть максимальной достоверности изображения и приводит к такому удивительному совпадению звучащей и воспроизводимой им в рассказах устной речи. Он обладает редким даром слышать особое звучание чужого голоса, даже его тембр, оттенки и умеет все это передать в письменном виде. Он никогда не стремится натуралистически "репродуцировать" устную речь, для него всегда самым важным остается характер, человек с его смятением, душевной тревогой, страданием. Ему удастся найти те сигналы, те языковые средства, которые наиболее пластично могут имитировать социально и эмоционально мотивированную устную речь. По нашим наблюдениям, основными, наиболее эффективными средствами стилизации устного высказывания у Шукшина являются широкая представляемость и многократная функциональная эксплуатация частиц, имитация актуального членения, характерного для РР, особый порядок слов, отсутствие местами знаков препинания. Количественное распределение частей речи /обилие местоимений, незначительных слов/, соответствующее пропорциям частей речи в РР, и прочие морфологические и лексические средства усиливают впечатление некой живой, звучащей, народно-разговорной речи.

Примечания

1. В.А. Кузьмук. Своеобразие героя рассказов Василия Шукшина. -- Вестник Московского университета. Филология. № 2, 1978, с. 16.
2. Литература и язык. Ответы на анкету. -- "Вопросы литературы", № 6, 1967, с. 149.
3. Анализируемый рассказ помещен в сборнике В. Шукшина "Беседы при ясной луне". М., 1975, с. 245--250.
4. В "транскрипции" Петина: голову потиряла, не укладываются в голове, сяди на шею обществу.
5. Просторечные грамматические формы в "раскасе" Пктина: употребление полной формы прилагательного в роли предиката "Мало ли на кого я похожий...", "Ея все говорили, что она похожая на какую-то артистку..."; неправильный морфологический вариант личного местоимения в косвенных падежах с предлогом у ей, с ей, на ее, для ей и пр. Фонетическим просторечием, т.е. отклонением от норм РР является произношение следующих слов: сяди /сели/, вобщем, обществу, дак /так/, еслив, всяко, наскрозь, тверезый.
6. Т.Г. Винокур такого типа стилизацию называет собственной стилизацией, когда осуществляется "подражание стилистическим особенностям высказывания, принадлежащего к определенной функционально-ситуативной сфере и перенесенного в другую функционально-ситуативную сферу для выполнения экспрессивного эстетического задания". См. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980, с. 200.
7. Соответствующая цифра в отношении монологической речи 19,1 %, в диалогической речи 17,5 %. См. Э.А. Ключкова. О распределении классов слов в живой разговорной речи. -- "Вопросы стилистики". Саратов, 1969, с. 94--95.
8. См. там же.
9. Н.Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 150.
10. Русская разговорная речь. Под ред. Е.А. Земской. М., 1983, с. 157.
11. Русская разговорная речь. Под ред. Е.А. Земской. М., 1973, с. 339.
12. Указанные сочинения и монография О.А. Лаптевой: Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
13. Указанная монография Е.А. Земской 1973 года, с. 382.

14. См. там же, с. 131.
15. "Сказ -- это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это -- художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения". В.В. Виноградов. Проблема сказа в стилистике. В кн.: Поэтика. Л., 1926, с. 33.

ВОПРОСЫ ВЕРЫ И РАЗУМА В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ КИЕВСКОЙ РУСИ

И. Феринц

Противопоставление веры и разума, внутренне присущее всякой религии, наиболее остро проявилось в христианстве. Оно объявило веру в бога высшей духовной способностью человека.

С вопросами веры и разума древнерусские книжники первоначально встречались в переводных произведениях. К числу переводных памятников, имевших на Руси огромный авторитет, относится "Источник знания" Иоанна Дамаскина, видного византийского богослова, идеинного противника иконоборчества /+ 753/. Трактат Иоанна Дамаскина в IX--X вв. переводится знаменитым Иоанном Экзархом Болгарским на старославянский язык и попадает в Киевскую Русь. Правда, и Дамаскин считал источником истинного знания божественное откровение, которое, на его взгляд, само по себе не нуждается в доказательствах. Однако для опровержения "нечестивых противников" необходимы доказательства. За этими доказательствами он обращается к аристотелевской силлогистике и на ее основе систематизирует христианское учение о боге, сотворении мира и человека. Изложение православной веры Дамаскин начинает с вопроса: "познаваем ли бог?". В ответе на этот вопрос он пишет: "Кто хочет говорить или слушать о боге, тот должен знать, что не все касательно божества и его домостроительства невыразимо, но и не все удобовыразимо, не все непознаваемо, но и не все познаваемо: ибо иное значит познаваемое, а иное - выразимое словом¹. Таким образом, Дамаскин в ходе полемики с иконоборцами расчленял бога на познаваемого и тайного. Его антиномическая формула долженствовала примирить рациональное и мистическое начала в ортодоксальной теологии. С другой стороны, признание частичной познаваемости бога допускало в конце концов применение методов рационального познания к объектам веры, обсуждение на языке разума теологических проблем. Именно поэтому Иоанн Дамаскин придавал огромное значение познанию, "ибо познание есть свет разумной души. Наоборот,

незнание есть тьма. Как лишение света есть тьма, так и отсутствие познания есть помрачение разума. Неразумным существам свойственно незнание, разумным -- познание"².

Кроме сочинений Иоанна Дамаскина, источником сведений по античной философии познания служили всевозможные переводные сборники; например, "Пчела", "Диоптра" и другие. В "Пчеле"³ особое место уделяется проблеме разума. Авторы сборника оценивают ум как главную, высшую способность души. "Мудрость надо всеми добродетелями царствует". Ничто не может заменить человеку ума -- ни счастье, ни удача. Мало что значит и физическая сила без ума. Власть тоже можно удержать лишь при помощи ума. В "Пчеле" ставится вопрос о сущности ума. По мнению составителей "Пчелы", об уме свидетельствует прежде всего поведение человека. Поведение умного человека есть поведение со знанием дела, с учетом прошлого опыта и умный человек предвидит результат предпринимаемых действий.

Важное значение придает "Пчела" также вопросу о возрастных изменениях ума. При этом в сборнике подчеркивается, что духовное развитие человека неотделимо также от учения, приобретения знаний. Согласно представлениям, нашедшим себе место в "Пчеле", совершенство ума обусловлено сочетанием двух условий -- природных данных и целенаправленной человеческой деятельности: учения, чтения книг.

Распространению античных воззрений в Киевской Руси способствовал также перевод "Диоптры"⁴ Филиппа Философа /Пустынника/, византийского писателя второй половины XI в. Автор этого трактата осмысливает проблему локализации ума, обсуждает такой вопрос, как моральность сознания и невежества. К античности восходят и рассуждения Филиппа о душе и о приемлемом для христианства понимании сущности "я". Именно душа концентрирует в себе то, что мы вкладываем в понятие "я", поэтому человек есть не что иное, как "душевное существо". "Внешнее" же человека, т.е. его тело -- не "я", а "мое". Как видим, "Диоптра", несмотря на противопоставление души и тела, не становится на позиции ортодоксальной теологии, не отвергает плоти, а следовательно, и мирского вообще.

Более того, плоть, согласно Филиппу, не просто вместилище, "темница" души, как это трактует церковная традиция, а в некотором роде единственное условие, предпосылка ее земного существования.

Упомянутые произведения свидетельствуют о том, что развитие древнерусской философской мысли совершалось до известной степени на основе античного наследия.

Выдающимся представителем "античной" линии в древнерусской письменности был Климент Смолятич⁵, мыслитель, чья судьба во многом напоминает судьбу Илариона, первого митрополита из русских. До своего поставления в митрополиты он был схимником Зарубского монастыря под Переяславлем. Князь Изяслав Мистиславич, овладев Киевом, решил на место греческого митрополита поставить собором "всей Русской земли" своего кандидата Климента Смолятича без посылки в Царьград к патриарху, т.е. без его санкции, без его благославления. Однако пребывание Климента Смолятича на митрополии не было долгим: с 1151--1154 гг. до смерти Изяслава. После этого он вынужден был уйти на "покой", и дальнейшая судьба его неизвестна. Прибывшие из Византии митрополит и епископы упразднили все канонические распоряжения Климента Смолятича и уволили его ставленников. Ровно за сто лет до этого при Ярославе Мудром той же участи подвергся Иларион.

В летописи о Клименте Смолятиче сказано: "бысть книжник и философ, так якоже в Русской земли не бьашеть"⁶. Кроме того отмечается также, что он "много сочинений написал", но до нас дошло лишь одно его сочинение: "Послание пресвитеру Фоме", с дополнениями некоего "Афанасия мниха". Поводом для его написания явилось следующее обстоятельство. Климент, переписываясь со смоленским князем Ростиславом, чем-то задел его священника пресвитера Фому. Тот укорил его в тщеславии, в стремлении представить себя "философом" и в том, что Климент пишет "от Омира, и от Аристотеля и от Платона, а не опираясь на церковные авторитеты. Послание своего оппонента Климент прочитал публично перед князем и обратился к Фоме с ответным посланием, которое и дошло до нас.

В начале своего ответа Климент пишет: "Есть в письме твоём дружеское порицание нашему тщеславию.. Говоришь ты: "Прославляешь себя писанием, философом себя считаешь, но тут и сам себя обличаешь: Когда я тебе так писал? Не писал и писать не хотел. Говоришь мне: "Философию излагаешь", -- и это совсем несправедливо ты пишешь, будто, оставив Священное писание, излагал я Гомера, и Аристотеля, и Платона, которые среди греческих столпов славнейшими были: если же и писал, то не тебе, а князю, да и то не часто. А коли огорчен ты, что тебя я затронул, бог свидетель, не испытывал я твоего благомыслия, но только открыто писал все, в чем не мог разобраться"⁷.

В этой цитате обращают на себя внимание слова философа и отношение к античным философам. В своей статье "Почему митрополита Климента Смолятича называли философом" Б.Э. Гранстрем⁸ пришла к выводу, что Климент "учился в Константинополе, там подобно другим учащимся привык именовать себя философом, гордился этим прозванием". Этот вывод, на ее взгляд, может быть "подкреплен" еще и тем, что "в древней славянской и русской письменности слово "философ" употребляется чаще всего в значении "ученый, образованный человек". Ссылаясь на статью Франца Дельгера, И. Х.Тот указывает, что слово "философ" в византийскую эпоху могло означать: а/ монаха, б/ образованного человека, в/ наконец, его употребляли в ироническом смысле".⁹ Нам кажется, что в данном контексте выражения "славишиися пиша, философ ся творя" и "философиею пишеши" имеют порицательный оттенок и обозначают прежде всего сторонника чуждого церкви мировоззрения. "Творить ся философом" на языке киево-печерских ортодоксов значило увлекаться античным наследием и пользоваться методом логического толкования Священного писания. Именно на это упрекал Климента Смолятича пресвитер Фома. Дело в том, что в отношении средневекового общества к античному наследию постоянно проявлялось противоречие. Если одни рассматривали освоение достижений античности как необходимый предварительный этап, подготавливающий условия для лучшего восприятия "высшей мудрости" -- теологии, то другие рассматривали всякие занятия "светскими науками" как препятствие

к познанию высшего божественного откровения, заключенного в Библии. Таким образом, уже сам взгляд на светские науки и на то, к каким результатам ведут занятия ими был очень характерным для позиции определенных кругов монашества и духовенства. Неприязненное отношение к философам ощущается и в "Житии Феодосия Печерского", написанном Нестором. Он так характеризует своего героя, Феодосия: "Вот ведь не избрал он /бог. - И.Ф./ пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или вельмож городских, но -- да прославится за это имя господне -- неискушенный в премудрости оказался мудрее философов!"¹⁰

На обвинение Фомы, что Климент ищет мирской славы, он отвечал: "Но удивительно говоришь ты мне: "прославляешься", а я объясню тебе, кто такие славолубцы -- которые присоединяют дом к дому, и села к селам..., но от них-то я, грешный Клим, как раз свободен; вместо домов и сел... у меня земли четыре локтя, чтобы вырыть могилу. Эту гробницу видели многие, если же ее вижу каждый день по семь раз, не знаю, с чего промышлять мне о славе". Отсюда можно заключить, что ко времени поставления в митрополиты Климент Смолятич был уже стар и ничего не ожидал для себя от жизни. Свое же пребывание на митрополичьей кафедре оправдывал божьим усмотрением. "Только постигший сердца и души, ведает он один, как молился я, чтобы избавиться власти! Однако все по божьему усмотрению, и коли случится -- нелепо ему сопровтивляться", -- так пояснял книжник.

Большой решимостью, не оправдываясь, а как бы нападая, выступает Климент Смолятич, когда защищает право разума на обсуждение теологических проблем. Ему кажется нелепостью отказываться от разума при толковании Священного писания: "не пристало ли тщательно вникать в божественно Писание? -- спрашивает он Фому. Никому не запрещено прилагать ум к божественным заповедям, заявляет митрополит. Необходимо "испытывать" их, чтобы "все разуместь по истине". Библия не везде понятна, поэтому надо читать ее не по букве, а искать в ней духовный смысл. Так, комментируя слова Соломона: "Премудрость создала себе храм", -- Климент Смолятич пишет: "Премудрость божество, а храм человечество, ибо как в

храм, вселился бог в плоть человеческую". Данное толкование имеет целью не только утвердить право разума на обсуждение теологических вопросов, но также реабилитировать мир, плотское существование. Приводя толкования и других мест Священного писания, Климент спрашивает: "Какую философию я изложил -- не пойму. Христос сказал святым ученикам и апостолам: "Лишь вам дано знать тайны царства небесного, прочим же -- в притчах, -- это ли, милый, философия, которую и ищу я славы у людей. Как описали евангелисты чудеса Христовы, хочу я понять правильно и сердцем". Итак, продолжает киевский мыслитель, рассматривать следует нам и разуместь, как все существует и управляется и совершенствуется в мире силой божией.

А разве Христос отказывается пояснить свои притчи? Кроме того "святые и божественные отцы наши, подражая словам господним, добавили, чтобы объяснить и растолковать то и это очень полезно, и хорошо, и похвально, и не столь чудесно и славно, сколь верно все это..."

Как видим, для Климента Смолятича на первом месте стоит оправдание самого разума, подчинение теологии требованиям логики и исследования. Поэтому, хотя он говорит о двух способах познания божества: "благодатном" и "приточном", тем не менее реальное значение сохраняет только за приточным. Это он объясняет тем, что истина дана в божественном откровении. Но благодатное боговедение, выражающееся в непосредственном откровении, доступно "святым", удостоившимся лицезрения сына божия. Простые же смертные приобретают знание о боге "приточным" путем, который реализуется в интеллектуальной сфере, в акте "разумного" толкования божественных заповедей.

Какой же смысл вкладывает Климент Смолятич в понятие притчи? Что необходимо для разумного толкования божественных заповедей? Из послания Климента ясно, что постижение истины зависит от самого человека, его ума и способностей к наблюдению и рассуждению. Ведь лишь "рассмотрение" и "разумение" тварного бытия, согласно его учению, делает возможным истинное осмысление священ-

ного писания. другими словами, если мир свидетельствует о бытии бога, то познание мира есть одновременно постижение славы и величия бога. По этой причине Климент Смолятич акцентирует внимание преимущественно на чувственном познании, на связи души с ощущениями. Душа умна, но все, чем она обладает, доставляют ей чувства.

Комментируя евангельскую притчу о самарянке, книжник пишет: самарянка есть душа, а 5 ее мужей -- 5 чувств, а шестой ее муж -- ум. Чувства -- опора души, ум -- ее руководитель. Климент Смолятич возражал против мистико-аскетического противопоставления разума и чувств, ибо считал, что разум -- это естественный опыт души в чувственном познании мира. Но разум и чувства не равнозначны: разум выше чувств. И диктатор умом называется, констатирует Климент. В разуме человеческая душа обретает свое земное бытие и устремляется к познанию мудрости бога, сокрытой в "тварях". Таким образом, "приточное" богопознание -- это шаг в сторону от типично религиозной концепции.

Изложенные рационалистические идеи Климента Смолятича продолжали жить, хотя другие его произведения и не сохранились, в последующих веках. Они оказали заметное влияние на методологию Кирилла Туровского, выдающегося оратора и гимнографа второй половины XII в. Правда, в период своего "столпничества" он, как показывает анализ его сочинений, испытал серьезное воздействие со стороны афоно-печерской идеологии. Так, согласно его первоначальным представлениям, мирской человек не наследует "царства" небесного, поскольку он отягощен страстями и весь запятнан грехом: "нет места чистого в нем, все скверно". Оттого "душа его с богом не смиритса, живет по собственной воле". В этот период Кирилл видит только один путь спасения: -- это ангельское житие", т.е. монашество. Таким образом, в монастырский период для Кирилла вообще не существовало проблемы познания, постижения божественной истины: она для него одна изначально в откровении, изложена в священном писании. Библию он воспринимал исключительно с позиций афоно-печерского мистицизма, отрицая всякое исследование, логический анализ библейских текстов. Значит не разум, а вера определяет "столпническое" устроение туровского подвижника.

Второй этап в жизни Кирилла начинается с избрания его в епископы. Пастырская деятельность способствовала смягчению его прежнего аскетизма. Новым в его убеждениях становится прежде всего поиск моральных критериев жизнедеятельности человека, т.е. сформулировать общезначимый идеал мирской личности.

Кирилл полагал, что все нужное для себя человек может получить из "святых книг". Но божественные "слова" не всегда явны, и не так-то легко обнаружить в них жизненно важное содержание. Поскольку оно дано в форме иносказаний, "притч", необходимо прибегать к разуму, к услугам ассоциативного мышления. Вслед за Климентом Смолятичем туровский епископ обращается к аллегории, пользуется методом символического параллелизма. Аллегоризация в значительной мере способствовала подчинению религии контролирующей деятельности разума. Как бы ни была примитивна аллегореза, все же она -- инструмент познания. Аллегореза отчасти улавливает отдельные аспекты целого, крупинцы истины. Основа ее метода -- аналогия, кажущаяся произвольной лишь на первый взгляд; в действительности установлением ее управляет логика, ассоциативное мышление. Обращение Кирилла к этому методу свидетельствует о его неудовлетворенности афоно-печерской доктриной, о его стремлении выработать моральный критерий для светского человека. Новая его позиция отражается в его "Слове о расслабленном", где он широко изображает причастность бога к мирской жизни. Мир исцеляет "телесные недуги" человека, обеспечивает его земное существование. Для Кирилла само вочеловечение бога -- акт божественного служения человечеству. Пришествие Христа имеет целью дарование человечеству истины. Но это не значит, что Иисус прямо возвещает о ней, и тем самым освобождает людей от всякого поиска, исследования, свободного выбора между добром и злом. Христос только открывает путь к истине, но не отнимает свободы воли. Чтобы избежать "согрешений", человек, по мнению Кирилла, должен уравновесить собственный разум богооткровенной истиной церкви, т.е. верой. Разум, дополненный верой, основанный на ней, есть "стройный разум". Это понятие занимает центральное место в этико-религиозных построениях Кирилла. Оно выражает его схоласти-

ческое стремление ограничить самостоятельность мирской мудрости. Итак, ни разума, ни веры самих по себе недостаточно для познания бога. Кирилл объединяет и то и другое вместе, сохраняя одновременно превалирующее значение за верой. Познавай веруя -- такова теологическая формула Кирилла, выдвинутая им на основе рационалистических определений Климента Смолятича. Философский принцип Кирилла: "познавай веруя" или, иначе, "веруй и познавай" -- упрощал идею оправдания вероисповедных формул средствами логики, рационального мышления. И Климент Смолятич и Кирилл Туровский, рационализируя теологию, стремились защитить разум, отстоять его право на постижение истины. Тем самым они дали толчок развитию на Руси рационалистической традиции, которая приобретает позднее наиболее законченное выражение в методологии московского иосифляинства.

Примечания

1. Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина, т. 1. СПб., 1913, с. 158.
2. Иоанн Дамаскин. Диалектика. М., 1862, с. 7.
3. М.В. Соколов. Психологические воззрения в Древней Руси. -- В кн.: Очерки по истории русской психологии. М., 1957, с. 12--13.
4. Там же, с. 39--69.
5. А.Ф. Замалеев, В.А. Зоц. Мыслители Киевской Руси. Киев, 1981, с. 87--101.
6. Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, с. 241.
7. Текст послания цитируется по изданию "Памятники литературы Древней Руси, XII в." М., 1980, с. 283--289.
8. ТОДРЛ, т. XX. М.-Л., 1970, с. 20--28.
9. И. Х. Тот. Константин-Кирилл -- ученый. *Studia Slavica Hung.* XXIX, с. 14.
10. Памятники литературы Древней Руси. XI -- начало XII века. М., 1978, с. 307.

DIE GRAMMATIK DER WENDISCHEN /UNGARLÄNDISCHEN
SLOVENISCHEN/ SPRACHE VON AVGUST PAVEL

A. Kacziba

I.

In der ethnographischen Sammlung des Savaria Museums zu Szombathely wird, unter dem Inventarnummer K. 108, "Die Grammatik der wendischen /ungarländischen slovenischen/ Sprache", ein 178 maschinenengeschriebene Seiten betragendes Manuskript von Avgust Pavel, der bis heute hervorragendsten Gestalt der slovenischen Philologie in Ungarn aufbewahrt. Dieses Werk entstand im Herbst 1942, bisher aber wurde nur ein kurzer Ausschnitt, nur die Einführung veröffentlicht, in dem die ausgewählten Studien und Artikel von Avgust Pavel erhaltenden Band¹. Wie wir es aus der Einführung erfahren, bilden diese 178 Seiten nur einen Auszug aus einem, die slovenischen Mundarten von Ungarn vor dem ersten Weltkrieg vergleichenden, ausführlichen Werk, wofür Pavel das Material schon am Ende 1916 gesammelt und systematisiert hatte, das aber nie erscheinen konnte.

Die äußere Geschichte von Pavels "Grammatik der wendischen / ungarländischen slovenischen/ Sprache" widerspiegelt die politischen Verhältnisse der gegebenen Epoche sehr gut. Pavel führte sein ganzes Leben lang Untersuchungen im Gebiete der slovenischen Sprache durch, eifrig sammelte er slovenisches Sprachgut, fertigte Notizen im Zusammenhang mit der slovenischen Sprache an. /Siehe seine im Savaria Museum aufbewahrten Notizen, mehr oder weniger systematisierte Sammlungen. Inventarnummer: NA 144, NA 141--143, K 110/. Sein Endziel war, die vollständige vergleichende Grammatik der slovenischen Mundarten des Murgebietes /Prekmurje/ auszuarbeiten. Dieses Werk wäre, wie M. Szemző² berichtet, geschrieben worden sein, aber nach der Pavel-Bibliographie³ sein Fundort unbekannt.

Für die Herausgabe dieses großen Werkes bot sich für Pavel nie eine Möglichkeit. Aber nach der Rückgliederung des Murgebietes an Ungarn wurde Pavel damit betraut /wahrscheinlich von der Unterrichtsverwaltung zu Muraszombat - Murska Sobota⁴/, eine Grammatik der wendischen Sprache vom geringen Umfang zu schreiben. Aus welchen Gründen aber Pavel, der die magyarisierenden Tendenzen, wozu als Mittel auch die Betonung der Partikularität der Wenden von den Slovenen diente, klar sah, diesen Auftrag annahm, dafür gibt E. Angyal eine richtige Erklärung: Er versuchte zu retten, was noch zu retten war⁵. In der von ihm zusammenzustellenden Grammatik sieht Pavel die Möglichkeit, der slovenischen Bevölkerung des Murgebietes eine Hilfe zu leisten, damit sie ihre Muttersprache bewahren kann. Pavel und seine Auftraggeber hielten das Entstehen der Grammatik für wichtig. Aber aus welchen Gründen sie entstehen und zu welchem Zweck sie dienen sollte, das verstanden sie auf zwei ganz entgegengesetzte Weisen, und das ersieht man klar aus dem Vorwort zu Pavels Grammatik und aus den Diskussionen darum, die man auf den Seiten der "Vasvármegye" verfolgen kann. Im Vorwort⁶ legt Pavel dar, welchem Zweck die Grammatik dienen soll: sie sollte als Lehrbuch in dem Muttersprachenunterricht von den Schülern und Lehrern der wendischen Schulen gebraucht werden. /Die wendische Sprache bestimmt Pavel eindeutig als einen großen Dialekt der slovenischen Sprache/. In der "Vasvármegye", vom 11. Dezember 1942 erschien ein kleiner Artikel "Die Grammatik von dr. Avgust Pavel ist fertig", der eine ähnliche Aufgabe der Grammatik zuschreibt: sie solle vor allem den Schülern, zweitens aber auch denjenigen dienen, die Wendisch lernen wollen⁷. Es stellt sich nur aus den Diskussionen um die Grammatik klar heraus, aus was für einem, und zwar völlig entgegengesetzten Grund Pavel der Auftrag gegeben wurde: man hatte nicht die Absicht, dem Muttersprachenunterricht der Wenden /ungarländischen Slovenen/ mit dem Erscheinen der neuen Schulgrammatik einen Aufschwung zu geben, sondern, die Grammatik sollte ein gelegentliches Hilfsmittel, Handbuch für diejenigen ungarischen Beamten und Lehrer

sein, die ins Murgebiot /Prekmurje/ geschickt worden waren, damit sie die örtliche wendische Sprache leicht erlernen können.

Diesem Zweck entsprach Pavels Grammatik, die für den muttersprachlichen Schulunterricht, mit wissenschaftlichen Ansprüchen geschrieben wurde /und für diesen Zweck hielt auch die Kommission sie sehr geeignet/⁸, natürlich nicht. In Kenntnis dieser Tatsachen ist es nicht verwunderlich, daß der Auftraggeber aus seiner politischen Absicht nicht entsprechende Buch nicht auflegen wollte. Die Kommission vermerkte als Fehler des Werkes, daß es nicht in allem den Traditionen des Wendischen, und der heutigen Sprache entspräche -- hier wurde offensichtlich auf diejenigen Elemente der Grammatik angespielt, die aus der slovenischen Literatursprache stammen.

Nach dem zweiten Weltkrieg nahm das Schicksal von Pavels Grammatik leider keine bessere Wendung. Das Manuskript war zwar zur Herausgabe vorgeschlagen worden, aber der Lektor empfahl es nicht, die Grammatik endlich aufzulegen, und zwar in Anbetracht dessen, daß in den Schulen die Unterrichtssprache die slovenische Literatursprache sei, und deshalb eigne sie sich als Schulgrammatik nicht; der Lektor hielt es aber für möglich, das Werk, die erste ausführliche Beschreibung dieses slavischen Dialektes, für wissenschaftliche Zwecke, in einer Fremdsprache aufzulegen⁹.

Später schlug auch E. Angyal das Werk für eine Auflage für Philologen vor¹⁰, aber wie schon gesagt, bis zum heutigen Tag erschien nur ein Ausschnitt daraus¹¹.

Für die Auflage der Grammatik der wendischen /ungarländischen slovenischen/ Sprache" erhob auch F. Mukič sein Wort im Jahre 1979¹², der als ungarländischer Philologe von slovenischer Nationalität bei seiner Arbeit täglich den Problemen des slovenischen Muttersprachenunterrichts in Ungarn begegnet. F. Mukič lenkt die Aufmerksamkeit darauf, welche Lücke die Grammatik von Pavel ausfüllen könnte, falls sie erschiene: sie würde die Erscheinungen der Ortsmundarten den ungarländischen Slovenen bewußt machen, erklären, damit sie auch die slovenische Literatursprache leichter erlernen können.

Der bekannte slovenische Ethnograph und Sprachwissenschaftler, V. Novak aber schreibt folgendes: "Šele med vojni, ko so želeli, naj Pavel napiše prekmursko slovnico za šole, je to gradivo delno uporabil -- toda to ni bilo tisto, kar je nameraval in je imelo dvomljivo vrednost tudi po njegovem prepričanju. Zato je bil vesel, da mu tega spisa niso izdali..."¹³ Rein philologisch gesehen, erreicht Pavels Grammatik nicht den Wert der "Lautlehre der Mundart von Vashidegkút" /1916/, und es ist ohne Zweifel, daß der große Traum, die für Fachleute bestimmte vergleichende Grammatik aus rein

linguistischem Gesichtspunkte /vor allem aus dem Gesichtspunkte der allgemeinen Sprachwissenschaft/ ein ausführlicheres, besser durchdachtes, reiferes Werk geworden wäre /oder war, falls sie wirklich geschrieben worden ist/. Pavels Unzufriedenheit ist also völlig verständlich, wenn er diese kurze Grammatik mit dem Maße der großen vergleichenden Grammatik messen wollte. Aber ein jedes Werk soll innerhalb seiner Kategorie bewertet werden: Pavels "Grammatik der wendischen /ungarländischen slovenischen / Sprache" entstand für den Zweck des Schulunterrichts, als Handbuch für Schüler und Lehrer. Dieses Ziel vor den Augen haltend, und ja auch wegen Mangels an Zeit, folgte Pavel dem bis heutigen Tage üblichen Aufbau der Schulgrammatiken, und auch beim Definieren der einzelnen Begriffe, Kategorien, bei der Erklärung der einzelnen sprachlichen Erscheinungen benutzte er die aus den traditionellen Grammatiken bekannten Wendungen, Ausdrücke, Definitionen, die mitunter vielleicht schematisch, vereinfacht, sogar auch ungenau wirken. Auch aus diesem Gesichtspunkte ist verständlich, daß Pavel mit dem Ergebnis der schnellen Arbeit nicht zufrieden war. Aber der echte Wert von Pavels "Grammatik der wendischen /ungarländischen slovenischen/ Sprache"

ist nicht selbst diese äußerliche Hülle. Der echte Wert ist das, womit diese Hülle, diese traditionelle Form erfüllt wurde: die Beschreibung der regionalen Schriftsprache, die auf Grund der slovenischen Mundarten des Murgebietes /Prekmurje/ zustande gekommen war. Avgust Pavel versuchte diese Sprache den Ansprüchen des Schulunterrichts entsprechend in ein System zu

fassen, und wie E. Angyal schreibt, ist dieses Werk die erste Systematisierung dieser Sprache, die mit wissenschaftlicher Genauigkeit durchgeführt wurde, die erste Bearbeitung ihrer Laut-, Formen- und Satzlehre¹⁴.

Wie bekannt, lebte die slovenische Bevölkerung des Mur - gebietes/Prekmurje/ seit dem Ende des XI.Jahrhunderts bis zum Anfang des XX.Jahrhunderts unter ungarischer Herrschaft, getrennt von den anderen slovenischen Volksgruppen. Dieses, vom größten Teil der Slovenen abweichende Schicksal spiegelt sich neben anderen Sphären des Lebens auch in der Sprache des Murgebietes. Die Gruppe der pannonischen Dialekte, wozu auch der Dialekt des Murgebietes gehört, besaß schon in der ältesten Periode solche Charakterzüge, die in den Alpen-Dialekten nicht vorhanden waren, und die für den Dialekt des Murgebietes und die kroatischen und serbischen Dialekte gemeinsam waren¹⁵. Infolge seiner geographischen Lage /Randdialekt/ und der historischen und kulturellen Verhältnisse wurde die Zahl der schon am Anfang vorhandenen Unterschiede nicht geringer /wuchs aber nicht in dem Maße an, daß schon die Grenzen eines Dialektes überstiegen worden wären/. Die Sprache des Murgebietes war solchen Einflüssen zugänglich, die in den zentralen slovenischen Sprachgebieten keine Rolle spielten;man denke vor allem an den Einfluß des Ungarischen, der sich nicht nur in Wortentlehnungen und Lehnübersetzungen äußerte, sondern auch auf dem Gebiete der Vokalquantität und der Betonung¹⁶, und an den Einfluß des kroatischen Kaj-Dialektes, nämlich, seit den XVI--XVII. Jahrhunderten bis zur Ausbildung der selbständigen Literatur des Murgebietes diente der Kaj-Dialekt als Schriftsprache des Murgebietes¹⁷, bzw., er war der Grundlage der Schriftsprache. Im XVIII. Jahrhundert, als das geistige Leben des Murgebietes sich entwickelte, begannen sich die örtlichen Schriftsteller einer solchen Sprache zu bedienen, die sich von der auf den zentralen Gebieten ausgeprägten Schriftsprache im wesentlichen unterschied. /Sie hätten sich der damaligen slovenischen Literatursprache schon aus rein kommunikativen Gründen nicht bedienen können, weil Trubars und Dalmatins Sprache für die Einwohner des Murgebietes nicht ganz verständlich war¹⁸/. Es entstand

eine regionale Schriftsprache, deren Grund die Mundarten des Prekmurje-Dialekts bildeten, und die -- eben wegen der Unterschiede in den als Grundlage dienenden Mundarten -- /anfangs die sog. Ravenski- und Gorički-Mundarten, später, am Anfang des XX. Jahrhunderts, bei Katolikern auch der Dolinski-Mundart¹⁹/ nicht ganz einheitlich war. Die lokale Mundart aber diente wirklich nur als Grundlage: die Schriftsteller bereicherten diese Sprache aus den verschiedensten Quellen, nämlich, aus anderen slovenischen Dialekten /vor allem aus dem sog. Prle-Dialekt und dem Dialekt der Slovenske gorice, die beide zu der Gruppe der pannonischen Dialekte gehören, aber auch aus dem Dialekt der östlichen Steiermark/, und auch aus dem Kaj-Dialekt des Kroatischen /der ursprünglich auch zur Gruppe der pannonischen Dialekte gehörte/. Wie es die Untersuchungen von M. Orožen zeigen, ist für die Schriftsprachen der ostslovenischen Gebiete und den Kaj-Dialekt charakteristisch, daß sie die liturgische Terminologie altkirchenslawischer Herkunft besser bewahrten, sogar auch weiterentwickelten, als die zentrale Literatursprache, und eben unter dem Einfluß der östlichen regionalen Schriftsprachen begann am Anfang des XIX. Jahrhunderts eine Tendenz, die liturgische Terminologie, die in der zentralen Literatursprache vor allem aus dem Deutschen stammte, zu erneuern, zu slawisieren.²⁰

Wie M. Orožen darauf hinweist, ist schon die Sprache von Štefan Küzmič's "Nouvi Zákon" /Halle, 1771/ eine allgemeiner gültige, über Dialekten stehende Sprache²¹. Wie weit diese Sprache dem Begriff eines kulturellen Interdialektes²² entspricht, beweist nichts besser, als selbst die Tatsache, daß auch Kroaten sich Küzmič's Übersetzung des Neuen Testaments bedienten²³. /Dem jahrhundertelangen Zusammenleben der Prekmurje-Mundarten, bzw. der regionalen Schriftsprache des Murgebietes und der literarischen Tradition des Kaj-Dialektes bereitete die Annäherung der zentralen slovenischen Literatursprache, bzw. der Literatursprache auf Grund des Što-Dialektes ein Ende²⁴/.

Die auf den lokalen Mundarten beruhende regionale Schriftsprache des Murgebietes, die alles in allem doch einen überdialektalen Koine-Charakter trug, diente zwei Jahrhunderte lang den Zwecken der Gottesdienste, der Bildung und kleinsten Teils der schöngeistigen Literatur, nämlich, wie I.H.Tóth darauf hinweist, die regionalen Schriftsprachen sind vor allem nicht die Träger ästhetischer Werte, und bringen diese auch nicht zum Ausdruck, sie stehen vielmehr im Dienste der Bildung, vielleicht auch der administrativen Bedürfnisse einer kleineren Gemeinschaft²⁵. Und zwar in dieser regionalen Schriftsprache wurden keine solch bedeutende Werke geschrieben, wie in den Kaj- und Ča-Dialekten des Kroatischen /ein Teil von Krleža's und Nazors Werken/, sie ist doch sehr bedeutend für das ganze Slovenentum. Von den regionalen Schriftsprachen, die sich auf dem slovenischen Sprachgebiet entfalteten, erreichte eben die Sprache des Murgebietes die höchste Stufe der Entwicklung, und wurde am längsten bewahrt²⁶, und schon allein diese Tatsache soll die Aufmerksamkeit auf die Schriftsprache des Murgebietes lenken. Aber was sowohl für die Slovenen des Murgebietes, als auch für das ganze Slovenentum von außerordentlicher Bedeutung ist: für die von den anderen Slovenen getrennten, in fremder Umgebung lebenden ungarländischen Slovenen bedeuteten eben die in dieser regionalen Schriftsprache geschriebenen Bücher die Möglichkeit, die Muttersprache zu bewahren. "Poleg družine in cerkve, delno tudi šole in ob njihovem posredovanju, je ta slovstvena dejavnost v materinščini ohranjala in utrjevala v tej krajini slovenski jezik in z njim slovensko zavest -- naj je bila še tako malo kričeca -- ter s tem pripravljala zavestno in dejavno sodelovanje pri osvoboditvi ispod tisočletne tuje nadvlade ter k naravnemu sprejemu knjižne slovenščine iz zavesti pripadnosti k narodni skupnosti"²⁷. Es ist ja verständlich, daß Avgust Pavel, der eine klare Vorstellung von der Fähigkeit der Sprache, Nationalitäten zu bewahren, zu behüten, hatte, sich mit dem Gedanken sehr schwer befreunden konnte, daß diese, für die ungarländischen Slovenen so viel

bedeutende Sprache, die "sztári szlovénszki jezik" auf einmal der Vergangenheit angehören soll. Eben deshalb, und nicht aus irgendwelchem Widerwillen erhob er sein Wort für diese regionale Schriftsprache²⁸ / die er der damals in Ungarn üblichen Benennung entsprechend als 'wendisch' bezeichnet, aber das hatte für ihn und für die meisten damaligen Ungarn auch keinen negativen Beiklang, und hatte ebensoviel mit den Vandalen zu tun, als z.B. heute die Benennung 'Slawe' mit den Sklaven/. Daß Pavel die 'wendische' Sprache verteidigte, ist dann besonders verstehbar, wenn man daran denkt, daß er gesehen hatte, wie ungeschickt die Annäherung zur slovenischen Schriftsprache /Pavel nennt sie das 'österreichisch-Slovenische'/ von wohlgesinnten, aber nicht immer ausreichend sachverständigen Menschen durchgeführt wurde²⁹. Als sich die historischen Verhältnisse änderten /das Murgebiet wurde von Ungarn abgegliedert/, und Pavel sah, daß die Einführung der slovenischen Literatursprache statt des regionalen aktuell wurde, überprüfte auch er seine Ansichten³⁰. Aber es ist auch ganz verständlich, daß er noch im Jahre 1941 den Auftrag, eine Grammatik der wendischen Sprache zu schreiben, annahm. Wegen der politischen Lage gab es überhaupt keine Hoffnung, daß die slovenische Literatursprache in den Schulen des Murgebietes unterrichtet werden kann. Allein die wendische Sprache, also die regionale Schriftsprache des Murgebietes hatte noch die Aussicht, unterrichtet werden zu dürfen, weil das nicht unvereinbar mit den Interessen der herrschenden Kräfte war, obwohl sie den Unterricht dieser Sprache nicht betrieben, aber auch nicht verboten. In dieser, vom Gesichtspunkte des Muttersprachunterrichts aussichtslosen Situation ist es ja selbstverständlich, daß Pavel einen Lichtblick in diesem Auftrag sah. Er, der die Traditionen dieser regionalen Schriftsprache ausgezeichnet kannte, wußte auch: wenn diese Sprache zwei Jahrhunderte lang geeignet war, die slovenische Bevöl-

kerung des Murgebietes vor der Assimilation ins Ungartum bewahren zu können, dann sollte sie auch in den schwersten Jahren des XX. Jahrhunderts fähig sein, diese bewahrende-bewahrende Funktion auszuüben. Deshalb schrieb er seine Grammatik in der Hoffnung, daß sie in den Schulen auch in der Wirklichkeit gebraucht wird, -- es geht ja nicht darum, daß er die Grammatik zur Unterstützung der magyarisierenden Bestrebungen zusammenstellte.

Die regionale Schriftsprache des Murgebietes hatte nach den neueren Forschungen neben der schon erwähnten Bedeutung für die Bewahrung /besser: Ausprägung/ der nationalen Identität noch eine, auch für die Ausbildung der slovenischen Literatursprache wichtige, aber bisher nicht eingehend genug erforschte Rolle. M. Orožen, die Sprache von Štefan Küzmič untersuchend, beweist, daß sie viele solche Elemente enthält, die nur im Dialekt des Murgebietes /bzw. in der pannonischen Dialektgruppe/ vorhanden waren, aber aus den zentralen slovenischen Dialekten fehlten, die aber doch organische Bestandteile der slovenischen Literatursprache wurden, und zwar dank der regionalen Schriftsprache des Murgebietes. Als in der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts der Anspruch auf eine standardisierte /normalisierte/ Sprache erhoben, und die konkreten sprachlichen Fragen der Standardisierung erörtert, diskutiert wurden, berufen sich die Teilnehmer an den Diskussionen oft und gerne auf die Schriftsprache der Slovenen des Murgebietes. "Sploh postaja od tega časa dalje prekmurski knjižni jezik pomemben argument pri normiranju posameznih 'novoslovenskih' glasoslovnih, oblikoslovnih in sintaktičnih pojavov, ker je očeval arhaičnejšo /in čistejšo, to je bolj 'slovansko'/'stopnjo razvoja kot osrednji jezik"³¹. /Von den Beispielen, die M. Orožen aufführt, erwähnen wir jetzt nur eins : die aktive Partizipien des Präteritums auf -vši, die Ravniki -- für eine kürzere Periode -- in die slovenische Literatursprache eigentlich nach dem altkirchenslawischen Vorbild einführt, wobei er auch auf Küzmič und auf die Sprache der ungarländischen Slovenen hinwies, worin diese Art der Partizipien beibehalten wurde³²./

II.

Die Grammatik von Avgust Pavel erörtert und systematisiert die charakteristischen Züge der Schriftsprache des Murgebietes, wenn auch nicht in allen Einzelheiten /was auch nicht die Aufgabe einer Schulgrammatik sein kann./ Wie schon gesagt, die Bearbeitung des Materials erfolgt nach dem traditionellen Aufbau der Schulgrammatiken. Nach dem kurzen Vorwort und der Einführung, in der er die slovenischen Mundarten Ungars vor dem ersten Weltkrieg aufzählt und charakterisiert, folgt die Lautlehre, worin Pavel auch auf die im Schrifttum des Murgebietes üblichen Zeichenvarianten für die einzelnen Laute bzw. Lautverbindungen eingeht. Dann kommt die Formenlehre /je nach Wortarten/, kurze Wortlehre, Bedeutungslehre, Wortschatzlehre, und die Grammatik schließt mit einem Überblick über die Satzlehre. Aus dieser Grammatik veröffentlichen wir jetzt als Probe stück das Kapitel über das Substantiv, bzw., die dazu gehörende Einführung in die Deklination. Wir sind uns dessen bewußt, daß Pavels Grammatik durch diese Veröffentlichung noch nicht aus ihrem Dornröschenschlaf erwacht. Sie ermöglicht nur für die Philologen, sich über Pavels Grammatik, besser gesagt, nur über ein Kapitel der Grammatik eine Vorstellung zu verschaffen. Aber wir hoffen, daß diese Veröffentlichung einen Beitrag dazu leistet, die Aufmerksamkeit auf Pavels Werk zu lenken, damit sie einst auch für eine größere Öffentlichkeit zugänglich wird. Es besteht ja ein Bedarf an einer zugänglichen Bearbeitung der Schriftsprache des Murgebietes, und zwar aus mehreren Gründen. In der letzteren Zeit machten uns mehrere Sprachwissenschaftler auf die regionalen Schriftsprachen aufmerksam, die im historischen Ungarn entstanden waren³³, und deren Untersuchung sowohl für die allgemeine Sprachwissenschaft /die arealen Beziehungen der Sprachen des Donaugebietes/ als auch für die slawische und ungarische Sprachwissenschaft und Kulturgeschichte bedeutende Ergebnisse liefern könnte. Die Grammatik der wendischen /ungarländischen slovenischen/ Sprache" von Pavel könnte als ein nützliches Handbuch den sich für die Sla-

wistik interessierenden Studenten dienen. Für die in Ungarn lebenden Slovenen könnte sie ein Hilfsmittel sein, die Sprache, die zwei Jahrhunderte lang für die Slovenen des Murgebietes der Träger der muttersprachlichen Kultur war, und für die Erhaltung dieser Nationalität eine nicht geringe Rolle spielte, tiefer kennenzulernen. Das würde wirklich eine Bewahrung der Traditionen bedeuten, im edelsten Sinne des Wortes. Aber außer dem bloßen Traditionalismus könnte eine aktuellere und wichtige Funktion dem Kennenlernen dieser regionalen Schriftsprache zufallen³⁴: die "sztári szlovénszki jezik" /wie sie im Porabje auch heute genannt wird/ könnte ein Bindeglied zwischen den Mundarten und der slovenischen Literatursprache sein. Soziologische Untersuchungen beweisen, daß die slovenischen Sendungen des Győrer Rundfunks populärer und für die Bevölkerung verständlicher geworden sind, seitdem sie teilweise in den Ortsmundarten ausgestrahlt werden³⁵. Heute, wonun die Zeit über die mit der 'wendischen' Sprache verbundenen Theorien schon endgültig hinweggegangen ist, und die Sprachkultur der ungarländischen Slovenen, milde gesagt, viele Probleme aufweist, würde es sich vielleicht empfehlen, hierüber nachzudenken.

Das Kapitel "Das Substantiv" aus Pavels Grammatik bietet sehr wertvolle Informationen darüber, wie sich das urslawische sprachliche Erbgut in der Geschichte der slovenischen Sprache veränderte. Obwohl Pavels Werk vom synchronen Charakter ist, zählt er aber neben den allgemein verbreiteten Formen so viele morphologische Varianten auf, -- wobei er auch darauf hinweist, wie oft die einzelnen Varianten vorkommen, ob es je nach Gegenden Unterschiede gibt/leider fehlt aber die genaue Lokalisierung der Varianten/ gelegentlich auch darauf, ob die Varianten schon lange bestehen oder erst vor kurzem entstanden sind --, daß er dadurch auch für die diachrone Sprachwissenschaft ein außerordentlich wertvolles Material zur Verfügung stellt. Bei den neu entstandenen Varianten versucht er zu erklären, wie, analog zu welchen anderen Formen die Varianten erschienen, und er wertet sie auch aus dem Gesichtspunkte der Sprach-

richtigkeit: ob sie richtig oder zum Gebrauch nicht zu empfehlen sind.

Die linguistischen Studien halten den Dialekt des Murgebietes vor allem wegen seiner phonetischen-phonologischen und lexikalischen Eigentümlichkeiten für interessant, und die anderen Ebenen bleiben im Hintergrund. Das ist teilweise ja auch begründet, weil eben die Phonetik und Phonologie das komplizierteste und interessanteste Bild aufweisen. Jedoch ist vielleicht auch aus der Morphologie einiges als Lehre zu ziehen. Auf jeden Fall lohnt es sich zu untersuchen, welche von den morphologischen Eigentümlichkeiten des Dialekts des Murgebietes sich in der regionalen Schriftsprache als schon als Standard ansehbare Charakteristika widerspiegeln, welche von ihnen als Varianten erscheinen, und in welchen Fällen die regionale Schriftsprache mit der slovenischen Schriftsprache übereinstimmt. Außerdem lohnt es sich, die Aufmerksamkeit auf einige solche Elemente zu lenken, die im Murgebiet als Elemente aus dem Kaj-Dialekt des Kroatischen gelten.

1. Sehen wir uns, zuerst die Veränderungen an, die bei den Kategorien der Substantiva erfolgten!

1.1. Nach der Grammatik von Avgust Pavel waren - genauso wie in der slovenischen Literatursprache -- in der Schriftsprache des Murgebietes alle drei Genera vorhanden. Wir finden aber eine ganze Reihe ursprünglicher Neutra, von denen auch feminine Formen bekannt sind, und die auf zweierlei Art dekliniert werden können, z.B.: gnêzda und gnêzdo /Nest/; jabuka und jabuko /Apfel/; rêbra und rêbro /Rippen/, s. 128.§. Die Umwandlung der Neutra in Feminina ist in den mit dem Murgebiet benachbarten Slovenske gorice am weitesten verbreitet, aber einige Spuren sind auch im Murgebiet zu finden³⁶. Diese Erscheinung erklärt sowohl F. Ramovš als auch Pavel mit dem Einfluß der Pluraliatantum.

Davon, daß die Neutra schon keine völlig stabile Kategorie bilden, zeugt auch die Erscheinung, daß die Neutra ab und zu auch solche Kasusendungen bekommen können, die eigentlich nur bei den Maskulina erschienen, z.B.: Plur. Gen. čúdov /Wunder/;

imanjov /Gut/, kolév /Rad/, usw., s. 163.§.

1.2. In Pavels Grammatik wird der Dual noch in allen Deklinationstypen konsequent unterschieden. Auch in seinem Artikel "Die Sprache der neuesten wendischen Literatur" weist er darauf hin, daß für diese Sprache der allgemeinere Gebrauch des Duals charakteristisch ist³⁷. Aber im Unterschied zur slovenischen Literatursprache finden wir gewöhnlich nur zwei Formen: eine für Nom.-Akk.-Gen. /z.B.: brata/, und eine für Dat.-Lok.-Instr. /z.B.: bratoma/ . Während in der Literatursprache die Formen des Nom.-Akk. und des Dat.-Instr. als Dualformen betrachtet werden können, und im Genitiv und Lokativ die Pluralformen gebraucht werden, Pavels Grammatik nach erscheint in dieser regionalen Schriftsprache im Genitiv die Endung des Nom.-Akk. des Duals /natürlich, ab und zu kommt auch die Endung des Genitivs des Plurals vor, z.B.: rôk /, und im Lokativ die Endung des Dat.-Instr. des Duals. Sonst ist im Dual die Zahl der Formvarianten relativ groß: das weist eindeutig darauf hin, daß der Dual eine aussterbende Kategorie ist, die mehr in der Schriftsprache als im lebendigen Sprachgebrauch beibehalten wurde³⁸.

1.3. Bei der Kategorie des Kasus finden wir eine mit der slovenischen Literatursprache übereinstimmende Situation. Zwei Kasus, der Lokativ und der Instrumental kommen nur in Verbindung mit Präpositionen vor. Der Vokativ als selbständiger Kasus verschwand, Pavel erwähnt nur einige Reste von ihm, im wesentlichen dieselben Wörter, deren Vokativformen auch in der Literatursprache gebraucht werden, in derselben /Bože!/ oder unterschiedlicher Form /Bôkô moj!/. Das Dasein des Wortes 'gospodin, gospon' in der Literatursprache des Prekmurje erklärt V. Novak mit dem Einfluß des Kaj-Dialektes des Kroatischen³⁹, Vokativformen dieses Wortes erwähnt auch Pavel /112.§./: Gospodne! gospone! /nach den ô-Stämmen/ und gosponi! /nach den ĭ-Stämmen/. Der Gebrauch der Vokativformen war in der literarischen Tradition des Murgebietes eine öftere Erscheinung, als in den zentralen Gebieten, was sich durch den

den Einfluß des Kaj-Dialektes erklären läßt; obzwar bei den Schriftstellern die Bestrebung wahrzunehmen war, neben anderen kroatischen Elementen auch die Vokativformen zu beseitigen⁴⁰.

2. Aus Pavels Grammatik bekommen wir wertvolle Informationen über die Prozesse, die sich innerhalb eines und desselben Deklinationstypes vollzogen, und auch über die Wechselwirkung von verschiedenen Deklinationstypen aufeinander. Diese Rezension kann es nicht zur Aufgabe haben, diese Prozesse in ihrer Gesamtheit, auf jede Variante eingehend zu schildern, es sei die Aufmerksamkeit nur auf einige Erscheinungen gelenkt.

2.1. Die erste Erscheinung, die schon beim ersten Lesen der Grammatik auffällt, ist ,daß infolge phonetischer Prozesse die ursprünglichen Kasusendungen so bedeutende Veränderungen erlitten, daß es ganz schwer ist, sie mit den späteren urslawischen, bzw. mit den in der slovenischen Literatursprache als Standard geltenden Endungen zu identifizieren, obwohl sie eigentlich gleichen Ursprungs sind.

2.1.1. Das ist der Fall auch bei der Endung des Lokativs des Plurals. In Pavels Grammatik finden wir in allen Deklinationstypen die Endung -aj, die außer der Generalisation der Endung der ā-Stämme für die ǫ/jǫ und ī-Stämme /in der slovenischen Literatursprache finden wir dagegen die Endung -ih, seltener -éh/ auch den Prozeß -ch > -i im Auslaut widerspiegelt⁴¹. In betonter Stellung findet man aber auch -éh > -ěj, vgl. 147. §.

2.1.2. Infolge phonetischer Prozesse ist auch die Endung des Dativs und Lokativs des Singulars der ǫ/jǫ Stämme schwer zu identifizieren: gegenüber der in der slovenischen Literatursprache üblichen -u finden wir -i, das nach der Meinung von F. Ramovš in den Dialekten des Murgebietes und der Slovenske gorice in unbetonter Stellung entstand, infolge einer Delabialisierung und Develarisierung u > ü > i⁴²; z.B.: brati,

dvori /142.§./ . Pavel erwähnt nicht, daß die Endung -u unter Betonung beibehalten wäre; er erwähnt auch keine -e>-ej, aus dem Lokativ des Singulars stammende Endung, die schon in der Sprache von Kúzmič vorkam⁴³, und auch in den heutigen Mundarten bekannt ist⁴⁴. Als einen Charakterzug des Wendischen erwähnt Pavel, daß Dat. und Lok. Sing. in allen Deklinations-typen eine -i-Endung aufweisen⁴⁵.

2.1.3. Eine, für alle pannonischen Dialekte charakteristische Endung des Nominativs des Plurals bei Maskulina ist die von den ŷ-Stämmen stammende Endung -je /von Fall zu Fall kann sie durch -ov erweitert werden: -ovje /,z.B.: vlás: vlasjé /Haare;145.§./; môst: mostôvje /Brücke;146.§./, die infolge phonetischer Prozesse in einigen Gebieten des Murgebietes auch in einer sehr markanten Variante zu finden ist: -je>-d'e>-ge, nach stimmlosen Konsonanten -ke, z.B.: zobgé /Zahn/, trávnice /Wiese;145.§./⁴⁶. Wie bekannt, leistete O. Asbóth eben das von Avgust Pavel gesammelte sprachliche Material eine Hilfe, diese Erscheinung erklären zu können⁴⁷.

2.2. Ein Charakteristikum der slovenischen Literatursprache ist, daß es in den ursprünglich binären Deklinationstypen zwischen den harten und weichen Varianten zu einem Ausgleichungsprozeß kam, nämlich, die ein -o-, -a- enthaltenden Morpheme triumphierten im allgemeinen über die weichen Varianten /Ausnahmen: Plur.Gen. -ov/-ev, Sing.Instr. -om/-em, wo die ursprüngliche Zweiheit noch zu finden ist/; bei anderen Morphemen aber drang die weiche Variante auch in die harten Stämme ein. Z.B.: ā/jā-Stämme: Sing.Gen. -e, Sing.Dat.-Lok. -i, Dual Nom.-Akk. -i, Plur.Nom.-Akk. -e; ō/jō-Stämme: Sing.Lok. -i /öfter -u aus den ŷ-Stämmen/; Plur.Akk. -e, Plur.Lok. -ih, selten auch -éh; bei Neutra Dual.Nom.-Akk. -i. Die aus der harten Variante stammende Endung des Nom.-Akk. des Duals /ā/jā- Stämme/ gilt als stilistisch markiert, archaisch⁴⁸. Eine ähnliche Situation widerspiegelt auch Pavels Grammatik. Es gibt nur die folgenden geringen Unterschiede: Pavel erwähnt

die Endung -em im Instrumental des Singulars bei den weichen Neutra nur als eine seltener vorkommende Variante: med bliskanjem i grmljenjom /163.§./ . Eine aus der harten Variante der ā/jā-Stämme stammende -e-Endung des Sing.Dat.-Lok. /ähnlich auch im Dual Nom.-Akk./ erwähnt er nur an zweiter Stelle, wahrscheinlich als Variante; in der slovenischen Mundart von Gornji Senik aber wurde im Sing.Dat.-Lok. nur die aus der harten Variante stammende Endung e:i, bzw. -e beibehalten⁴⁹.

2.3. In Pavels Grammatik finden wir zahlreiche Beispiele für die Wechselwirkung von verschiedenen Deklinationstypen, es wäre fast unmöglich, sie alle aufzuzählen. Was jedoch bemerkenswert ist, beim Übernehmen von Kasusendungen bedeutet der Unterschied im Genus kein Hindernis. Selbst Pavel spricht von "der vielseitigen Vermischung der Genera"⁵⁰. Z.B.: ausnahmsweise können auch Neutra im Genitiv des Plurals die Endung -ov/-ev bekommen /čúdob;163.§./; ebenso bei den Neutra kann im Instrumental des Plurals eine Endung aus den ī-/oder ŭ-Stämmen /pred létmi/ oder auch den ō-Stämmen /pred lêti/ vorkommen; im Dativ des Plurals wurde die aus den ā-Stämmen stammende Endung -am herrschend /létam;160.§./, obwohl auch -om vorkommt /delom, k vratom;163.§./ . Diese Fähigkeit der Neutra, Endungen aus fast allen Stämmen und ohne Rücksicht auf das Genus aufnehmen zu können, ist wahrscheinlich damit zu erklären, daß das Neutrum als grammatische Kategorie in den Mundarten des Murgebietes schon nicht ganz stabil ist, siehe z.B. auch die Tendenz der Umwandlung der Neutra in Feminina. Als eine parallele Erscheinung fällt die größere Aktivität der Feminina aus den ā/jā-Stämmen im Vergleich zu der slovenischen Literatursprache auf, z.B.: die Verbreitung der Endung -aj < -ach im Lokativ des Plurals in allen Deklinationstypen, z.B.: /pri/ rokáj, očáj, materaj, nitaj, čeráj, brataj, lêtaj; die Verbreitung von -am im Dativ des Plurals /s.oben/ und -ama im Dat.-Instr.-Lok. des Duals bei den Neutra /k drévama;163.§./; -am kommt auch bei den Maskulina vor /k mōstam;147.§./; im Instrumental des Plurals ebenso bei den Maskulina wurde -ami generalisiert: s konjami;147.§./ . Es ist interessant, daß F.Ramovs von der Endung -ami des Instrumentals des Plurals bemerkt, ihr Vorkom-

men beschränke sich im Murgebiet nur auf die Neutra, sonst sei sie für die westlichen Dialekte charakteristisch, obwohl sie früher auch in der Literatursprache vorkam⁵¹. Es wäre vorstellbar, daß diese Endung in der regionalen Schriftsprache des Murgebietes nicht aus den lebenden Mundarten stammt, sondern unter dem Einfluß einer früheren slovenischen literarischen Tradition erschien; dagegen spricht aber die Tatsache, daß in der Mundart von Gornji Senik Formen wie bar'g-a:mę, po'gān-amę gewöhnlich sind.

2.4. Von den vielen interessanten Erscheinungen möchten wir noch eine erwähnen, nämlich, die Endung -ōv [-ou̯v/-ou̯f] des Instrumentals des Singulars in den femininen Deklinationen, die einer der charakteristischsten Merkmale der Mundarten des Murgebietes ist⁵². In der slovenischen Literatursprache finden wir die Endungen ^x-oju > -o > o, bzw. ^x-ju > > -ju > jo /selten -ijo/.

Beispiele mit der Endung -ov findet man auch in den alten Sprachdenkmälern anderer slawischen Sprachen. Schon Đ. Daničić führt eine ganze Reihe femininer Substantive und auch Adjektive aus den ältesten Denkmälern /bis zur 2. Hälfte des XIII. Jahrhunderts/ an, die jene Endung aufweisen, z.B.: вѣровъ, лоуновъ, лозовъ, гѣсовъ und правовъ, сръбьскновъ /sogar auch -ev: божнѣвъ, neben божнѣовъ /⁵³. Bei St. Kulbakin finden wir neben den altserbischen auch Beispiele aus russischen Denkmälern des XV. und XVI. Jahrhunderts, aber nur Adjektive: мореѣо хѣровъ рѣново /XV. Jh./, своевъ доверѣо /1459/ usw.⁵⁴ Sowohl Đ. Daničić als auch St. Kulbakin, später auch W. Vondrák⁵⁵ geben für diese Formen eine phonetische Erklärung: Sie wären aus -oju, mit einem Ausstoß des intervokalisches i und mit der Umwandlung des Vokals u in ein nicht silbenbildendes u /oder bilabiales w/, entstanden. Die Endung -ov sei im Serbokroatischen nur in den östlichen Gebieten des Ča-Dialektes beibehalten worden; mit Beginn des XIII. Jahrhunderts wurde sie in anderen Gebieten durch -om ersetzt⁵⁶.

Den Ursprung der Endung -ov erklärte Oblak mit dem Einfluß des Kaj-Dialektes des Kroatischen, aber F. Ramovš hält diese Erklärung für unannehmbar, in den ältesten slovenischen Texten finde man nämlich viel öfter -om, und -ov erscheine nur in den neueren Schriften, und deshalb, meint F. Ramovš, könne die Endung -om in den Mundarten des Murgebietes als primär betrachtet werden; die -om wäre, genauso, wie im Što-Dialekt /und im Kaj-Dialekt die Endung -um/, aus der Endung -o /Kaj: -u/ im Instrumental Singular der Feminina unter dem Einfluß des Instrumental Singular der Maskulina und Neutra, also in einem Kontaminationsprozeß, entstanden. Die Entstehung des -ôv im Dialekt des Murgebietes erklärt F. Ramovš mit einem phonetischen Prozeß, nämlich, daß aus -om infolge einer diphtongierung des ó > ôu, also -ôum, aus dem auslautenden -m infolge einer Denasalisation und Veränderung der Bildungsart ein labiodentaler Spirant v, bzw. f wurde. F. Ramovš hält diesen Prozeß für eine relativ neue Erscheinung⁵⁷. Dagegen fand aber V. Novak⁵⁸ in den Werken von Franc Temlin, Štefan Kuzmič und Mihal Bakoš bedeutend mehr -ov, als -om, und erst bei Mikloš Kuzmič ist ein Gleichgewicht zwischen den beiden Endungen wahrzunehmen. Auf Grund dieser Beobachtungen zweifelter an Ramovš's Aussage, die Endung -om wäre im Dialekt des Murgebietes primär. Die Endung -om hält V. Novak für ein aus dem kroatischen Kaj-Dialekt stammendes Element⁵⁹, F. Ramovš aber für eine Isoglosse, die für die Ča- und Kaj-Dialekt des Kroatischen und für den Prekmurje-Dialekt des Slovenischen gemeinsam ist⁶⁰.

Diese Bemerkungen dürfen aber keinesfalls als ausführliche Analyse des sprachlichen Materials, das Pawels Grammatik bietet, betrachtet werden; wir wollten nur die Aufmerksamkeit auf diejenigen wichtigen Züge lenken, die die regionale Schrift-

sprache des Murgebietes auch vom Gesichtspunkte der Morphologie einer Erforschung wert machen.

x x x

Die Herausgeber bedanken sich für die geleistete Hilfe bei der Familie von August Pavel, bei dem Direktor und bei den Mitarbeitern des Savaria Museums zu Szombatlehy, die die originelle Handschrift, die als Grundlage der Übersetzung diente, und das Manuskript K 108 /Etnographische Sammlung des Savaria Museums zu Szombathely/ für diese Veröffentlichung zur Verfügung stellten.

Literatur

1. Á. Pável. Mutatvány a vend /hazai szlovén/ nyelvtan c. kéz-
íratos műből. In: Pável Ágoston válogatott tanulmányai és
cikkei. Szombathely, 1976, S. 66--68.
2. M. Szemző. Pável Ágoston élete. In: Pável Ágoston-émlékkönyv.
Dunántúli Szemle, XL /7--8/. Szombathely, 1949, S. 31.
3. Á. Pásztor Tilcsikné red. Pável Ágoston /Vasi életrajzi biblio-
gráfiák XIX/. Szombathely, 1986, S. 25, Punkt 30.
4. Elkészült dr. Pável Ágoston vend nyelvtana. Vasvármegye, 11.
Dezember 1942, S. 6.
5. E. Angyal. A szlavista Pável Ágoston. Vasi Szemle 1958 /1, S.
16. Vgl. noch: Novák, Vilko: Življenje in delo Avgusta Pavla.
In: Etnografija južnih Slavena u Mađarskoj, 4. /1982/, S. 11:
"Skušali pa so ga izrabiti za pisanje prekmurske /"vend"/
slovnice, kar je sicer narédil, da ne bi kdo kaj bolj škodljivi-
vega in slabega napisal -- toda izdali mu je niso."
6. Á. Pável. Mutatvány a vend..., S. 66.
7. Elkészült dr. Pável Ágoston vend nyelvtana..., S. 6.
8. A Vendvidéki Magyar Közművelődési Egyesület állásfoglalása a
a vend nyelvkérdéssel kapcsolatban. In: Vasvármegye, 31. De-
zember 1942, S. 3. und A Vendvidéki Magyar Közművelődési
Egyesület nagyjelentőségű javaslatai a vend nyelvkérdésben.
In: Vasvármegye, 10. März, 1943, S. 3--4.
9. Die Fachmeinung des Lektors ist als Beilage zu dem Manuskript
K 108 in der Ethnographischen Sammlung im Savaria Museum zu
Szombathely zu lesen.
10. E. Angyal. Pável Ágoston és a délszláv világ. In: Pável dr.
Ágoston. Szombathely /Murska Sobota/, 1967, S. 38.
11. Á. Pável. Mutatvány a vend..., S. 66--68.
12. F. Mukič /Francek Mukič/. Nyelvtan -- tanulók nélkül. In:
Vas Népe. 22. Mai, 1979, S. 5.
13. V. Novák. Življenje in delo..., S. 17.
14. E. Angyal. A szlavista Pável Ágoston..., S. 15.
15. V. Novák. Izbor prekmurskega slovstva. Ljubljana, 1976, S. 12.
16. F. Mukič. Gornjeseniški govor. Ljubljana, 1978, S. 19 /Diplom-
arbeit, Manuskript/.
17. V. Novák. Kajkavské prvine v prekmurski knjigi 18. stoletja.
In: Slavistična revija, XX /1972/, S. 95. Ljubljana.
18. V. Novák. Izbor..., S. 27.

19. V. Novak. Izbor..., S. 12.
20. M. Orožen. Liturgična terminologija v zgodovinskem razvoju osrednjega in vzhodnoslovenskega knjižnega jezika /do konca 18. stoletja/. In: Die slawischen Sprachen. Bd. 9 /1985/. Wien, S. 60.
21. M. Orožen. O vzhodnoslovenskem knjižnem jeziku. In: Zbornik Štefana Küzmiča. Murska Sobota, 1974, S. 116.
22. D. Brozović. Standardni jezik. Zagreb, 1970, S. 133.
23. M. Orožen. O vzhodnoslovenskem..., S. 1116.
24. M. Orožen. O vzhodnoslovenskem..., S. 117. und M. Petrov-Slodnjak. Die christliche Terminologie der pannonischen Dialekte. In: Die slawischen Sprachen. Bd. 9 /1985/. Wien, S. 73--74.
25. I. H. Tóth. Pável Ágoston helye a magyar szlavisztika történetében. In: Vasi Szemle. Szombathely, 1987 /in Vorbereitung/.
26. V. Novak. Izbor..., S. 18.
27. V. Novak. Izbor..., S. 28.
28. A. Pável. A legújabb vend irodalom nyelve, I. In: Nyelvtudomány. Bd. VI/Heft 1. Budapest, 1916, S. 7--8.
29. A. Pável. A legújabb vend irodalom... I /s. oben/ und II. In: Nyelvtudomány. Bd. VI/Heft 2. Budapest, 1916.
30. J. Filo. Pável Ágoston nyelvészeti, fordítói és kultúrközvetítői munkássága. In: Vasi Szemle. Szombathely, 1976/3, S. 429.
31. M. Orožen. O vzhodnoslovenskem..., S. 119.
32. M. Orožen. O vzhodnoslovenskem..., S. 119.
33. L. Hadrovics. Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Wien, 1974, S. 15.
P. Király. Beiträge zur slowenischen Mundart in Ungarn. In: Hungaro-Slavica. Bp., 1978, S. 135. ff.
J. Balázs. Az areális nyelvészeti kutatások története, módszerei és főbb eredményei. In: Areális nyelvészeti tanulmányok /red. J. Balázs/. Bp., 1983, S. 34.
I. H. Tóth. Pável Ágoston helye... /in Vorbereitung/.
34. F. Mukics /F. Mukič/. Nyelvtan -- tanulók nélkül..., S. 5.
J. Graj. Bo v Slovenski vesi slovensčina izumrla? In: Vestnik. Murska Sobota, 11. Juni 1987, S. 26.
35. Kultúra és nemzetiség II. In: Vasi Szemle, 1986, Nr. 4, S. 523--524.
36. F. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana, 1952, S. 36. Vgl. noch: Auch die heutige Mundart von Gornji Senik charakterisiert diese Erscheinung, s. F. Mukič. Gornjeseniški govor..., S. 128.

37. Á. Pável. A legújabb vend irodalom..., I, S. 15.
38. F. Mukič. Gornjeseniški..., S. 129.
In der Mundart von Gornji Senik sind alle Dualformen -- außer der Form des Nom.-Akk. des Plurals -- durch die Pluralformen ersetzt worden.
39. V. Novak. Kajkavske prvine..., S. 96. ff.
40. M. Orožen. O vzhodnoslovenskem..., S. 116.
41. F. Slawski. Zarys dialektologii południowosłowiańskiej. Warszawa, 1962, S. 81.
42. F. Ramovš. Morfologija..., S. 39.
43. F. Ramovš. Morfologija..., S. 39.
44. Vgl.: F. Mukič. Gornjeseniški..., S. 138: bar'ge:ī, unbetont: S. 139: 'brāte.
45. Á. Pável. A legújabb vend irodalom...I, S. 15.
46. Vgl.: F. Ramovš. Morfologija..., S. 43.
47. I. H. Tóth. Pável Ágoston helye... /in Vorbereitung/.
48. J. Toporišič. Stilna vrednost glasovnih, prozodijskih, /pravo/pisnih, morfemskih in naglasnih variant slovenskega knjižnega jezika. In: Slavistična revija. Ljubljana, XXI /1973/, S. 250.
49. F. Mukič. Gornjeseniški..., S. 133.
50. Á. Pável. A legújabb vend irodalom..., I, S. 15.
51. F. Ramovš. Morfologija..., S. 50.
52. F. Slawski. Zarys..., S. 81.
53. D. Dačić. Istorija oblika srpskoga i hrvatskoga jezika do svršetka XVII. vijeka. Beograd, 1984, S. 37.
54. Ст. Кульбачин. Сербский язык. Полтава, 1917, S. 64.
55. W. Vondrák. Vergleichende slawische Grammatik. Zweite Auflage. 1928, S. 32.
56. A. Belić. Istorija srpskohrvatskog jezika. knj. II, sv. 1: Reči sa deklinacijom. Beograd, 1962, S. 41.
57. F. Ramovš. Morfologija..., S. 59.
58. V. Novak. Kajkavske prvine..., S. 96, 98, 100, 101.
59. V. Novak. Kajkavske prvine..., S. 98.
60. F. Ramovš. Morfologija..., S. 59.

AVGUST PAVEL: GRAMMATIK DER WENDISCHEN
/UNGARLÄNDISCHEN SLOVENISCHEN/ SPRACHE
/1942/^x

/Auszüge/

Deklination und Konjugation /Pregibanje/

111. § Das Substantiv, das Adjektiv, der Artikel, das Pronomen, das Numerale und das Verb verändern ihre Formen im Satz ständig. Man sagt, sie werden flektiert. Deshalb werden sie flektierbare Wortarten /pregíbane besédne vrste/ genannt, alle anderen sind unflektierbare Wortarten /nepregíbane besédne vrste/.

Die Flexion der Nomina wird Deklination /sklanjátev/ genannt, die des Verbs Konjugation /spregátev/. Die Form ohne Flexion ist der Wortstamm, Verbalstamm /osnova/; die Endungen, die die syntaktischen Verhältnisse ausdrücken, sind die Flexionen /obrazilo/. Z.B.: hiž-a, hiž-i, hiž-e /Haus/; dela-m, dela-š, dela -mo /arbeiten/.

Es wird unterschieden zwischen: Singular /ednína/, Dual /dvojína/ und Plural /množína/. Z.B.: -riba, ribi, ribe /ein Fisch, zwei Fische, Fische/; idem, ideva, idemo /ich gehe, wir zwei gehen, gehen/.

112. § Die deklinierten Formen der Nomina werden Kasus /sklon/, die Flexionen Kasusendungen /sklonila/ genannt. In der wendischen Sprache existieren die folgenden Kasus:

1. Nominativ /imenüválnik/, beantwortet die Fragen wer?
was? što? kaj?
2. Akkusativ /tožilnik/, beantwortet die Fragen wen?
was? koga? kaj?

^x Die wendischen Formen geben wir in Transliteration, mit den Buchstaben des slovenischen Alphabets an. Wir behalten jedoch Pavels traditionelle Zeichen für die Diphtonge ei = ê und ou = ô bei, und auch die Zeichen für die Vokallänge ˊ, ˊˊ: á, é, i, ó, ô, u, ú.

3. Genitiv /rodilnik/, beantwortet die Frage wessen?
koga? česa?
4. Dativ /dajálnik/, beantwortet die Frage wem? komi? čemu?
5. Lokativ /městnik/, beantwortet die Frage wo? gde? pri kom? pri čem?
6. Instrumental /orodnik/, beantwortet die Fragen mit wem?
womit? s kem? s čím?

Der selbständige Anredefall /Vokativ; zválnik/ ist schon verloren. Er wird durch den Nominativ ersetzt. Alte Vokativformen sind: Bože! /Mein Gott!/, gospodne! /Mein Herr!/, Gospodne Bože! /Mein Herr Gott!/, gospone, gosponi! /Mein Herr!/, gospo-ni Bôg! /Herr Gott!/, ähnlich ist auch der Aufruf Bôko moj! /Mein Gott!/.

113. § Die Nomina können Maskulina /moški spôl/, Feminina /ženski spôl/ oder Neutra /srednji spôl/ sein. Z.B.: človek /Mensch, masc./; dekla /Mädchen, fem./; mesto /Ort, Platz; Stadt, neutr./. Das Genus, das auf die Bedeutung zurückgeht, wird natürliches Geschlecht /Sexus /narávni spôl/ genannt; das Genus aber, das nach den Endungen bestimmt werden kann, grammatisches Geschlecht /Genus/ slovnični spôl/. Die beiden stimmen nicht immer überein, z.B.: oča /Vater/ wäre der Endung nach feminin, der Bedeutung nach aber gehört es zu den Maskulina.

Maskulina sind: die Wörter, die Männer, männliche Tiere bezeichnen; die Initialwörter; diejenigen Wörter auf Konsonanten, die im Genitiv des Singulars die Endung -a oder -ŭ bekommen, z.B.: sinko /Söhnchen/; gosák /Gänserich/; dúgi é /langes e/; léd: ledŭ /Eis; dvor: dvora /Hof/.

Feminina sind: Wörter, die Frauen, weibliche Tiere bezeichnen; die Wörter auf -a, -ev, -ost, -zen, und die auf Konsonanten, die im Genitiv des Singulars die Endung -i bekommen. Z.B.: mati /Mutter/; kokôš /Huhn/; hiža /Haus/; cérkev /Kirche/; láž: laží /Lüge/.

Neutra sind: die Wörter auf -o, -e. Z.B.: děte /Kind/; tele /Kalb/; okô /Auge/; město /Ort, Platz; Stadt/.

Bei einigen Wörtern kann man Genuswechsel beobachten. Die Neutra, besonders im Plural, gehen oft zu den Feminina über. Z.B.: jabuka und jabuko /Apfel/; čúdo und čúda /Wunder/; bédra und bédro /Schenkel/; hiža /Haus/; hiža /Häuser/, statt und neben hiže.

Das Genus der Pluralia tantum wird der Endung nach bestimmt: die auf -i sind Maskulina, die auf -e Feminina, die auf -a aber Neutra. Z.B.: otrôbi /Kleie, masc./; grable /Harke, fem./; drva /Holz, neutr./.

Zwischen den Wörtern auf -i es aber auch Feminina, nämlich die, die im Genitiv des Plurals die Endung -i bekommen, oder aber endungslos sind: dveri /Tür/; dvér; cepé /Dreschflegel/; čepi.

1. Das Substantiv /Samostalnik/

114. §. Die Substantive werden eingeteilt in:

1/ Eigennamen /lástno imé/, also Namen von bestimmten Personen oder Dingen. Hierher gehören: der Name des einzigen Gottes, die Vor- und Familiennamen, die geographischen Namen, Völkernamen, Namen von Institutionen, Verbänden, Behörden usw., Titel von Büchern und Zeitschriften. Z.B.: Bôg /Gott/; Cankova /ung. Vashiedgkút/; Tonek /Kozeform von Anton/; Vogrin /Ungar/. Die Eigennamen werden mit großen Anfangsbuchstaben geschrieben.

2/ Gattungsnamen /občno imé/: gemeinsame Namen von mehreren Personen oder Dingen, z.B.: pes /Hund/; človek /Mensch/; stol /Tisch/. Hierher gehören die Sammelnamen skupno imé und auch die Stoffnamen /snovno imé/. Die Sammelnamen sind kollektive Benennungen für zusammengehörende Gegenstände oder Dinge, z.B.: čreda /Herde/; kaménje /Steine/; deca /Kinder/. Die Stoffnamen sind Bezeichnungen

für solche Dinge, deren kleinste Teile den gleichen Namen wie das Ganze haben, z.B.: sô /Salz/; železo /Eisen/; pêsek /Sand/; mlêko /Milch/.

Diese zwei Gruppen der Substantive werden auch Dingwörter /stvárno, konkrêtno imé/ genannt.

3/ Abstrakta/pojmovno, abstraktno imé/, die Eigenschaften, Zustände oder Tätigkeiten bedeuten, z.B.: lepôta /Schönheit/; bolezen /Krankheit/; kôpanje /Baden/.

Deklination der Substantive /Sklanjátev/

115. §. Die Kasusendungen werden an den Stamm /osnova/ entweder unmittelbar angehängt /z.B.: brat: brat-a; Bruder/, oder aber mit Hilfe von bestimmten Formanten, genannt prirástek /Zuwachs; z.B.: grád: grád-ôvi; Burg/.

Es gibt Wörter, die nur über Singular- oder aber Pluralformen verfügen /singularia tantum, pluralia tantum/. Zu den Pluraliatantum gehören die Wörter, die Gegenstandspaare bedeuten, die Sammelnamen, viele Dorf- und Ortsnamen, außerdem viele Lehnwörter, z.B.: grable /Rechen/; klêšče /Zange/; rêzanci /Nudeln/; toplice /Thermalbad/, Skakovce /ung. Szécsényfalva/; Laze /Flurname/; orgole /Orgel/. Eine Schwankung ist zu bemerken bei lestvica und lestvice /Leiter/; štale und štala /Stall/; saje und saja /Ruß/.

Die Singulariatantum sind vor allem Stoffnamen und Abstrakta, z.B.: pamet /Vernunft, Verstand/; krv /Blut/; bojazen /Furcht/; méd /Honig/; glád /Hunger/; réd /Ordnung/; zláto /Gold/; srebro /Silber/.

Die Pluralformen von einigen Substantiven werden nicht vom Stamm des Singulars gebildet, z.B.: človek /Mensch/; lúdjé /Menschen, Leute/; tele /Kalb/: teoci o. telci /Kälber/; dete /Kind/: geca /Kinder/; prase /das Ferkel/: prásci /die Ferkel/.

Anstatt der den Regeln entsprechenden Dualformen ist in der letzteren Zeit, vor allem bei Schriftstellern, ein neuer Dual in

Mode gekommen, der mit dem Sammelzahlwort dvôji³ gebildet wird, der aber nicht immer richtig ist, weil er eher die Bedeutung 'beide; doppel-' hat, z.B.: dvôji brati, dvôja dŭša /beide Brüder, beide Seelen/. Nach 'zwei-drei' stehen die Nomina im Plural, oft aber auch im Dual, z.B.: dvê-trí krave o. kravi /2--3 Kühe/.

Nach den Substantivstämmen wird es unterschieden zwischen

- I. Deklination: Feminina auf -a, z.B.: rôka /Hand/,
- II. Deklination: i-Stämme, Feminina auf Konsonanten, z.B.: vés /Dorf/,
- III. Deklination: Maskulina auf Konsonanten, z.B.: dvor /Hof/,
- IV. Deklination: Neutra auf -o, -e, z.B.: leto /Jahr/; pôle /Feld/.

I. Deklination: Feminina auf -a

117. §. All die in diese Gruppe gehörenden Substantive lauten auf ein -a aus. Dereinst war dieses -a vor allen Kasusendungen zu finden; heute ist seine Spur nur in einigen Flexionen zu erkennen /-am, -ama, -aj < -ah/.

Die Substantive auf -a sind -- mit einer geringen Anzahl von Ausnahmen -- Feminina.

118. §. Die Deklination

Kasus	Singular	Dual	Plural
Nom.	rôk-a	rôk-i, rok-ê	rok-é
Akk.	rok-ô	" "	"
Gen.	rok-é, rôk-e	" " rôk	rôk
Dat.	rôk-i, rok-ê	rok-ama	rok-ám
Lok.	pri " "	pri "	pri rok-áj, rok-aj
Instr.	z rok-ôv	z "	z rok-âmi

119. §. Die charakteristischsten Kasusendungen sind: der Instrumental des Singulars /-ov, -ôv/ und der Genitiv des Plurals

/uer Stamm ohne Kasusendung/. Ansonsten wird der Stammvokal der Wörter diphthongiert oder gedehnt, z.B.: riba: z ríbov, ríb /Fisch/; slama: s slámov, slám /Stroh/; sila: s sílov, síl /Gewalt/; čreda: s čréuov, crêu /Herde/; vöra: z vöjrov, vöjr /Uhr, Stunde/.

Eine ähnliche Zunahme an Quantität /Diphthongierung oder Dehnung/ kommt auch in den anderen Fällen oft vor, vor allem im Dativ und Lokativ des Singulars und in den Endungen, die betont werden. Z.B.: kápla: po kápli /Tropfen; tropfenweise/; žela: v žéli /Wunsch/; vola: po vōli /Willen; nach Belieben/; dekla; deklé /Mädchen/; nōga: nogō, na nogáj /Bein/; deca: decé /Kinder/.

Falls der Akzent auf der Flexion -i lag, wurde diese Flexion zu -ê/-ej/, z.B.: rōki -- rokê; die anderen Flexionen aber wurden in ähnlicher Position gedehnt oder diphthongiert /rokō, roké, rokōv, rokáj, rokámi/; aber: rokama, mit kurzem -a; in dem letzteren Falle sind die Formen mit langem -a seltener.

Die Flexion des Lokativs des Plurals -aj, -áj ist ein Diphthong, der aus -ah gekürzt wurde.

In Einzelfällen, vor allem bei Schriftstellern, finden wir Formen, die unter dem Einfluß von anderen Deklinationen entstanden, z.B.: z dūšom i z telom = z dūšov i s telom /mit Leib und Seele/; hiža = hiže /Haus; Akk. Pl./, unter dem Einfluß der Neutra; v dvema vüroma < vürama /in zwei Stunden/. Ähnliche Pluralformen sind noch: detelca /Klee, Nom. Sing./: dételca /Klee, Nom. Plur./.

120. §. Falls im Genitiv des Plurals eine Konsonantenhäufung entstehen würde, wird ein -e, -é zwischen die Konsonanten eingeschoben. Z.B.: dekle: dekel > dekeo: dekōo /Mädchen/; prošnja: prošenj /Bitte/; sestra: sestér /Schwester/. Manchmal aber sind zwei Formen im Gebrauch, z.B.: gōska: gōsk und gōsek /Gans/; grūška: grūšk und grūšek /Birne/; ženska: žensk und žensek /Frau/.

121. §. Die Deklination des Wortes gospá /Frau, Herrin/:
Sing.: gospá, gospô, gospé, gospê, pri gospê, z gospôv; Dual.:
gospê, gospama; Plur.: gospé, gospé, gôsp /gospév, gospin/,
gospám, pri gospáj, z gospámi.

122. §. Die in diese Gruppe gehörenden Sammelnamen werden
nur im Singular gebraucht, aber das Prädikat steht manchmal im
Plural. Solche sind: gospoda /Herren/; deca /Kinder/; držina,
držina /Hausgesinde/; z.B.: gospoda je /oder so/ nê domá /die
herren sind nicht zu Hause/; deca se zmenja /auch zmenjajo; die
Kinder spielen/.

123. §. In die a-Deklination gehören auch einige Maskulina
auf -a. Z.B.: oča /Vater/; sluga /Diener/; pápa, rimpápa /Papst/;
gazda /Hauswirt/; vojvoda /Woiwode/; starišina /Beistand/. Die
Deklination von diesen Wörtern ist sehr gemischt, es ist eine
vielfache Vermischung mit den Formen der o-Deklination zu be-
obachten, z.B.:

Sing. Akk. očo
Gen. očé, očo, oča
Dat.-Lok. oči
Instr. z očom; s slugov
Plur. Nom. očevje, očovje; sluge, slugi
Akk. očé
Gen. očév, očov, očôv; slugov, slúg
Dat. očom; slugom, slugam
Lok. pri očaj
Instr. z očami

Dual Nom.-Akk.-Gen. oča, očo, očôv; slugi

Dat.-Lok.-Instr. očoma; vojvodoma, vojvodama.

Verg. noch: očin, pápin, gazdin, slugin, oder: pápov, slugov,
gazdov /dem Vater, dem Papst, dem Diener, dem Hauswirt gehö-
rend/; očin blagoslov /Vatersegen/. Ähnlich ist noch: držiga
/Geiziger/; außerdem die Wörter auf -iša, -oša /teilweise Ei-

gennamen/, wie Mekiša, Porédoša, Kološa, Lápoša, bikoša, baotoša. Sie folgen eher der Deklination der Maskulina, und manchmal kommen sie auch ohne -a vor /baotoš/.

124. §. Das Wort mati /Mutter/ gehörte einst der schon verlorenen Deklination der konsonantischen Stämme an, heute aber erhält es in den meisten Fällen die Endungen der a-Deklination.

Sing. Nom.	mati	Dual materi	Plur. matere
Akk.	mater	"	"
Gen.	materé	" und mater	máter
Dat.	materi	materama, auch -oma	materam
Lok.	pri "	pri "	pri materaj
Instr.	z má- terjov	"	z materami, z máterjami

Das Wort či < hči bekommt vorwiegend die Endungen der i-Deklination /s. dort!/.

125. §. Wörter, die nur Pluralformen haben: cepé /Dreschflegel/; škárje /Schere/; klěšče /Zange/; hlače /Hose/; pazje /Achselhöhle/; locné /Name einer manuellen Förderanlage, die in der Bauerwirtschaft gebraucht wird/; mozgé /Gering/; lempe /Mund/. Selten werden einige von diesen Wörtern auch im Singular gebraucht, aber in diesen Fällen erscheinen sie als Neutra /pazjé; činjé = Messergriff/.

126. §. Auf dem größten Teile des Sprachgebiets enden die meisten Dorfnamen auf -ce und sind Feminina im Plural. Ihre Deklination folgt der a-Deklination, aber der Lokativ endet auf die ursprüngliche adjektivische Flexion -ih > -i, z.B.: Skakovce /ung. Szécsényfalva/: Skakovce, Skakovcam, v Skakovci, s Skakovcami. Manchmal vermischen sie sich mit Singularformen, z.B.: z Lömerja, s Törnišča; Törnišče je velko, oder: Törnišče so velke, Törnišči so velki /T. ist groß; im letzteren Beispiel ist T. bei den sogenannten Marki^x maskulin, wie z.B. Béltinci./

^x Marki /plur. Nom. des Namens Marko/, aber auch Dolenci /Untertändler/ werden die Träger des unteren oder südlichen wendischen Dialektes genannt. Vgl.: Pável Ágoston válogatott tanulmányai és cikkei. Szombathely, 1976, S. 67.

127. §. Manchmal finden wir--samt mit einer Modifikation im Genus -- in der a-Deklination Gruppen von Substantive, die eigentlich einer anderen Deklination angehören. Das gilt besonders für die Substantive auf -ev und -em. Z.B.: molítev und molítva /Gebet/; pesem und pesma /Lied/; postev und postela /Bett/; rama und rame /Schulter/; čúda und čúdo /Wunder/; gnêzda und gnêzdo /Nest/; jabuka und jabuko /Apfel/. Auch die Deklination dieser Wörter ist sehr instabil.

128. §. Bei einem Teil der Wörter -- besonders bei den Wörtern mit einem langen Vokal oder mit einem Diphthong -- sind Stelle und Qualität der Betonung festgelegt. Aber bei einem bedeutenden Anteil der Wörter werden sie -- nach bestimmten Regeln -- verändert.

129. §. II. Deklination: Feminina auf Konsonanten
/i-Stämme/

Der Nominativ des Singulars endet auf Konsonanten oder auf einen Diphthong, der aus einem Konsonanten entstand. Sie werden als i-Stämme bezeichnet, weil sie in einigen Kasus auf i endeten.

a/ einsilbige:

brv /Brückensteg/	noč /Nacht/
cěv /Rohr/	pěč /Ofen/
čést /Ehre/	pôt /Weg/
dlan /Handteller/	rěč /Wort/
kad /Wanne/	skrb /Sorge/
klêt /Keller/	smrt /Tod/
klôp /Bank/	sô < sôl /Salz/
krv /Blut/	stran /Seite/
láz /Lüge/	strast /Leidenschaft/
mást /Fett/	stvar /Tier/
miš /Maus/	vés /Dorf/
moč /Kraft/	věst /Nachricht/
nit /Faden/	zmês /Gemisch/

b/ mehrsilbige:

jablan /Apfelbaum/	pesem /Lied/
jesén /Herbst/	pomôč /Hilfe/
kokôš /Huhn/	postev /Bett/
kôpeo < kôpelj /Bad/	povôden /Hochwasser/
miseo < misel /Gedanke/	senôžet /Heuwiese/
pamet /Vernunft, Verstand/	spôved /Beichte/
perôt /Flügel/	zíbeo /Wiege/

c/ auf -ost:

milost /Gnade/	mladost /Jugend/
radost /Freude/	

d/ auf -ev:

molítev /Gebet/	tikev /Kürbis/
ženítev /Heirat/	breskev /Pfirsich/, usw.

e/ auf -zen:

bojâzen /Angst/	príkazen /Vision/
bolezen /Krankheit/	prlázen /morschender, morscher Baum/
gnilâzen /Fäule/	strjâzen /dürres Gräs, dürrer, gebrochener Zweig/
lúbézen /Liebe/	sühâzen /dürrer Zweig/
mladézen /Jugend/	

130. §. Die Deklination:

Sing. Nom.	nit /Faden/	Dual	níti	Plur.	niti
Akk.	"		"		"
Gen.	niti, níti		"		níti
Dat.	"		nitama, nitoma		nitam
Lok. pri	"	pri	"	pri	nitaj
Instr. z	nítjov	z	"	z	nitami.

In den dieser Deklination folgenden Wörtern wird der Akzent immer von der gleichen Silbe getragen, aber die Qualität des Akzentes kann in einigen Fällen verändert werden /Gen. Sing. und Plur.; Instr. Sing., z.B.: níti, z nítjov/.

Sing. Nom.	noč /Nacht/	Dual nôči, nočê	Plur. nočí
Akk.	"	" "	"
Gen.	nôči, nočí	" "	nôči
Dat.	"	nočâma, nôčoma	nočâm
Lok.	pri "	pri " "	pri nočaj
Instr.	z nočjôv	" "	z nočâmi, nočmí.

Bei den in diese Gruppe gehörenden Wörtern ändert sich die Tonstelle, vor allem in Genitiv und Instrumental des Singulars, im Dual und im ganzen Plural /mit Ausnahme des Genitivs/. In diesen Fällen wird der Ton von den Endungen getragen /nočí, nočjôv, nočaj, nočmí, nočê/.

131. §. Die meisten Wörter haben im Instrumental des Singulars eine Endung -jov, -jôv, einige aber nur -ov, -ôv /nočjôv, s pesmov, s tikvov o. s tikevjov/. Neben der Form s cerkvov finden wir auch s cerkevjev, z molítevjov, z molítvijov, z molítvov.

Trägt die ursprüngliche -i-Endung des Duals den Ton, wird sie zu -ê /nočê, klopê, lažê/. Im Dativ, Lokativ und Instrumental des Duals finden wir neben -âma, -ama auch -oma, in einigen Gebieten aber auch -ema /lažema, klopema/.

Im Lokativ des Plurals kann sich die tontragende Endung -âj < -ah in -ej entwickeln /po noče = nachts; reče, laže/; im Instrumental sind auch Formen mit der ursprünglichen Endung -mi, sogar mit -i bekannt /z nočmí, z lažmí, z močmí, z rečmí, pred očmí; z oblâsti teme = mit der Macht der Finsternis; med postâti = zwischen den Furchen/; im Dativ kommt ausnahmsweise auch die Flexion -im vor, vor allem bei Schriftstellern: zapo-vedím /Befehl/. Ähnlich verhalten sich viele Wörter auf Diphtonge.

132. §. Das -e vor dem Endkonsonanten fällt in den meisten Kasus der Deklination weg. Z.B.: bolezen: bolezní /Krankheit/; miseo: míslí /Gedanke/; pesem: pesmi /Lied/; povôden: povôdni /Hochwasser/; cêrkev: cêrkvi /Kirche/; molítev: molítvi /Gebet/; aber: kôpeo: kôpeli /Bad/; pamet: pámeti /Vernunft, Verstand/; posteo: posteli /Bett/; zíbeo: zíbeli /Wiege/.

133. §. Das einst zu den konsonantischen Stämmen gehörende Wort či < hči /Tochter/ wird heute nach den i-Stämmen dekliniert:

Sing. Nom.	čí	Dual	čeri, čerê	Plur.	čerí
Akk.	čer		" "		čeri
Gen.	čeri		" "		"
Dat.	"		čeráma, čeroma		čerám
Lok.	pri "	pri	" "	pri	čeráj
Instr.	s čerjôv	s	" "	s	čerámi

134. §. Einige Wörter auf -ost haben auch Varianten auf -ošča, z.B.: milošča /Gnade/; nevarnost und nevarnošča /Gefahr/; sie stammen aus der Form z nevarnostjov > z nevarnoščov.

135. §. Wegen der Assimilation in den Kasusfällen /kosítev: kosítvi > kosídvi/ kommen die Wörter auf -tev meistens mit der Nominativendung -dev vor; z.B.: kosíadev /Mahd/; sejáddev /Aus-söhnung/; molíadev /Gebet/. In einigen Gebieten wurde auch -db- aus -dv- in allen Kasusfällen, z.B.: kosídbi, usw.

136. §. Vermischungen mit anderen Deklinationen

1/ Viele Wörter gingen in die feminine a-Deklination über, vor allem die auf -ev. Die meisten von ihnen können nach den zwei Deklinationen veräuert werden, z.B.: molítva /Gebet/; ponva /Pfanne/; sétva /Saat/; pesma /Lied/; cerkva /Kirche/. Auch Wörter mit anderen Endungen gehören oft mehreren Deklinationstypen an, z.B.: strána /Seite/ hat neben dieser femininen Nominativform noch eine feminine und auch eine maskuline stran;

podgána /Ratte; fem./ und podgan /fem. und mask./; postela und postev /Bett/; postat und postata /Abstand zwischen zwei Furchen/.

Andere feminine Formen, die als Ausnahmen betrachtet werden können: z lübage /statt z lübavi; aus Liebe/; im Akkusativ des Plurals: stvaré, rečé /statt stvarí, rečí; Tiere, Wörter/; im Genitiv des Plurals, bei Schriftstellern: cerkev, cerkv /Kirche/; šest dužnost /sechs Pflichten/. Das einst maskuline pôt wurde feminin, bewahrte aber seine i-Deklination, vgl. drúgi, trétji pôt /zum zweit n, dritten Mal/; s pôtoma /unterwegs/; bei Schriftstellern kommt in Genitiv des Plurals auch potov vor.

137. §

2/ Maskuline Formen: dvá žrda /vgl. ung. vendégoldal/, statt und neben dvê žrdi; vajata /Zügel/, z vajatom /statt und neben z vajátjov/; z obütelom /Schuhwerk/; statt und neben z obüteljov, heute meistens maskulin/; z kervjom i z mesom /mit Blut und Fleisch; der Ausdruck kommt bei Schriftstellern vor; diese falsche Form statt s krvjôv entstand unter dem Einfluß des richtigen z mesom/; poplatje /Sohlen; statt und neben poplati/. Nach dem Vorbild der Maskulina kommen Formen auf ov-je im Nominativ des Plurals vor, vor allem in der Bedeutung von Sammelnamen, z.B.: vlatovjé /Ähren; statt und neben vlati/. Neben der Form z ocla /Stahl/ finden wir auch die feminine z oceli, die als Ausnahme betrachtet werden kann. Ähnlich sind zábela und zábeli /Fett; Sing. Gen./.

138 §. Teilweise als Ausnahmen bei den Neutra gelten die Formen čelústa /Kiefer; Plur. Nom., statt und neben čelústi/; na prsa /Brust; statt und neben na prsí/; selten hat auch das Wort vúmen /Euter/ Formen mit der Endung der i-Stämme /vúmeni, usw./.

139. §. Beide Bestandteile des Wortes maticérkev /Kirche, wortwörtlich 'Mutter Kirche', vgl. ung. 'anyaszentegyház' / sind einzeln zu deklinieren, z.B.: materé cêrkvi usw. Da wir im Nominativ des Singulars zwei Formen, cêrkev und cêrkva haben,

sind Doppelformen auch in den abhängigen Kasus häufig.

140 §. Nur im Plural werden gebraucht: bajusi /Schnurbart/; prsi /Brust; im Genitiv auch prs/; gosli /Geige; Genitiv goseo und auch gôsev/; stéri /Heuicht; Genitiv auch stér/; dveri /Tür/; Genitiv meistens uvér/; sani /Schlitten; Genitiv sáni und sán, das Letztere wird gebraucht, wenn es um mehrere Schlitten geht/; očáli und očále /Brille; Genitiv auch očál; das Wort hat aber auch Kasusformen nach dem Vorbild der a-Stämme/; očí /Augen; Genitiv ôči, die anderen Kasusformen očam o. očem; očáj o. očej; očmí und očámi; z ôči v ôči = von Angesicht zu Angesicht; statt des Duals: dvê okê o. ôki; das Wort okê gehört sonst zu Neutra, s. dort!//; jesli /Futterkrippe; Genitiv jéseo/.

III. Deklination: Maskulina auf Konsonanten /o-Stämme/

141. §. Sie werden als o-Stämme bezeichnet, weil einst vor allen Kasusendungen ein o stand, heute ist dieses o nur in einigen Fällen erhalten /z dvor-om, dvor-om, dvor-oma/. Die hierher gehörenden Wörter gehen -- mit einer geringen Anzahl von Ausnahmen -- auf Konsonanten aus, oder auf Diphtonge, der sich aus l entwickelte, z.B.: brat /Bruder/; dečko /Bursche, Knabe/; krao < kralj /König/.

142. §. Die Deklination:

Kasus	Singular		Dual		Plural	
	belebt	unbelebt	belebt	unbelebt	belebt	unbelebt
Nom.	brat	dvor	brat-a	dvor-a	brat-i	dvor-i
Akk.	brat-a	"	"	"	brat-e	dvor-e
Gen.	"	dvor-a	"	"	brat-ov	dvor-ov
Dat.	brat-i	dvor-i	brat-oma	dvor-oma	brat-om	dvor-om
Lok.	pri brat-i	pri dvôri	pri "	pri "	pri brat-aj	pri dvor-aj
Instr. z	brat-om	z dvor-om	z "	z "	z brat-ami	z dvor- ami

Im Ausruf 'Gospodne Bože!' /Herr Gott/ ist der ehemalige Vokativ bewahrt /s. 112. §!/. .

Der Akkusativ des Singulars ist bei Substantiven, die Lebewesen bezeichnen, dem Genitiv /brata/, bei denen aber, die unbelebte Dinge und Begriffe bedeuten, dem Nominativ /dvor/ gleich. Sonst wird in der Deklination zwischen 'belebt' und 'unbelebt' kein Unterschied getroffen.

143. § Fällt der Ton auf den letzten Vokal der Endung, wird dieser Vokal gedehnt oder diphtongiert; aus i wird meistens e /wie es bei den a-Stämmen der Fall war/, z.B.: zôb: zobá, zobé, zobáj /Zahn/; rôb: rôbi und robé /Rand, Kante/.

Im Dativ, Lokativ und Instrumental des Duals kommt auch die Endung -ama, -áma vor, wie bei den a-Stämmen. Z.B.: robáma; môž: možáma, môžoma, sogar možévoma /Ehemann/; statt des Genitivs des Duals wird auch der Genitiv des Plurals gebraucht: trávníkov, konjov.

145. §. Im Nominativ des Plurals hört man neben dem -i auch die Endung -je, die von den zu den i-Stämmen gehörenden Maskulina stammt; wovor wir statt k meistens ein c, statt g -- seltener -- ein z finden, als Spur des ehemaligen Lautwandels vor i. Z.B.: pastér: pastérje /Hirt/; zôb: zobje /Zahn/; vlás:

vlasjé /haar/; môž: možjé /Ehemann/; črv: črvi, črvjé /Wurm/; snop: snopje /Garbe/; trávník: trávnícjé /Wiese/; vrag: vrazjé /Teufel/. Nach weiteren Lautwandeln wurde aus diesem j > gj, tj, bzw. vor palatalen Konsonanten g, k. Z.B.: pastérgje > pastérge, zobgjé > zobgé; vlastjé > vlské; snoptje > snopke; trávnictje > trávnícke; vrazgjé > vrazgé.

146. §. Vor den Endungen des Nominativs des Plurals -je bzw. -i findet man oft ein -ov-, -ôv-, -ev-, -év-, das aus den ausgestorbenen u-Stämmen stammt, und später auch in die anderen Pluralkasus eindringen konnte, bei einigen Wörtern aber auch sogar in einige Kasus des Singulars. Beispiele dafür: prt: prtôvjé /Bettuch/; môst: môstovje /Brücke/; črv: črvovje /Wurm/; grm: grmôvje /eine mit Sträuchern bewachsene Ort/ und grmi /Sträucher/; konj: konji, konjovje; konjov, konjôv und konjév /Pferd/; pop: popevje, popovje, popi /Pope, Geistliche der Ostkirche/; môž: možév und možôv, im Akkusativ des Plurals možéve /und možé/; im Dual: možévoma und možâma, sogar auch im Dativ des Singulars: možévi o. môži, im Lokativ des Singulars v možévi o. v moži /Ehemann/. Ähnlich ist der Dativ des Singulars von pes /Hund/: psovi.

147. §. Selten wird der Akkusativ des Plurals nach dem Vorbild der Neutra gebildet: v lûfta skáče /er springt in die Luft/. Mitunter finden wir im Genitiv auch Formen mit Ursprung aus den a- und i-Stämmen, z.B.: lonec: loncov und lônec /Topf/; vôz: vozôv und vôz /Fuhre, Wagen/; zôb: zobôv, zôbi /Zahn/; lakét: laktôv, lakti /Ellenmaß/; vlás: vlasôv, vlâsi, vlás /Haar/. Im Dativ des Plurals kommt auch die Endung -am vor, z.B.: k môstam /Brücke; neben k môstom/; im Lokativ des Plurals finden wir unter Betonung neben -aj-, -âj auch -ej-, -éj, z.B.: pri konjej o. pri kônjaj /Pferd/, v velikih strahej je /er ist in großen Ängsten/; im Instrumental des Plurals nach dem Vorbild der i-Stämme und der alten u-Stämme auch -mi, sogar -i, z.B.: z zobmi o. z zobâmi /Zahn/, z mostmi, z mostí /Brücke/;

s psi /Hund/; s črví /Wurm/; z drogmí, z drogámi /Stange/; s trávníki, s trávníkami /Wiese/; s konji, s konjami /Pferd/.

148. §. Die Stelle und Qualität der Betonung ist nur bei einem Teile der Wörter festgestellt. Oft treffen wir auf eine quantitative Dehnung, vor allem im Lokativ, z.B.: gnoj: v gnôji /Mist/; znoj: v znôji /Schweiß/; dešč: v déždi /Regen/; blek: v bléki o. v bleki /Ranzen/; hram: v hrámi /Haus/; keden: v kédni o. v kédnaj /Wochentag/; kraj: na kráji /Rand/; dim: v dími /Rauch/. In einigen Ausdrücken kommt die Tonstelle näher zur Präposition, oder geht an die Präposition über: čemér /Zorn; vgl. ung. csömör/: v čemeri, v čemeraj /neben v čeméri, v čemeráj/; večer /Abend/: do večera, z večer, k večeri; deni na stol /lege auf den Tisch! 'sto = Tisch' ist unbetont/; za sna /jdn aus dem Schlafe stören/.

149. §. Bei vielen Wörtern wird das e der letzten Silbe in der Deklination ausgestoßen /vgl. ung. bokor - bokrot, fészek - fészket/ . Z.B.: júnec: jünca /Ochse/; pijánec: pijanca /Säufer/; goričánc: goričanca /Hügel- und Gebirgsbewohner/; kúpec: kúpca /Käufer/; závec: závca /Hase/; ogen: ognja /Feuer/; vöter: vötra /Wind/. Selten kommt diese Erscheinung auch in Wunzelsilben vor: pes: psa /Hund/; sen: sna /Traum/.

Die Deklination von 'pes': psa, psa, psovi, pri psovi, s psom; psa, psoma; psi, pse, psôv, psom, pri psáj, s psami o. psi. Der Dativ und Lokativ des Singulars von sen lautet sne; im Plural werden die Pluralformen von senja /senje usw./ mehr gebraucht. In den nächsten Doppelformen wird ein langes é ausgestoßen: nojét: nojtá o. nojéta /Nagel/; lakét: lakta o. lakéta /Elle, Ellenmaß/. Das letzte Wort hat die ganze Deklination

hindurch Dreierformen: na lakti, na lákti, na lakéti. In einigen Wörtern wird das e schon im Nominativ ausgestoßen, z.B.: skvorc < skvorec /Star/.

In einigen Wörtern aber, und auch, wenn es um nicht übliche Konsonantenhäufungen geht, blieb das e beibehalten, z.B.: mêsec: mêseca /Mond, Monat/; človek: človeka /Mensch/; jelen:

jelena /Hirsch/, in den letzteren zwei Wörtern wurde das e dank der Betonung bewahrt: jázbec: jázbeca /Bussard/; mrtvec: mrtveca /Tote/.

150. §. Die Wörter auf -eo, -ôo < -elj, -el erhalten im Laufe der Deklination das ursprüngliche l zurück, und zwar die auf -teo unter Beibehaltung des Vokals, die aber auf -eo mit Vokalausstoß. Z.B.: prijátev: prijátela /Freund/; vučíteo: vučítela /Lehrer/; rešíteo: rešítela /Retter/; -- roqôo: roqlá /Horn/; kašeo: kašla /Husten/; črêveo: črêvla /Stiefel/; po-seo: posla /Angelegenheit/; môo: méla /Hopfen/; sto < stô: stola /Tisch/; vrábeo: vrábľa /Speerling/; angeo: angela /Angel/ - sogar auch: mozoj < mozolj: mozola /Akne, Geschwür/.

151. §. In den Wörtern -- meistens fremden Ursprung^s -- auf silbenbildenes -é finden wir vor den Flexion ein -n, damit der silbenbildende Charakter des l bewahrt wird. Z.B.: ládl: ládlňa /Lade/; štopl: štoplna /Stoppel/; Merkl: Merklňa /Merkl, Familienname/.

152. §. Das in der volkstümlichen Aussprache zu -n gewordene auslautende -m dringt selten auch in die Deklination ein, z.B.: din < dim: v díni /Rauch/; gron < grom: groná /Donner, Blitz/.

153. §. Wörter, die nur Pluralformen haben: kučti /Hüfte/; otrôbi und otrôbje /Kleie; Gen. otrôbov und otrôb; Dat. otrôbom und otrôbam/; kûri /Geflügel; Dat. kûram und kûrom; das Wort hat auch eine neutrale Singularform, die aber seltener vorkommt: kûre/.

154. §. Zu den o-Stämmen, Maskulina gingen über:

1/ Die Maskulina von den ehemaligen i-Stämmen. Die Spuren dieser Deklination sind: die Endung -je im Nominativ des Plurals /gospôdje, vucjé, lûdjé -- Herren, Wölfe, Menschen/, die später auch andere Maskulina erhalten konnten. Die meisten Formen wurden von dem Zahlwort trijé /drei/ und von dem als Pluralform von človek /Mensch/ gebrauchten lûdjé /Menschen/ bewahrt: Nom. lûdjé, trijé; Akk. lûdí, trí; Gen. lûdi, trêh, trí;

Dat. lúdém, trem; Lok. pri lúdej, pri treh; Instr. z lüdmí, s trêmi.

Das einst maskuline pot /Weg/ kommt im Wendischen nur als weibliches Substantiv vor, und folgt der Deklination der i- Stämme.

155. §. Die Wörter, die einst nach den -u-Stämmen dekliniert wurden, sind: lén /Lein/; sin /Sohn/; stan /Zustand/; méd /Honig/; réd /Reihe, Ordnung/; léd /Eis/; sád /Frucht/; glád /Hunger/; grád /Burg/; rod /Generation, Geschlecht/; cvêt /Blüte/; tést /Schwiegervater/; dom /Zuhause/; sram /Scham/; mao /Gelegenheit, Mahl/; boj /Kampf/; prah /Staub/; stráh /Furcht/; mír, mér /Frieden/; dár /Gabe/; kvás /Gärteig/; vlás /Haar/. Die charakteristischste Spur von dieser Deklination ist die betonte -ü-Flexion im Genitiv des Singulars, die auch an andere Maskulina übertragen wurde: lenŭ, sinŭ, medŭ, sadŭ, prahŭ, redŭ, ledŭ, malŭ, mirŭ, testŭ, rodŭ, strahŭ; außerdem das -ov, -ev vor den Flexionen; die Flexion -ov, -ev im Genitiv des Plurals, und die Flexion -mí im Instrumental des Plurals. Beispiele: zobôvje, zobôv; Sing. Dat. sinôvi und síni; Dual sínoma und sinôvoma; Plur. Nom. sinôvi und sinôvje; Dat. sínom o. sinôvom; Akk. síní, sinôve; Instr. s síní, s sinami, s sinôvi, s sinôvami; z zobmí; in einigen Gebieten kommt auch dvá sinŭ vor /Cserföld/.

156. §. 3/ Einige Wörter, die einst zu den konsonantischen Stämmen gehörten: kamen: kamla, na kámli usw. < kamna, kamni /Stein/; den /Tag/. Das Wort den wird auf die folgende Weise dekliniert:

Sing. Nom.	dén	Dual dní, dnéva	Plur. dnévi
Akk.	"	" "	dní, dnéve
Gen.	dnéva	" "	dní und dnévov
Dat.	dnévi	dnévoma	dnévom
Lok. pri	"	pri "	pri dnévaj
Instr. z	dnévom	z "	z dnéva ^{mí} , z dnévi

bemerkenswert sind: vudné /bei Tage/; predpôdnom /am Vormittag/; popôdnévi, popôdné /am Nachmittag/; dnes > qnes /heute/.

157. §. Außer den Wörtern auf -a gibt es noch einige Maskulina auf Vokal. Der Vokal geriet meistens nur durch den Ausfall des auslautenden -h oder eines anderen Konsonanten in die Endposition. Solche Wörter sind:

a/ sinko /Söhnlein/; dečko /Kerl, Bursche/; Vanko /Iwan/; Benko usw. Sie werden nach den o-Stämmen dekliniert: sinka usw.

b/ oli /Öl/; jesi: jesih /Essig/; júni, júli /Juni, Juli/; keli, kelih /Kelch/; ori und orê, oreh /Nuß/. Sie werden regelmäßig dekliniert, aber vor den Flexionen erhalten sie -j-, das entweder sekundären Ursprungs ist, oder aber aus -h- entstand, und sich mit ihm abwechselt: kelija, keliha; oreja, oreha. Mittels desselben j wird die Flexion in den Fremdwörtern /vor allem in Eigennamen/ auf Vokal an den Wortstamm angefügt: gumi: gumija; pengö: pengöja; Horthy: Horthyja, usw.

c/ krü < krüh: krúja o. krúha /Brot/; dú < dúh: dúhá /Seele, Geist/. Sie werden regelmäßig dekliniert.

a/ sto < stol: stola /Tisch/ wird ebenfalls regelmäßig dekliniert.

158. §. Die substantivisch gebrauchten Adjektiva folgen meistens der adjektivischen Deklination. Z.B.: Nedelički, Nedeličkoga, Nedeličkomi, usw.

IV. Deklination: Neutra auf -o, -e

159. §. Die hierher gehörenden Substantive gehen -- mit einem geringen Anzahl von Ausnahmen -- im Nominativ des Singulars auf ein -o, -e aus, und zwar nach den ursprünglich harten Konsonanten auf -o, nach den ursprünglich weichen aber auf -e.

160. §. Die Deklination:

Sing. Nom.	leto /Jahr/	líce /Gesicht/	Dual	leti	líci
Akk.	"	"		"	"
Gen.	leta	líca		"	"
Dat.	leti	líci		letoma	lícoma
Lok.	"	"		"	"
Insrt.	z letom	z lícom		"	"

Plur. Nom.	lêta	líca			
Akk.	"	"			
Gen.	lêt	lít			
Dat.	lêtam	lítam			
Lok.	lêtaj	lítaj			
Instr.	z létami, létí z lítami, lítí				

161 §. Die Substantive auf -o, -e sind vom Ursprung alle Neutra. In der wendischen Volkssprache aber wird die Zahl der regelmäßigen Pluralformen immer geringer. Dieser Prozeß wurde von den Pluraliatantum begonnen, die von keiner Singularform sächlichen Geschlechts unterstützt waren und so konnten sie leicht -- meistens -- zu den femininen a-Stämmen übergehen. Anfangs war die Deklination nur im Plural schwankend, /one svete mesta; svoje srca usw./, später aber auch im Singular /med čú-čov, za vühôv/, und letzten Endes konnte das zum Geschlechtswandel des Wortes führen, so, daß bei vielen Wörtern Doppelformen erschienen: sie haben gleichzeitig weibliche und sächliche Formen und dementsprechend können sie nach der weiblichen a-Deklination und auch nach der sächlichen /IV/ Deklination verändert werden; jedoch werden aber die femininen Formen öfter gebraucht. Z.B.: čúdo und čúda /Wunder/; vühô und vúja /Ohr/; pilo und pila /Feile/; pismo und pisma /Brief/; bédro und béd-
ra /Schenkel/; rébro und réb-
ra /Rippe/; pero und pera /Feder/; stêblo und stêbla /Stamm/; gnêzdo und gnêzda /Nest/; okô und

ôka /Auge; ôka im übertragenen Sinne/; okno und okna /Fenster/; betvo und betva /Halm/; jabuko und jabuka /Apfel/; cedalo und cedala /Zettel/, usw. Da die neuen Formen des Nominativs des Plurals auf -e und die ursprünglichen Formen des Nominativs des Singulars auf -e nebeneinander existierten, wurde das Zahlgefühl ungewiß, z.B.: pomíje /Spülicht/ kann als sächliche Singular-, aber auch als weibliche Pluralform aufgefaßt werden. Selten entwickelten sich auch neue Singularformen zu den als Pluralformen wahrgenommenen Formen, z.B. lůšćinje: lůšćinja /Schale, Hülse/; drtinja: drtinje /Krumme/, usw.

Eine umgekehrte Erscheinung: einige Feminina haben Pluralformen nach dem Vorbild der Neutra, z.B.: hiža: hiža /Haus; neben und statt hiže/; njiva: njíva /Acker; neben und statt njíve/.

162. §. Fällt der Ton auf den auslautenden Vokal, wird er gedehnt oder diphtongiert. Z.B.: polé /Wiese; statt und neben pôle/; pránjé /Wäsche/; sená /Genitiv des Singulars von senô = Heu/, usw. Aus -i wird oft -ê, z.B.: k prosê /Hirse/; v poštenjê meti /in Ehren halten/; dvê okê /zwei Augen/; v mesê /Fleisch/. In einsilbigen Wörtern wird auch i > e, z.B.: na dne, k dne < dni /Grund, Boden/.

163. §. Im Instrumental des Singulars, nach weichen Konsonanten kommt auch -em vor, z.B.: med bliskanjem i grmlenjom /unter Donner und Blitz/.

Im Nominativ des Plurals ist die Endung manchmal -ja, z.B.: okno: ôknja /statt und neben okna/. Im Genitiv des Plurals finden wir ausnahmsweise auch die Endung -ov, -ev, die für die Maskulina charakteristisch ist, z.B.: čudov /Wunder/, z svojih imanjo /Starine; aus ihren Gütern/; kolév /Plur. Gen. von kolo = Rad/. Im Dativ des Plurals kommt neben der Endung -am auch die ursprüngliche -om vor, z.B.: delom, k vratom, k srcom /Sache; das Tor; Herz/; im Lokativ des Plurals neben -aj auch -ej, z.B.: po tlej > po klej /Boden/; im Instrumental des Plurals auch -i und -mi, z.B.: pred lèti o. létmi /vor vielen Jahren/; z mēsti /Stadt/.

Im Genitiv des Duals wird auch mēst, pôl /Plur. Gen./ gebraucht; im Dativ, Lokativ und Instrumental des Duals neben

-oma auch -ama, -áma, z.B.: k dreváma /zu zwei Bäumen/.

164. §. Pluraliatantum sind: kôla /Wagen/; plěča /Schultern/; plůča /Lunge/; vůsta /Mund/; vráta /das Tor/; dvérca /Türchen/; jétra /Leber/. Fast alle von ihnen haben auch Singularformen.

165. §. Bei vielen Wörtern wird die Tonstelle im Plural verschoben, und die kurzen Vokale werden gedehnt oder diphtongiert. Z.B.: kolô: kôla /Rad; Wagen/, prosô: prôsa /Hirse/; okô: ôka /Auge/; črvô: čréva /Bauch/; koleno: kôlena /Knie/; kópito: kôpita /Schusterleisten/; železo: žéleza /Eisen/; korito: kori-ta /Trog/; rotišče: rôtišča /Hauenstiel/; bedrô: bédra /Schenkel/; pero: péra /Feder/; jabuko: jabuka /Apfel/; rešeto: rěše-ta /Sieb/; senje: sénja /Messe/; betvo: bétva /Halm/.

166. §. Im Genitiv des Plurals erscheint, damit die Konsonantenhäufung vermieden wird, ein eingeschobenes e, z.B.: okno: ôken < okn /Fenster/; tlo: teo < tl /Boden/; písmo: písem < pism /Brief/ usw. Aber: měst, gnězd, strníšć /Ort, Stelle; Nest; Stoppelfeld/.

167. §. Die Neutra aus der konsonantischen Deklination gerieten in diese Deklination, und zwar so, daß sie ihre stammbildenden Formanten teilweise beibehielten, teilweise aber verlieren. Solche sind: l/ n-Stämme: imí: iména, usw. /Name; Plur. Gen. auch iménov, neben imén/; senje /Messe; im Singular regelmäßig dekliniert, aber im Plural haben wir neben senja auch eine Variante mit n-Einschub: sêmena, usw. Bei den Wörtern vrêmen /Wetter/; slemen /Pfette/; temen /Scheitel/; stremen /Steigbügel; Strippe/; bremen /Last/; semep /Samen/; vûmen /Euter/; plemen /Rasse/ drang das stammbildende n auch in den Nominativ des Singulars ein; diese Wörter werden regelmäßig dekliniert, doch mit einigen Varianten aus anderen Deklinationstypen /Sing. Gen. vrêmeni und vrêmena, Plur. Gen. vrêmenov; vûmen hat eine Variante nach den i-Stämmen, usw. /Die Wörter plamén /Flamme/; kamen /Stein/; remen /Riemen/ sind heute Maskulina und werden

wie jene dekliniert, aber: neben v plaměni auch v plámni; kaměn: kamna > kamla, usw.; der Nominativ des Plurals von remen lautet neben remeni und reměnje auch rémena /wie ein Neutrum!/. Das Wort rama /Schulter/ folgt der femininem a-Deklination, mitunter aber kommen auch Formen mit -n vor: neben na rami auch na rameni.

168. §. 2/ s-Stämme: Von diesen Wörtern hat nur das nébo, něba /Himmel; Himmelsreich/ Formen mit s, aber nur im Plural; im Singular wird es wie die femininen a-Stämme dekliniert, obwohl es auch den o-Stämmen entsprechende sächliche Formen hat, z.B.: gospôd nebá, z něba, med nébom i zémlo /!/: solche kürzere sächliche Formen kommen auch im Plural vor: něba, z neb. Im Plural hat nébo das stammbildende s: nebésa /Himmelsreich; die Singularform nébo hat die Bedeutung 'Himmel'/; die anderen Kasusformen sind: nebésa, nebés, nebésam, nebésaj, nebésami /im Nominativ und Akkusativ des Plurals auch nebése, im Dativ auch nebésom, im Lokativ auch nebési/. Alle die einst hierher gehörenden Wörter gehören heute anderen Deklinationstypen an /vúja o. vúhō; Ohr/, oder verlieren das Stamm-s, und es kommt nur in Ableitungen oder in erstarrten Wendungen in Volksliedern, Gedichten, usw. vor. Z.B.: črvo /Bauch/; tělo /Körper/, Sing. Gen. těla o. auch telá, aber im Volkslied: "sína boš zíbala z svoje-ga telesa", vgl. noch: telesni /körperlich/; utelesiti /verkörpern/; čúdo und čúda /Wunder/, das letzte hat eine vollständige feminine Deklination, die öfters als die sächliche vorkommt; okô /Auge/ hat auch eine feminine Variante ôka, die aber eher Knospen und Keime von Pflanzen bedeutet /auch: ôkica/; im Plural ist das Wort feminin und gehört den i-Stämmen an; ôko wird also folgenderweise dekliniert:

Sing. Nom.	okô	Dual	ôki, okê	Plur.	očí
Akk.	"	"	"	"	"
Gen.	oká	"	"	"	ôči
Dat.	ôki, okê	"	okoma, okáma, očáma	"	očém, očém
Lok: pri	"	pri	" "	pri	očáj, očaj
Instr.	z okôm	z	" "	z	očámi, očmí

In der Bedeutung 'Knospe' lautet der Nominativ des Plurals oké und oká /die Kasusformen sind: ôk, okám, okáj, okámi/.

169 §. t-Stämme: pišćeta usw. /Hühnchen/; mlajšćé: mlajšćeta /Mädchen/; děte: deteta /Kind/; prasé: prasěta /Ferkel/; ščene, -eta /Welpen, junger Hund/; tele, -eta /Kalb/; žrebe, -eta /Füllen/; maće, -eta /Kätzchen/; brave, -eta /Frischling/; živinče, -eta /junges Haustier/; držinče, -eta /Dienerschaft/; siročé, -eta /Arme/; küre, -eta; es gibt auch eine feminine Singularform kūra /Glücke/, deren Pluralformen küre /fem./ und kūri /mask./ lauten. Der Plural von tele ist eher teoci < telci: télec, teocom, teocaj, teocami. Oča /Vater/ und dekla gingen zu den Feminina über, drěvo, drvô /Baum/ weist nur ausnahmsweise Formen nach den t-Stämmen auf /dvě drveti/.

170. § Die Deklination von tlo /Boden, Fußboden/ und dno /Boßen, Grund/:

Sing. Nom.	tlo	Dual	tla	Plur.	tla
Akk.	tlo		"		tla
Gen.	tla		"		tlo
Dat.	tle		tlama /tloma/		tlam /tlem, tlom/
Lok. pri tle			"		tláj /tlej/
Instr. s tlom			"		tlámi /tlémi/

Ausdrücke: nakle < natle /nach unten/; naklaj < natlaj /unten/.

Sing. Nom.	dno	Dual	dna	Plur.	dna /dne/
Akk.	dno		"		dna
Gen.	dna		"		dnôv
Dat.	dne		dnama /dnoma/		dnem
Lok.	dne		"		dnej
Instr. z dnóm			"		dnámi

171 §. Substantive auf -ti

Außer den Neutra auf -o, -e finden wir noch einige substantivierte Infinitive, die auch als Neutra gelten, und in der Volkssprache auch dekliniert werden. Solche sind: jesti /ur-

sprünglich 'essen', Essen, Speise/ und piti /'trinken'; Getränk/. Sie werden folgenderweise dekliniert:

Sing. Nom.	jésti	Dual jéstiji
Akk.	jésti	"
Gen.	jéstija	"
Dat.	jéstiji	jéstijoma
Lok.	jéstiji	"
Instr.	z jéstjom	"

Pluralformen tauchen fast nie auf. Beispiele: Jéstija má zadostá = /Er/sie hat genug zu essen/; z jéstjom je zadovolen. = Er ist zufrieden mit dem Essen.

Die Deklination der Eigennamen

172. §. Die Eigennamen werden genau so dekliniert, wie die Gattungshamen gleichen Geschlechts und Stammes. Z.B.: Cankova /ung. Vaskidegkút/: Cankov, na Cankovi, usw.; Selo /ung. Tótlak/: Sela, v Seli, usw.; Peter: Petra, pri Petri, usw.

Die Maskulina auf -a werden eher nach den maskulinen o-Stämmen dekliniert, aber oft kommen auch Formen der a-Stämme vor /s. die a- und o-Stämme!/.

Die Ortsnamen auf -ce, die Pluralformen sind, gehören in einigen Gebieten den Maskulina /-ci/, aber auf dem größten Teile des Sprachgebietes den Feminina an. In der Deklination weisen sie Schwankungen auf, z.B.:

Nom.	Skakovce /ung. Szécsényfalva/
Akk.	"
Gen.	Skakovec
Dat.	Skakovcam /seltener Skakovcom/
Lok.	v Skakovci
Instr.	s Skakovcami

Ortsnamen, die der Form nach Adjektive sind, werden wie jene dekliniert.

Bei zusammengesetzten Ortsnamen werden die Bestandteile,

falls sie auch selbständig gebraucht werden, einzeln dekliniert.
Z.B.: Vanča vės, Vančo vės, Vanče vési, usw.; Sŭhi mlin, Sŭhoga
mlina, v Sŭhom mlini, usw.

Bilden die Bestandteile eine enge Einheit, so werden sie
wie ein Wort dekliniert, z.B. Budapešt, v Budapešti, usw.; Bel-
grád, z Belgráda, usw.

Содержание

С.Н. van Schooneveld.	A Sign-theoretical Model of Semantic Structure in Language	3
С. Ковачев.	Древнеиндоевропейский перфект и славянские словообразовательные архетипы	27
Е.М. Демьянова.	О так называемой адъективации причастий с суффиксами -ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-	63
Е.М. Демьянова.	Проблема омонимичности страдательных причастий прошедшего времени и отглагольных прилагательных, мотивированных переходными глаголами совершенного вида	73
К. Босилков.	За аглутинацията в граматичната система на съвременния български книжовен език	85
С.М. Васильченко.	Семантическая структура и деривационные связи некоторых названий приспособлений-вместилищ в современном русском литературном языке	97
И.Х. Тот.	К изучению языка I-ого Жития Наума	107
И.Х. Тот.	Малоизвестная Сентябрьская минея из собрания ГИМ	145
И. Гончар.	Функция вставных конструкций в художественной публицистике	161
Й. Крекич.	Прагматика и семантика отрицательных форм императива	171
К. Фабриц.	Уровни реализации машинного перевода	191
К. Куглер.	Некоторые особенности стилизации устной речи	209
И. Феринц.	Вопросы веры и разума в письменных памятниках Киевской Руси	225
А. Kacziba.	Die Grammatik der wendischen /ungarländischen slovenischen/ Sprache von Avgust Pavel	235
Avgust Pavel.	Grammatik der wendischen /ungarländischen slovenischen/ Sprache. /Auszüge/	257
Содержание	285

Fk: Dr. Kristó Gyula dékán

Készült a JATE Sokszorosító Üzemében, Szeged

Engedélyszám: 123/88.

Méret: B/5

Példányszám: 400

Fv: Lengyel Gábor